

ISSN 0130-3600

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
საქართველოს

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

12
1987

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ВАНО ЧХИЕВАДЗЕ. Стихи. Перевод Влади-
мира Еременко 3
- АНИА МХЕИДЗЕ. Выбираю я... Рассказ. Пе-
ревод Александра Окропиридзе 10
- КОНСТАНТИН ЛОМИА. Стихи. Перевод Яко-
ва Козловского 45
- ТАРИЭЛ ХАРХЕЛАУРИ. Стихи. Перевод
Тамары Панапашвили 46
- ВИЛЛИ РАЕВ. Неотправленное письмо. Рас-
сказ. 48
- ВАЖА ОТАРАШВИЛИ. Стихи. Переводы Ни-
но Гулуа, Владимира Саришви-
ли 71
- ГЛАН ОНАНЯН. Стихи 73

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ. Мое путешествие из
Тифлиса в Петербург. Окончание 76

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. «Грузия, Ре-
волюция, Шекспир...» Окончание 126

12

1987

ВИКТОР КАХНИАШВИЛИ. Грузинская тема
в творчестве немецкоязычных писателей 148

РОКСАНА АХВЕРДЯН. На поприще родной
культуры 157

ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЕВАН МАЧАИДЗЕ. Бесценный дар—в доб-
рые руки 169

РАССКАЗЫВАЮТ ИСТОЧНИКИ

ТАМАЗ БЕРАДЗЕ. И на веслах, и на парусах 183

ИСКУССТВО

ЕЛЕНА СЕХНИАШВИЛИ. И мастерство, и вдо-
хновенье 198

ГУБАЗ МЕГРЕЛИДЗЕ. Посредники нравст-
венного союза 204

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ГЕННАДИЙ ВОЛКОВ. Цветок любви и благо-
дарности 210

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

РЮРИК ИВНЕВ. Бегство из собственного до-
ма 215

Содержание журнала за 1987 год 219

ХРОНИКА 125, 182, 218, 224.

В Латвии

1. ДОЖДЛИВЫЙ ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

В. Кикансу

Я услышу твой голос, когда апрель
Ударит в треснувший колокол ливня,
А старый город оттиснет в зрачках
Треугольные крыши.
Эти дни миновавшие — словно пила по живому!
Я запомнил:
Тоскливое утро и флюгер на башне —
Петушок, полыхнувший под ветром,
Как угли в камине.
Он тревожил: «Очнитесь!»
Мы пили. И молча хмелели.
Бережно пальцы твои,
Как побеги лозы,
Охватили скрипку!
И любимая музыка
Ласкала виски материнским дыханьем.
Одинокая слеза на твоей щеке,
Как осколок зеркала,
Блестела в лабиринте морщин.
Я пил, наполняясь
Твоей печалью и латышским пивом.
И думал со страхом:
Вдруг пальцами ты проведешь по глазам
И порежешь руку!
Но дождь был сильнее нас,
И мы трезвели.
Словно сами собой, высыхали слезы...
И наконец скрипка легла к тебе на колени,
Как выстрелившее ружье...

II. НА РАССВЕТЕ УХОДИТ КОРАБЛЬ...

Ветреный север в плотной крылатке мрака,
Словно корабль недобрый с парусом черным.
Врезался в берег крик одинокой птицы.
Звякнула цепь о камень. Дрожат березы.
Встал из тяжелой волны
Призрак тевтона...
Утром, куда ни глянь, небо да дюны.
Море на берег вынесло шлем —
Жестянку...

III. В СОСНАХ ДРОЗД СВИСТЕЛ...

По морю плыл закат.
Прохладное светило
Роняло в воду взгляд,
Как будто говорило,
Что главное из дел —
Вернуть лучи из праха...
А в соснах дрозд свистел,
Как сказочная птаха.
А в соснах дрозд свистел
Сквозь сон. И купол черный
Предстал вершиной горной.
Вокруг туман густел...
Причуда бытия:
Идешь вечерним садом,
И птица где-то рядом,
И улыбаюсь я...

IV. И СЮДА ТЫ ПРИШЛА, ВЕСНА...

Ты и сюда пришла, простая душа,
Света сестра, весна, пастырь цветов?

Луч обогнал тебя, и травы взошли:
Камень в пути не ранит твоих ступней.

Ты и сюда пришла... Туман и дожди
В этом краю. Царство замшелых крыш.

Вот приоткрылась дверь, шевельнув мох,
И, отрешенная. как дождевой червь,

Вышла под небо монахиня. На миг,
Медля, погрузила лицо в теплынь...

Ты и сюда пришла, простая душа,
Света сестра, весна, пастырь цветов?

Будь осторожна: у севера норы крут.
Из Зедазени наряд не обтрепи.

V. РИГА. ОРГАННЫЙ КОНЦЕРТ

Музыка владеет ребрами свода!
Будто мы вдвоем под опрокинутой лодкой
Слушаем, как волны, пытая берег,
Бешено хрипят, изрыгая пену.

Море переменчиво...
Но со всеми
В гуле на мгновение мы забыли —
Все, над чем довлеет Закон Вселенной,
Бурей началось...
И кончится бурей,

Море переменчиво...
В шквале звуков
Есть неосторожное совершенство.
Вслушайся. И веруй в него, покуда
Двуедин Орган и Нервюры своды.
Вслушайся и веруй под скрип ковчега
В музыку спасения, в мир... Покуда
На глазах у нас не разбилась в беге
Вспененная лава клавиатуры...

Море переменчиво...
Кто узнает,
Что на берег вынесет
Волн отара?
В руки одному — раковины чудо.
Синий ил — другим, скрюченную рыбку...

Море переменчиво...
Где-то рядом
Шторм пошевелил сонными губами.
Вдумайся в гармонию —

Скоро рухнет
В отрешенный зал
«Судная минута».

VI. НА ВОКЗАЛЕ...

Дождь. Перрон, что ни день.
И старуха в платке, как вчера,
За газетным киоском
Поезда ждет.
Кто бы заметил ее,
Не будь нарциссов в руке.
Тонкой, как стебель нарцисса...

Кто-то спрыгнет с подножки,
Откинет, смеясь, занавеску дождя
И примет озябший цветок
Из холодных ладоней...

Что ни день —
Соната ненастья в продрогшем сегодня
Идет по перрону
Старуха с рублевкой в ладони
И грозно стучит
Каблуками разбитых туфель...

VII. УРАГАН...

П. Зирнитису

Странно,
Смотрят на тебя и не видят,
Как бредешь со стороны моря.
Странно, смотрят на тебя и не видят:
Дух без плоти ты,
Рев безгубый!
Мечется душа твоя, строит —
Музыка ее — вне октавы!
Дышит пустота твоя, рушит!
Нет пяты, но прах — под пятою.
Реки с перерезанным горлом,
Мертвые оазисы следом.
В полой глубине — погремущка:
Хохот сумасшедшей пустыни!

Может то — душа на пределе
Непреодолимого гнева
Мечется, не зная покоя.
Между человеком и богом?

Мука ей — дыханье без тела.
Тело бездыханное — мука...

VIII. ОПЯТЬ ВСПОМИНАЮ...

Вспоминаю: река, сестра Даугавы...
Мшистый берег. Провисший корень березы.
Одинокое небо. Мужчины в лодке.
Под ногами бутылки — селезни грудой.
Где-то рядом не раз всплакнула гитара.
И покорные розы бросали в воду,
Тем, кого от любви и боли
Отлучила однажды река нагая...
Э, да жизнь — расколотая пластинка!
Только розы!..
Не забывай о розе:
Лишь она коснется с такою дрожью
Губ любимой,
Озябшей от ожиданья.
А когда истечет ручей панихиды
И сутулясь уйдет последний ближний,
Только розы на одеяле ночи
Лягут рядом с тобой,
Подогнув колени...
Где-то рядом опять всплакнула гитара,
И покорные розы упали в воду,
Окликая ушедших. Река нагая
Тяжело шевельнулась на ложе ила...
Истощилось вино и вытекла песня,
И душа пересилила дрожь ухода.
И опять в слезах моих отразилась
Ты, кому я предан
Живой и мертвый.

Дата

И день настал, похожий на другие,
Когда птенцы дождя заполнили

Покинутые птицами деревья.
И верен был своей природе струнной
Дождь осени. Как призрачная арфа,
Он связывал пределы мироздания.
И памяти живая аритмия
Касалась струн.
Прислушайся: ребенок
Бежит в дожде...
Вернее, звук шагов
Доносится, как дальние удары
По дереву... И все-таки ребенок
Бежит на край широколистной рощи,
В грядущее... Надеюсь вновь вернуться.
Необъяснимо: как река — к истоку...
Но это лишь великая надежда,
Бесплотное желанье встречи с прошлым,
Когда она, сама себя питая,
Как одинокий вол, лежит без силы,
Упятав зренье в мутное блаженство...
Ушел и этот день, на те похожий,
И вечности мельчайшую частицу
Унес с собой
Окоченевший год.
Что ж, твой черед привыкнуть к темноте,
К неведомой еще изнанке света
И пост принять на рубеже печали,
Где без тебя осеннему дождю
Не выстоять
И не с кем поделиться
Той радостью, что перезревшей вишней
Жжет, пропитав повязку листопада...
Кого окликнешь из позавчера?
Кто ключ хранит от юности зеленой?
За полем — поле.
За рекой — река.
Неспешно загорелые крестьянки
Уносят дух колосьев и твое
В подсолнухи вцепившееся детство...
Нет, детство с миром ладило не так,
Как ты. Оно лучилось и витало!
Заглядывало в пропасти цветов
И оступилось, с ласточкой в ладони,
Вручив тебе беспомощную душу...

И та душа ведет тебя сейчас
По бездорожью юности, полями,
Где прячет брат твой названный — подсолнух
Лицо свое, оправленное светом!
Младенчества живое воплощенье:
Теленок лижет стебли кукурузы...
Коснись природы: песня ждет тебя —
Утраченная юности молитва,
Она плыла весеннею пчелой,
Пила нектар невиданных фантазий
И канула...
Ты только саркофаг,
Где детство спит в беспечном отчужденье,
С объятой страхом ласточкой в ладони.

А иногда мне кажется, что я
Придумал все:
Любовь, измену, слезы —
Всю жизнь свою:
И жертвенность, и мелкий
Сухой расчет...
Но в тусклой кутерьме
Немого фильма
Самый светлый кадр:
Твоим журчащим смехом
Дышит вечер.
Пролился наземь
Ливень спелых вишен,
И легкие ладони на коленях
Чуть-чуть дрожат, как крылья махаона...
Все то, что прожил, —
Прах и отрицанье.
А эта жизнь — один гудящий скорый,
Без цели и тоски летящий мимо
Вишневых губ оставленного счастья.
Я позабыл в однообразном гоне
Дни — запорошенные семафоры
И годы — промелькнувшие платформы...
Лишь ты видна в веселом ожиданье —
Ягненок белый
В пахоте весенней...

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

ВЫБИРАЮ Я...

РАССКАЗ

О ДНАЖДЫ вечером в том доме на улице Бараташвили, что недалеко от моста, на том самом этаже и в той самой квартире, где жила я, состоялся семейный совет. Присутствовали: мама, дядя, дядина жена и тетя, сестра отца. Разбирался всего один вопрос: может ли женщина двадцати шести лет от роду, красавица, умница, с высшим образованием, а также наделенная всеми прочими достоинствами, не найти себе мужа. Этой идеальной женщиной была я. Нечего и говорить, что жених внезапно отыскался и в ближайший вечер пожаловал к нам в гости. Он был именно таков, каким полагалось быть моему жениху — все те же достоинства плюс машина. В тот вечер Гиви блестяще справился со своей ролью. Перед уходом он перецеловал руки всем женщинам, а мою удержал чуть дольше, заглянув при этом в глаза, словно пытаюсь прочесть в них ответ. По-видимому, в моих глазах он что-то все-таки прочел, и недели через две мы отнесли заявление во Дворец бракосочетаний.

На другое утро Гиви заехал за мной на машине, и мы отправились за покупками. Поехать-то мы поехали, однако до цели так и не добрались. Я сказала Гиви, что не завтракала и хочу есть. Я вообще люблю утром как следует позавтракать. Мы поднялись на Мтацминду. Заказали шашлыки, закуску, а Гиви велел принести две бутылка вина. Я пила одна, и вино быстро ударило в голову. Не помню даже, что я говорила, но он все время смеялся. Когда мы возвращались, Гиви вдруг остановил машину и погладил меня по голове.

— Кажется, я не ошибся в выборе.

— Уж это точно.

— А ты?

— Лучше скажи, у тебя был широкий выбор?

— Да так себе.

— А у меня нет. Ребята меня вообще не выносят. Я даже не знаю, как целуются.

— Такое трудно себе представить.

— Можешь кого угодно спросить. Погоди! — мимо машины прошел какой-то парень, судя по всему, деревенский. Я окликнула его:

— Эй, признайся, ты целовал меня когда-нибудь?

Парень наклонился и взглянул на Гиви, затем усмехнулся и молча пошел дальше.

— Он меня испугался, а то бы сказал.

Я высунулась в окно и закричала:

— Не бойся, скажи правду!

Он улыбнулся и закивал головой.

— Врет он, Гиви, врет! Я его впервые вижу.

— На вид он славный малый, врать не станет. Но это ничего, я тебе его прощаю.

— А остальных?

— Посмотрим.

Мы свернули на Сабуртало. Перед нами ехала машина, ее заносило то вправо, то влево.

— Водитель строит мне глазки, Гиви, ты не ревнуешь?

— Светлейшая Нино, неужто две бутылки вина ослепили вас настолько, что вы не можете отличить мужчину от женщины? За рулем этой машины — женщина, и смотрит она не на вас, а на меня.

Это действительно было забавно, но я криво улыбнулась. У меня вдруг ужасно разболелся живот. Я застыла, не зная, как сказать об этом Гиви.

— Гиви, остановись возле того дома, пожалуйста. Там живет моя школьная подруга, хочу пригласить ее на свадьбу.— Почти на ходу я выскочила из машины и вбежала в подъезд. Ничего подобного со мной в жизни не случалось. Времени выбирать не было, я позвонила в первую же дверь. Никто не отозвался. Бросилась к другой, оттуда детский голосок сообщил, что мамы нет дома. С досады вонзив ногти в ладони, я с трудом поднялась на второй этаж.

Я не убрала палец с кнопки звонка, пока мне не открыли дверь.

— Извините, мне очень... очень плохо... Можно? Фигура, не запечатлевшаяся в моем затуманенном сознании, посторонилась.

Через некоторое время я пришла в себя и успокоилась.

Не сразу, медленно, как восстанавливают сон, я стала припоминать свое вторжение сюда. Белая дверь, табличка с золотыми буквами, обнаженный по пояс мужчина. Лица я вспомнить не могла, наверно, и не заметила. А вот сорочки на мужчине не было, это точно... Господи, какое же прекрасное у него тело! Я улыбнулась. Это мне, скорее всего, показалось — как во сне. Я вымыла руки, и только теперь мне стало стыдно. Я покраснела; интересно, что я скажу хозяину. Я вышла. Хозяин не показывался. Заглянула в кухню, потом в комнату. Стены пестрели рисунками, самыми разными. На полу валялась, как говорится, тысяча мелочей: бутылки, пластинки, книги, кисти, окурки и даже деньги. Я решила, что либо он нынче утром поругался с женой, либо женщины сюда вообще не ходят.

В комнате оказался еще один выход—дверь на балкон, там-то и находился хозяин. Я была чрезвычайно благодарна ему за такую тактичность и хотела потихонечку ретироваться, но у самой двери остановилась в нерешительности, затем вернулась в комнату и подошла к балконной двери. Значит, мне не померещилось, тело у него и в самом деле было прекрасно: при малейшем движении мускулы перекачивались так, словно мышь пробегала под простыней, а кожа поблескивала, как шерсть у вылизанного котенка. Я постучала, он вошел в комнату. Увидав перед собой молодого парня, я еще больше покраснела:

— Ради бога, извините за беспокойство, но знаете, мне и вправду было очень плохо.

Он был на две головы выше меня; склонив голову набок, он насмешливо оглядел меня, прищелкнул языком и довольно прохладно поинтересовался:

— И это все?

Я оторопело кивнула.

Он ухмыльнулся, и я поняла, что он издевается надо мной.

— Я тебя не напугал, мышка? — он пальцами приподнял мой подбородок.

Я подалась назад. Хотела сказать ему, что он хам и наглец, который ходит чуть ли не нагишом перед незнакомым человеком, чтобы похвастать своей красотой. Сказать все это я не решилась и молча пятилась от него к выходу.

— Ой, осторожнее! — он рукою остановил меня, поднял с пола за моей спиной безрукую куклу с единственной ногой и дырочками вместо волос. — Она ведь женщина и не любит, чтобы на нее наступали, сама понимаешь!

Он взял меня под руку и повел к двери. Одной рукой он отпер дверь, а другой поднес к губам мою ладонь.

— Ваш покорный слуга Заза Модебадзе. Всегда к вашим услугам!

С этими словами он выпроводил меня и закрыл дверь.

Я немного постояла на площадке, рассмеялась и стала спускаться по лестнице.

— Эй, как тебя зовут? — Заза стоял в дверях.

— Нино.

— Сигареты у тебя есть?

— Нет, я не курю.

Гиви встретил меня с улыбкой, я тоже пришла в хорошее расположение духа, нагородила какой-то вздор о своей подруге, и мы поехали. Я исподтишка поглядывала на Гиви и сравнивала его с Зазой. Нет, все-таки Гиви лучше — красивее, серьезнее. Хотя... Очень уж у него белые руки, и брюшко есть. Какая чепуха, я сама не тростинка.

Спать я легла поздно. Думала, от усталости засну быстро, однако не вышло — мысли одолели. Я прижималась к подушке и думала о том, что через несколько недель я буду лежать в чужой постели, в чужой семье. А утром... Боже мой, какой пронзительный взгляд у Гивиной матери! Каким ужасным будет это утро! И вместе с тем интересно. Я представила рядом с собой Гиви. Бр-р! Должно быть, у него волосатая грудь, и ноги тоже. Постепенно неволью в сознании всплывали поблескивающая кожа, перекатывающиеся мускулы. Я протянула руку и погладила их так нежно, словно боя-

лась потревожить хоть один волосок. Он обнял меня за плечи и крепко прижал к себе. Могу поклясться, если кого-нибудь это интересует, что я впервые в жизни испытала желание. Тут же представила себе насмешливые глаза и устыдилась собственных мыслей. Как можно думать о подобных вещах, когда у тебя заказано подвенечное платье.

В конце концов я уснула. Проснулась с какой-то тяжестью на сердце. Гиви я сегодня не ждала, он был на службе. Позавтракала без аппетита, отправилась к портнихе, потом зашла к подруге, немного посплетничали.

Что-то грызло меня, совесть была беспокойна; почему — я сама не понимала. Ужасно хотелось снова позвонить в белую дверь с золотыми буквами на табличке.

Пошел дождь и вдруг прекратился. Приятно было идти по улице. Где это я сейчас? Ага, если свернуть на ту улицу и пройти немного вправо, можно выйти к тому дому, где я была вчера. Может, я путаю? Нет, все правильно. Я зашла в магазин и шепотом спросила у продавца, нет ли каких-нибудь хороших сигарет. Заговорщицким тоном он назвал мне что-то иностранное. Я купила целый блок.

На втором этаже дверь была открыта. Я на всякий случай позвонила.

— Хюу! Входи, — послышалось изнутри.

Заза был в кухне; вместо передника он повязал полотенце и занимался мытьем посуды. Он не выказал ни малейшего удивления по поводу моего прихода, сообщил только, что ждет гостей, и попросил, если у меня есть время, помочь ему.

— Как видите, я не забыла...

Заза взглянул на пачки.

— Ты просто чудо.

Я мыла посуду, Заза ее вытирал и болтал без умолку. Говорил он обо всем на свете, а я так ничего и не поняла. Ни на один вопрос он не отвечал прямо. С большим трудом мне удалось установить, что он художник и подвизается в редакции какого-то журнала.

Заза держался настолько естественно, что и я почувствовала себя вполне привычно. Вчера он был сов-

сем другой, а сегодня вел себя просто, дружелюбно, и Я опять устыдилась своих вчерашних мыслей.

— Что ставить на стол? — спросила я.

— Ничего, сами принесут. А, вот, кажется, идут.

На лестнице послышался шум.

— А рубашку ты разве не наденешь?

— Рубашку? — он посмотрел на меня так, будто впервые видел. — Да, сейчас.

Я обрадовалась. Оказывается, ему просто казалось естественным ходить летом без одежды, вот и все.

Вошли пятеро: две девушки и трое ребят. Они занесли в кухню всякую снедь, затем один из них, у которого руки были заняты бутылками, а в зубах торчала пестрая гвоздика, приблизился ко мне:

— Это вам! — я взяла у него гвоздику, и он заговорил свободно: — В этом доме побывало множество девушек, но такой красивой я еще не встречал.

Можно было совершенно спокойно ответить, что и я еще не встречала такого красивого молодого человека, но так как красивые молодые люди мне не нравятся, это вряд ли можно было считать комплиментом.

Девушки оглядели меня так, что мне стало неприятно. Затем взялись за уборку. Я почему-то почувствовала себя лишней и сказала Зазе, что ухожу. Он пожал плечами — как хочешь, мол, но тут вмешался Рамаз, тот, что подарил мне гвоздику. Он сказал, что никуда меня не отпустит, чуть не силой втопил меня в комнату, усадил рядом с собой и принялся произносить тосты. Я люблю застолье только потому, что мне нравится слушать тосты, а они у Рамаза звучали великолепно. Одновременно он оказывал подчеркнутое внимание мне, то и дело поглядывая в мою сторону и предлагая закуски. Слова и движения Рамаза были изящны, словно рассчитаны заранее; в них сквозила самоуверенность, какая бывает у мужчин, избалованных женским вниманием.

Вскоре пришла еще одна девушка. На ней была юбка с разрезом спереди, застегнутая всего на три пуговицы, так что каждый шаг девушки приоткрывал прекрасные ноги, а грудь так красиво вздымалась под тонкой тканью, что невольно вызвала желание прижаться к ней головой.

— Девочкам привет, — сказала Додо, бросила сум-

ку на диван, по очереди обошла ребят и каждого поцеловала в губы. — Я пластинки притащила, отличная музыка.

Темо бросился к сумке Додо, а Рамаз заворчал, что вот, дескать, ему срывают застолье. Додо с набитым ртом огрызнулась, что от его тостов у нее в голове уже образовалась опухоль; затем подошла к хозяину, заставила его поставить на стол поднесенный ко рту стакан вина и увела танцевать.

Меня пригласил Темо, потом Рамаз. Я уже сама не рада была, что осталась. Рамаз обнял меня низко, почти за самые бедра, и прижал к себе. Я взглянула на других. Все танцевали приблизительно так же и даже не смотрели в нашу сторону. Я подумала, что если сейчас устроить Рамазу сцену, скажут — экая неотесанная попалась, поэтому, дрожа, я дождалась окончания музыки. Заза понес бутылки в кухню, и я пошла за ним.

— Потанцуем? — с улыбкой спросил он.

— Нет, Заза, я пойду, поздно уже.

— Как хочешь.

Меня кольнула обида, что он так легко готов со мной распрощаться.

— Если хочешь, завтра утром приду, помогу тебе убрать здесь.

— Это я сам сделаю, — потом, словно вспомнив что-то очень важное, добавил: — Просто так заходи.

Видеть Рамаза мне больше не хотелось, и я незаметно ушла.

На другое утро я пошла на работу, надо было пригласить подруг на свадьбу. Девчонки обалдеют — они-то знают, что я ни в кого не влюблена.

Мне тут же сообщили последние новости. Начальник отдела кадров умер, его еще не похоронили, но за место уже идет грызня. Дареджан, сорокалетняя женщина, родила близнецов, а секретаршу видели в парке в обнимку с каким-то парнем. Я послушала, послушала и ушла. Только потом я вспомнила, что забыла их пригласить. Хотя... Успею еще.

Белая дверь была не заперта, должно быть, забыл запереть по пьянке. Я вошла. В ноздри пахнуло каким-

то кружащим голову запахом; из комнаты доносилась тихая музыка. Я заглянула туда и остолбенела: на диване в чем мать родила лежала Додо, она курила и смотрела куда-то в бесконечность. Заза сидел в кресле, у радиоприемника. Шея его была обмотана женским платком. Он смотрел на меня с совершенно идиотской улыбкой, смотрел на меня и не узнавал. Только теперь я поняла, что за запах стоял в квартире, и выбежала вон.

Чем же этот мерзавец приворожил меня! Зачем я таскалась в этот дом! Приключений захотелось — пожалуйста, получай! Довольно. Нужно сейчас же повидать Гиви и успокоиться. Гиви не такой болван, как этот.

Позвонила ему на работу и попросила, чтобы он пришел ко мне вечером. Гиви сказал, что на работе у них какое-то собрание, а увидимся мы завтра. В филармонии выступает популярный ансамбль, и он уже взял билеты на концерт. Окончательно расстроенная, я пошла домой.

Когда я бываю на таких концертах, я забываю обо всем на свете, мне кажется, что я тоже певица и стою на сверкающей сцене, на мне красивое платье, я элегантно танцую, пленяю всех подряд, — и я бесконечно счастлива. Потом мне приносят цветы, целуют руки. Шквал аплодисментов. Кто-то поднимается на сцену из зала с огромным букетом, и среди пестрых гвоздик я вижу улыбающееся лицо Зазы. При чем здесь Заза? Я убрала его голову и вставила в букет голову Гиви. Так-то лучше.

В перерыве мы вышли в коридор. Гиви отправился за лимонадом. Меня кто-то окликнул. Рамаз отделился от товарищей и расцеловал меня.

— Хоть бы раз увидеть тебя при дневном свете: ты и вправду такая красивая, или мне кажется? — он улыбался, показывая красивые зубы.

— Не вгоняй меня в краску, к желтому платью это не подойдет, — мне очень не хотелось о чем-либо спрашивать Рамаза, но все же вырвалось: — Заза здесь?

— Заза? Нет, он с нами не пошел, говорит, неважно себя чувствует.

У меня сердце упало — может, ему сейчас действи-

тельно плохо, может, за ним и присмотреть-то некому, разве что Додо... За ней самой нужен присмотр.

Все второе отделение я думала о Зазе. Не такой уж он плохой человек, может, я смогу ему чем-нибудь помочь? Тем более, что это и мне самой будет приятно.

Утром Зазы дома не оказалось. После обеда я зашла снова. Он что-то рисовал.

— Я тебе помешала? Сейчас уйду.

— Нет, не помешала, — он протянул мне отпечатанные листки, — прочти-ка вот это и скажи, что бы ты нарисовала подходящее к такому рассказу.

Я прочла.

— Наверное, сельский двор, заходящее солнце, а над рекой плакучую иву.

— Гм, а где там ива?

— Я себе ее представила.

— Вообще-то недурно, так я и нарисую.

Он отложил карандаш и закурил.

— Это твои рисунки?

— Не все. Который тебе нравится?

Я показала.

— Это довольно известного художника. А вот этот мой.

Там было нарисовано множество странных лиц. Лица были смеющиеся, плачущие, испуганные, разгневанные. Об их настроении говорили глаза, говорили на удивление выразительно.

— В деревне, на кладбищенских камнях я видела гномов. Эти похожи на них.

— Если бы у меня были такие ценители, как ты, мои дела пошли бы несколько лучше. В этой картине...

Другие рисунки были похуже.

У одной картины я остановилась. Под водопадом стояла маленькая девчушка и, протягивая руки кверху, смеялась. Другая девочка, присев на берегу, разглядывала свою ступню...

— Хорошая картина. Чья она?

— Тоже моя, — он продолжал рисовать.

— Я заходила позавчера утром. Дверь была открыта.

Он бросил на меня недовольный взгляд.

— Да, позавчера я был не в форме.

Своим тоном он дал понять, что не хочет говорить об этом. Я переменяла тему.

— Что мне теперь делать?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Сначала сядь.

Какая же я дура, надо же было именно так задать вопрос!

— Я хотела сказать, не нужно ли тебе что-нибудь помыть, по хозяйству помочь.

— А-а. М-м... Тебе что, делать нечего?

— Нечего.

Он взял со стола кисть и принялся расправлять вилоски.

— Тогда разденься, я тебя нарисую. У тебя красивая грудь.

Я невольным движением прикрыла грудь руками и выпрямилась. В одно мгновение слова Зазы несколько раз вихрем пронеслись в голове. Мне хотелось отыскать в них похабные нотки, чтобы самой ответить какой-нибудь резкостью и уйти отсюда, но предложение звучало так, словно он сказал: «Открой дверь, жарко».

Я все же не сдержалась.

— Заза, за кого ты меня принимаешь?

— Сама-то сказала, что ты — Нино, но сейчас ты скорее похожа на Жанну д'Арк.

— Вот именно, я — Нино, а не Додо!

— Какое это имеет значение для меня?

Я вспыхнула: неужели он такой чурбан, что не видит между нами разницы!

— А такое, что я перед каждым паршивцем не раздеваюсь.

Он насмешливо прищурился и взял меня пальцами за подбородок.

— Ты еще скажи, мышонок, что этот паршивец силой затащил тебя к себе домой.

Он был прав, ничего не скажешь. Я оттолкнула его руку, взяла сумку и вышла. Вдогонку я услышала смех Зазы.

Я почувствовала себя униженной. Уже в который раз я задавала себя вопрос, что влечет меня к этому выродку. Красота? — Нет. Жалость? — Тоже нет. Быть может, любовь?.. Нет, и не это.

Глаза мои были полны слез, и я не сразу разглядела, кто остановил меня.

— Нино! Нинико, что с тобой?

Я заморгала, слеза скатилась, и сознание мгновенно прояснилось.

— Все!..

— Что «все», что случилось? — Мери, моя ближайшая подруга, встряхнула меня за плечи.

— А? Нет, ничего, это я так...

— Ну-ка скажи, из-за чего ты плачешь прямо на улице?

Я обняла ее за плечи и прижалась к ней крепко, как обиженный ребенок прижимается к матери.

— Люблю... Зазу... люблю...

Мери рассмеялась.

— Господи боже мой! Вот напугала. Пойдем ко мне, расскажешь толком, кто тебя обидел.

Мери считалась если и не красивой, то, во всяком случае, привлекательной. Возможно, она даже была красива, но серьезное выражение лица и необычайно умные глаза отпугивали ребят. Она и в самом деле была умна и, может быть, поэтому — не слишком счастлива. Внешне она казалась холодной, но в действительности она умела любить и, если уж кого любила, то всем сердцем.

Мой рассказ Мери выслушала, не перебивая, и еще некоторое время молча размышляла о чем-то.

— Ты думаешь, он много курит? — наконец спросила она.

Я пожала плечами, меня тревожило совсем другое.

— Может быть, моего мнения не спрашивают, но я бы выбрала Гиви, он славный парень.

— Совет — дело хорошее, но скажи по совести, кого ты предпочла бы на моем месте?

Вошла мать Мери и позвала нас к столу, прервав наш разговор. К ним в гости пришли родственники. Я решила, что мне лучше уйти.

— Нино, хочешь, поедem завтра купаться? — Мери решила доставить мне удовольствие, она знала, как я люблю плавать. — Позвони мне, встретимся.

Я вхожу в воду сначала по колени, рукой смачиваю бедра, потом живот, потом плечи. Плечи у меня дрожат, я громко смеюсь и стремительно бросаюсь в воду. Я не плаваю, нет, просто ласкаю руками волны, а они мне отвечают. Ложусь на спину и погружаю уши в воду, чтобы подслушать морские секреты. Волосы веером распускаются вокруг. Потом мы с Мери выходим и ложимся на песок. Я — на спину, она — на живот. Солнце как будто соперничает в ласке с волнами. Слышу голоса молодых людей, но они далеко, солнце ближе.

— Заза, кататься будешь?

Мои глаза забегали и, наконец, ловят знакомую спину. Мери наблюдает за мной.

— Это он?

Я молчу, роняю голову на песок. Потом встаю и, не оборачиваясь, вхожу в море. Я не слышу, но чувствую, что кто-то плывет за мной... Силы покидают меня.

— Ты отлично плаваешь, мышонок! — он оказывается рядом со мною.

— У меня есть отличное имя.

— Сердишься за вчерашнее? Сама виновата.

— Ну, извини.

— Давай, знаешь что? Нырнем, кто дольше продержится под водой, тот и прав будет!

Я рассмеялась и на эту детскую игру согласилась, понадеявшись на мощь своих легких.

— Раз, два, три!

Мы глубоко вдохнули воздух и нырнули. Я, улыбаясь, считала победные секунды, как вдруг почувствовала прикосновение руки. Заза рукой отыскал мою руку и привлек меня к себе. Сопротивляться я не могла или, вернее, не захотела, потому что его тело, прижавшееся к моему, губы и кончик языка, которые словно хотели осушить мои влажные губы, его руки, обручем обхватившие меня, были теплые-теплые, в сотни, в тысячи раз теплее моря и самого солнца.

На берегу Заза удержал меня:

— Нино, придешь ко мне вечером?

Я мгновенно ослабела.

Согласиться — значило уступить, а ответить отказом не было ни сил, ни желания. Я представила себе все последствия своего посещения и кивнула:

— Приду.

Только после того, как мы сошли с автобуса, Мери впервые заговорила.

— Можно попросить тебя об одной вещи?

— О какой?

— Не обманывай Гиви.

— Разумеется! Я ведь рассказала тебе, как все произошло, тогда ничего еще не было решено.

— А сейчас? — спросила Мери.

— Сейчас я решилась.

— Тебе лучше знать, — Мери обняла меня и поцеловала. — Если я тебе понадобится, знаешь, где меня искать. Ну, пока.

От вокзала до дома было далеко, но я предпочла идти пешком. Не хотелось встречать знакомых, и я выбирала узкие, безлюдные улочки. У телефонной будки остановилась, вошла, сняла трубку, поднесла ее к уху и задумалась.

К будке подошел пожилой мужчина, точнее, подкатился. Будучи ниже меня ростом, он нес впереди себя огромный живот и, должно быть, был убежден, что всего, что нужно человеку в жизни, он уже достиг, и единственное, что ему осталось, это набивать свой бурдюк изысканными кушаньями, после чего ложиться на диван и затихать. Впрочем, он знал толк в одежде — брюки из дорогого материала, импортная сорочка и новенькие сверкающие туфли, но и это не могло скрыть его уродства.

Я несколько раз пыталась набрать номер, но после первых двух цифр вешала трубку. Наконец уступила телефон толстяку.

— Звоните, у меня занято.

Он разговаривал долго, кричал, потом внезапно прервал беседу и смешно затрусил по улице.

Я позвонила Гиви на работу. Трубку снял он сам, но меня слышал плохо, и пришлось говорить в наушник. Я попросила, чтобы после работы он пришел ко мне домой. Гиви обещал и действительно ровно в четверть седьмого явился. Был в хорошем настроении, ему обещали продвижение по службе, и он искренне радовался этому.

Я разогрела обед, накрыла на стол, тем временем пришла мама, и мы втроем сели обедать. Устав за день,

они ели с аппетитом, а у меня так пересохло в горле, что я не могла даже слюну проглотить. Когда я достала коньяк и хотела налить Гиви, он прикрыл рюмку рукой.

— Не наливай, я на машине.

— Тогда выцью я, — пододвинула стакан к себе, налила и залпом выпила.

— Когда ты успела пристраститься к выпивке? — улыбнулась мама.

— Вовсе я не пристрастилась, — я налила себе снова, — с того дня, как мы были на Мтацминде, — помнишь, Гиви? — я не пила.

— С того дня прошло не так уж много времени.

— Да, дней десять, но за этот небольшой промежуток многое изменилось, и в первую очередь я сама, — вторую рюмку я выпила медленнее.

— Что за чепуху ты говоришь, не понимаю, — в голосе мамы послышалось беспокойство.

— Мама, я сегодня позвала Гиви, чтобы извиниться за единственную ложь, которую произнесла в тот день. Больше лгать не могу.

И я рассказала все, что произошло в тот проклятый или благословенный день и после. Потом я посмотрела на них. Гиви смотрел в тарелку, рука его терзала салфетку. Мама сидела одеревеневшая, и глаза ее были по крайней мере втрое больше обычного.

— И ты сейчас идешь к нему?.. Останешься там?

— Да, мама. Как видишь, никто меня не принуждает силой, я не одурманена, нет, я иду сознательно, потому что люблю его больше всех, больше тебя, мама. И пусть я буду потом всю жизнь жалеть об этом, нынче вечером я не отступлюсь ни за что.

Мама вдруг резко ссутулилась, закрыла лицо руками и дрожащим голосом проговорила:

— Если ты пойдешь, ты больше не вернешься.

Я остановилась на пороге.

— Я могла все это проделать тайком, и вы бы ничего не узнали, но мне совесть не позволяет. Так что примите мое признание во внимание, как смягчающее обстоятельство, и простите меня оба.

Они не пошевелились. Я ушла. Я не помнила, как оказалась в Зазиной квартире. Меня встретил какой-то незнакомый парень, он даже не взглянул на меня, тол-

кнул дверь ногой, и я вдруг очутилась в полумраке, вдыхая тот самый запах, который однажды поразил меня здесь.

Кроме Зазы, их было трое, они валялись на полу, отключенные, с каким-то потусторонним выражением на лицах. Я с трудом пробралась в угол, где были разбросаны книги, и без сил опустилась на них.

И это наша встреча!

Я ждала этой встречи, подкармливая мечту красивыми картинками, вроде тех, что иногда видела в кино: женщина входит в прибранную комнату, в вазочке стоят цветы, на столе — сласти, фрукты, мужчина встречает ее с улыбкой, они обнимаются, шепчут неповторимые слова. А этот попросту забыл обо мне!

Несколько минут назад я смертельно обидела самое дорогое для меня существо на свете, навсегда рассталась с хорошим человеком, отпихнула всех ради Зазы. А он, это красивое животное, просто не помнит обо мне!

Почему, почему, ну почему я это сделала, я же знала, что он меня не любит. Он ведь прямо сказал, что я для него то же, что Додо, или Тина, или Майя. Я законченная идиотка. Хотя нет. Разве я виновата, что полюбила этого скота, причем именно таким, каким я его знаю? Если бы в любви можно было выбирать, как в книжном магазине ты выбираешь из выставленных на полках книг ту, что тебе по вкусу, все было бы в порядке: ни тебе ссор, ни измен, ни разводов. Если бы сердце спрашивало нашего совета!

На глаза навернулись слезы. Я вытащила платок и вытерла их. Тут только я заметила, что в комнате, кроме Зазы, уже никого нет, а сам он сидит в кресле и что-то бормочет. Я подошла и уселась на подлокотник. Окликнула его. Он не шелохнулся. Глаза, которые могли оживляться насмешкой, мыслью, желанием, застыли и словно остекленели. И вдруг меня охватила радость. Именно такой, бесчувственный, как пень, он принадлежал мне, и я могла высказать ему все, что думала.

Я обхватила его голову руками и прижала к своей груди. Сначала он не двигался, потом оттолкнул мою руку и крикнул:

— Ты не моя мать!

Я вышла на балкон и облокотилась на перила. Долго стояла там, озябла, вернулась в комнату и уселась на диван. Хотела прилечь, как вдруг Заза поднялся с кресла, перебрался на диван и положил голову мне на колени. Я испугалась — вдруг ему что-нибудь померещится и он придушит меня в два счета, как котенка. Я не шевелилась, спина затекла. Заза открыл рот, помотал головой, и его вырвало. Я осторожно приподняла его голову, отодвинулась, подобрала платье и выскочила в ванную. Разделась, накинула на себя висевшую на крючке Зазину сорочку, намочила полотенце и вернулась.

Вытерла ему лицо. Он посмотрел на меня, улыбнулся.

— Нино, как хорошо, положи на лоб, голова раскалывается.

— Как ты?

— Ничего, а ты?

— Великолепно, — я рассмеялась и подложила ему под голову подушку. — Заснуть сможешь?

Он уснул, не успев ответить. Только теперь я почувствовала усталость. Выстирала платье, повесила сушиться, затем прикорнула в кресле и заснула.

Ночью голос Зазы разбудил меня; Заза смотрел на меня удивленно.

— Ты что там делаешь?

— Жду, когда ты меня нарисуешь.

— Что за ребячество, ложись сюда, поместимся, — Заза встал, разложил диван и вытащил одеяло. — Если хочешь, буду спать там.

— Нет, останься. — Руки и ноги у меня совсем окаменели, я подошла и легла на краешек.

— Закрой теперь глаза и не мешай мне спать, иначе я подохну от головной боли, — Заза лег на живот и сунул руки под подушку. Я не привыкла просыпаться среди ночи и тоже уснула быстро.

Когда я проснулась, Заза, опершись на локоть, внимательно разглядывал меня.

— Ты спала с открытым ртом, и у тебя слюнка вытекла. Слюнявчик тебе нужен, — он рукой отер мне щеку и поцеловал.

— Пожалуйста, принеси мне платье, — попросила я.

Он немедленно встал и оглядел комнату.

— А где оно?
— В ванной. Оно запачкалось, я его постирала.
— А-а... Сейчас. — Он босиком побежал в ванную и принес платье. — Гладить его не надо?

— Надо.

— Тогда вставай, я тебе дам свою рубашку.

— На мне и так твоя рубашка.

— Чего же ты не встаешь? Может, мне его погладить? Я еще ленивее тебя, а не то пожалуйста. — Он прыгнул в постель.

Я прикрылась платьем и вышла в кухню. Выгладила и надела его.

— Идти сейчас на работу для меня сущая смерть. Нино, ты уходишь?

Я грустно взглянула на него.

— Я не могу пойти домой.

— Ну, так побудь здесь. С кем ты поругалась?

— С мамой.

— Сердитая? — Заза брился и поглядывал на меня поверх маленького зеркала.

— Нет. Я сама виновата. Заза, твои товарищи сегодня тоже придут? — Он пожал плечами — не знаю, мол.

— Давай вечером пойдем погуляем.

— Ради бога. А почему ты о них спрашиваешь? Тебе кто-нибудь из них не понравился?

— Твоя догадливость сводит меня с ума.

— И кто же на тебя так отталкивающе подействовал?

— Ты.

— Не понимаю, чего ты ко мне привязалась и ругаешься! — он окончательно привел себя в порядок, пошел ко мне и обнял. — Я паршивец?

— Слава богу, хоть это ты запомнил.

Он долго смотрел мне в глаза, и лицо его постепенно менялось.

— Я помню все, только ты не напоминай, — с этими словами он наклонился и поцеловал меня. Я ответила, и в голове у меня все поплыло.

— Как горячо ты целуешь, мышонок, — прошептал он мне в ухо; я отвернулась, чтобы он не заметил моего смущения. — Хочешь, я не пойду.

— Нет, нет. Увидимся вечером.

— Ладно. Ключ возьмешь на шкафу.

Мы условились, где встретимся, и он ушел.

До вечера я не отдыхала ни минуты — убирала, стирала, состряпала какое-то подобие обеда, потом легла спать, после чего отправилась на свидание к своему «паршивцу».

По дороге я позвонила маме. Ее позвали к телефону.

— Слушаю! — в одном этом слове прозвучала целая гамма чувств: страх, ожидание, жалость и в то же время жестокость.

— Мама, это я! — она не ответила, и я продолжала: — У меня все хорошо, слышишь? И Заза прекрасно ко мне относится... Он меня очень любит... Только ты... Мама! Мамочка, не плачь, пожалуйста! Не заставляй и меня плакать сегодня, сегодня, может быть, самый счастливый день в моей жизни. И прости меня. Я знаю, ты простишь. У тебя ведь нет никого дороже меня...

Она повесила трубку. Я продолжала шептать:

— Любимая моя, я лгу, но если бы ты знала, каково сейчас на самом деле твоей единственной дочери, у тебя бы сердце не выдержало, оно у тебя и так уже наполовину разорвано из-за меня.

Я пришла на пятнадцать минут раньше срока и следующие пятнадцать минут и еще столько же прождала зря. Заза не появлялся. Боже милостивый, неужели он опять забыл обо мне? Тогда единственное, что мне остается, это куда-нибудь исчезнуть. Однако до такого исхода не дошло. Я издали узнала смеющееся загорелое лицо и отросшие каштановые волосы, которые, когда Заза шел, подпрыгивали на голове как грива. Он пытался придать губам строгое выражение, но это ему не удавалось.

— Это твой утренний поцелуй сбил меня с толку, иначе я бы не опоздал. Шел домой, с полдороги пришлось вернуться, — он со смехом подхватил меня и почти понес по воздуху. — Куда мы теперь?

— На елку, встречать Новый год!

— Да, но, — Заза посмотрел на часы, — еще нет семи. И кроме того, сейчас июль.

— Ну и что ж. Может, для меня именно сегодня и наступает новый год?

— Гм, допустим. Но на мне легкая сорочка, смотри, не заморозь меня.

Я повела его на Комсомольскую аллею.

— Вот это моя новогодняя елка. Моя, потому что я ее посадила. Однажды нас привели сюда из школы на субботник, и я посадила эту елку. Правда, красивая?

— Самая кокетливая. Благодарные потомки не забудут твоих трудов. Может быть, на этом месте тебе даже воздвигнут памятник.

— А я думала, памятники воздвигают только за хорошие рисунки.

— За них, конечно, тоже. У меня вдруг родилась идея: пусть мне тоже поставят памятник здесь. Так хорошо пахнет! — он глубоко вдохнул воздух.

— Заза, ты любишь свое дело?

Он стоял, подбоченясь, задрав голову и прикрыв глаза.

— Тебя сейчас занимает много вопросов, поэтому я тебе сам все расскажу. Имя, фамилию знаешь. Тридцать один год, грузин, — тоже знаешь. С высшим образованием, беспартийный, имею отца, мачеху, замужнюю сестру в Москве и охочих до сплетен соседей. За границей не был. М-м... В детстве перенес корь, свинку и операцию гландов. Что-нибудь забыл?

— Связи с женщинами.

— Этот вопрос я опускаю. Ничего примечательного.

— Цель прихода сюда?

— Встреча Нового года. Я должен спеть, станцевать и поиграть с тобой. Давай, я буду Красной Шапочкой, а ты Серым Волком. Идет?

Он согнул руку и принялся понарошку собирать цветы, втыкать их в волосы и класть в воображаемую корзиночку. При этом он напевал какую-то детскую песенку про Красную Шапочку и кружился в танце.

— Внимание! Сейчас появится Волк. Держись.

— С Волком случился инфаркт, и его увезли в больницу! — так смешно у меня не получилось бы, и я оставила свою роль. Красная Шапочка помрачнела.

— Что же мне делать, кто меня теперь съест? Все равно бабушка загрызет меня жалобами на старость. Какая я несчастная!

Я хохотала от души, а Заза тем временем отбросил

«цветочки» и, заявив, что пора получать подарок, потянулся за поцелуем.

— Это я тебе уже подарила!

— То было в старом году.

— Стыдно, люди ходят.

— Вот это да! — он растянулся на траве, подложив под голову руку, словно подушку, и принялся грызть стебелек. — А когда никто не видит, не стыдно, да?

Я рассердилась и сразу не смогла достойно ответить.

— А разве ты можешь делать тут все, что делаешь дома? — он рассмеялся, и я обрадовалась, что победила его в споре.

Я посмотрела на часы. Была половина девятого. Я предложила пойти в кино на последний сеанс.

— Ну, вот еще! Я не был в кино с тех пор, как стал совершеннолетним и получил право смотреть любые фильмы. В театр не хожу и даже телевизор не могу смотреть.

— Чем же ты занимаешься по вечерам?

— Ничем. Или я устаю и рано ложусь спать, или кто-нибудь ко мне заваливается, и мы пьем. Честно говоря, у меня это уже в печенках сидит, хочется покоя! — в голосе его звучала искренность.

— Знаешь, что меня больше всего бесит в людях? Когда они ленивы и ничего их не интересует. Все равно, молодой это человек или старик.

Заза приподнялся и едко усмехнулся.

— Знаешь, мышонок, если хочешь, чтобы мы были друзьями, не надо учить меня уму-разуму. Запомни это хорошенько!

Ничего не поделаешь, придется запомнить! Все равно я буду пытаться вправить ему мозги, только другим способом.

Из кино мы шли пешком. Я еле плелась, оставаться наедине с Зазой не хотелось, было боязно. Как будто не для этого я ушла из дома. Я желала рассвета, как избавления. Ведь ночью все кажется гораздо страшнее.

— Мы, кажется, ошиблись дверью, — пошутил Заза, когда включил свет и оглядел комнату. Потом прошел на кухню, заглянул в кастрюлю и заурчал от удовольствия. Однако даже с набитым ртом он не пере-

ставал болтать: я, по его словам, была стопроцентной бабой, охваченной страстью к чистоте, а обед — несоленым и невкусным, и ел он его только потому, что очень уж проголодался. Я скроила в ответ жалкую улыбку и попыталась есть, но первый же кусок застрял у меня в горле. Позже, когда я мыла посуду и подумывала о том, чтобы сбежать отсюда, пойти к маме, рассказать ей о своей глупости и выплакаться у нее на груди, в эту минуту меня позвал Заза.

Он уже разделся и удобно устроился в постели. Ему-то что, для него все очень просто. Он дернул шнурок выключателя, погасил свет и силой усадил меня на диван, обнял за плечи и принялся расстегивать платье.

— Ты тоже любишь, когда тебя раздевают?

Сгорая от стыда, я вскочила:

— Нет... Я сама.

Я разделась и легла. Он обнял меня и снова остановился, ощутив руками комбинацию.

— А это еще зачем? О-о, мышонок-Нино, ты меня замучила!

Мне казалось, что я нахожусь в дурном сне. Я слышала тяжелое дыхание мужчины, какие-то бессвязные слова, меня обнимало красивое сильное тело, которое сейчас вызывало у меня отвращение.

Я думала, что прошла целая вечность, пока Заза успокоился. Спокойствие передалось и мне, я лежала тихо. Только я успела подумать, что он, должно быть, уснул, как он поднялся, молча выкурил сигарету до конца и тут же прикурил другую.

— Нино, как бы это сказать... Ты... до меня ни с кем... не была?

Я замерла. Он мотнул головой, как бы желая подчеркнуть свои слова:

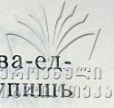
— Чего я спрашиваю, это я и сам понял.

Он включил свет и уставился на меня.

— Сколько тебе лет?

— Я уже давно совершеннолетняя, так что можешь не волноваться. И навязываться тебе я тоже не собираюсь, не бойся. Как только надоем тебе, тут же уйду, если хочешь, хоть сейчас.— Я привстала, но он уложил меня снова и прижал свой подбородок к моему.

— И не заплачешь?

— Нет! — я улыбнулась.

— И приласкаешь меня? — в его глазах едва-едва промелькнуло то самое чувство, которое не купишь в книжной лавке, и я, с глазами, полными слез, отвечала:

— Да, да!

Нас разбудил звонок в дверь. Заза в одних трусах побежал открывать.

— Никого сюда не впускай! — крикнула я вдогонку и натянула на голову одеяло. Голос я узнала — это была Додо.

— В комнату не заходи, — сказал Заза.

— А чего такого?

— У меня гости.

— Стыдливые у тебя нынче гости. Или я ее знаю?

— Нет, она иностранка.

— Тем более. Ты, может, думаешь, я ей сцену ревности закачу?

— Я сказал не заходи! — повысил голос Заза.

— Ладно, ладно, не психуй. Вот, это Павлик тебе прислал, говорит, ты просил. Ты при деньгах?

— Сейчас вынесу, погоди.

На работу Заза в тот день не собирался, сказал, что хочет поработать дома. Я отправилась на прогулку, сходила на рынок, наполнила до отказа две сетки и вернулась домой. Домой? Или в гости?

Он рисовал.

— Заза, что приготовить на обед, что ты любишь?

— «Греми», «Энисели», «Варцихе».

— Отвечай! — я топнула ногой.

— Все равно, мой желудок все стерпит.

— Тогда снимай туфли, я тебе их и зажарю.

— Не мешай.

Я принесла лук, села на скамеечку в углу и принялась его перебирать.

— У тебя нет мастерской? Сейчас почти у каждого художника есть своя мастерская.

— Убери отсюда лук, глаза ест! А что до мастерской, то для этого нужно вот столько денег, — он развел руки в стороны. — А у меня их мало.

— А если я тебе дам «вот столько» денег?

Он кинул на меня насмешливый взгляд и присвистнул.

— Я не шучу, у меня на книжке есть девять тысяч с чем-то. На одну маленькую комнатку должно хватить. А здесь недостаточно светло, и народ вечно толчется.

— У тебя что, отец вор? Или профессор?

— Ни тот, ни другой, он был моряк, капитан. Мне было девятнадцать, когда он умер. От рака. — Я поставила таз с луком на пол и прикрыла газетой, чтобы не шел запах. — Зарплата у него была приличная, и он все откладывал в сберкассе на мое имя. У мамы тоже хороший заработок, она зубной врач. Я хотела купить машину, но мама так убивалась, что я передумала. Ну, вот — лучше их на нужное дело истратить, чем они будут просто так валяться.

— Пожертвуй их детскому дому.

— Я тебе искренне предлагаю. А ты только формальную сторону усек. Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь, — я приложила палец к губам. — Но я даю тебе деньги не задаром, я у тебя кое-что потребую за них.

— Интересно знать, чего ты хочешь потребовать?

Я молчала.

— Скажи.

Я пролепетала:

— Не кури больше эту гадость.

Он метнул на меня такой взгляд, словно хотел испепелить на месте, однако спустя минуту на губах его вновь заиграла насмешливая улыбка:

— Я, признаться, вообще не собирался брать у тебя деньги, да еще на таких дурацких условиях. Только женщина может такое выдумать. Иди готовь обед и не зли меня.

— Я ведь хотела как лучше, — пробормотала я и вышла в кухню.

За обедом Заза меня удивил: он шутил и дурачился всюду, словно ничего не произошло. Он легко взрывался и столь же легко забывал любую обиду или гнев.

— К такому бы обеду да еще холодный арбуз! Завтра куплю, хочешь?

Я вынула из холодильника арбуз.

— Матерь божия! Да ты провидица! Дай тебе бог исполнения всех твоих желаний! — он взял у меня из рук арбуз и нарезал его огромными ломтями. — Я,

правда, не бог, но, может быть, тоже смогу что-нибудь исполнить. Ну-ка, пожелай!

— Я желаю уехать в какую-нибудь тихую деревушку у моря, чтобы там были горы и лес и не было знакомых.

Заза выплюнул на тарелку несколько косточек.

— И впрямь недурно. Только вот без денег... О, я совсем забыл, что говорю с миллионершей. Может, тебе опять придет в голову какое-нибудь деловое предложение? — он смеялся всем телом.

— Почему бы и нет? Ты будешь рисовать, я буду покупать у тебя картины, а ты будешь отдавать вырученные деньги мне на расходы.

— Это уж более разумно. Из тебя выйдет великий делец! — он наконец перестал смеяться. Задумался. — Отпуск мне положен в августе, но его можно перенести. Отпускные мне, стало быть, тоже причитаются. Мы исполним твоё желание.

На плечо ему села муха. Не поднимая руки, он слегка шевельнул кожей, как делают лошади, и муха убралась восвояси. Я чуть не подавилась арбузом.

— Чего ты смеешься? — удивился Заза.

— Ничего, просто радуюсь.

Я вошла в ванную, встала перед зеркалом и долго мучила собственное тело, но по-Зазиному у меня все равно не получилось.

На другой день я пошла к Мери. Тысячекратно украсив свое приключение, представив себя счастливейшей из женщин, я попросила ее пойти к моей матери, утешить ее и сказать, что я уезжаю. Мери пожелала мне счастья, но с такими печальными глазами! Мери умница, она все прекрасно поняла, только не стала меня огорчать. Мери для меня все равно что мать, только молодая, мать-ровесница.

В тот же вечер мы уехали сочинским поездом, решив сойти на первой же станции, которая будет похожа на мою мечту. Так мы и сделали.

Вдалеке от железной дороги была маленькая, тихая деревушка. Слева от нее темнела в зелени гора, справа протекала речка, а впереди, переливаясь, словно в его зеленоватых волнах растворили жемчуг, сверкало море.

Найти комнату оказалось несложно, отдыхающих было мало.

Мы провели там почти два месяца. Оба написали на работу письма с просьбой предоставить нам отпуск без содержания, хотя даже если бы нас уволили, мы бы не слишком о том печалились.

Хозяйка нам попалась хорошая. Это была немолодая вдова, чью единственную радость составлял сын Ваню, и других тем для разговора у нее не было. С Ваню мы вскоре подружились, должно быть, благодаря его милоте, открытому нраву. В дождливые дни он непременно приносил нарды, играл с нами и смешно рассказывал о своих школьных друзьях и учителях. Он говорил, что в будущем году мечтает поступить на актерский факультет.

Вдова тоже не оставляла нас своим вниманием, приносила то фрукты, то горячее гоми. Как-то раз я сказала Зазе:

— Славная женщина наша хозяйка, добрая и прямая.

— По-твоему, прямота — это хорошо? — изумился Заза. — Лично я предпочитаю льстецов людям, говорящим правду в лицо. Вот, например, была бы ты горбатой, и кто-нибудь тебе говорит: ты хорошая, но все-таки горбунья, каково тебе было бы, а? Укусит тебя пребольно, и ходит гордый, как павлин: вот какой я прямой человек! А о том, что тебе больно, и не думает, я даже убежден, что в глубине души он радуется твоему горю.

— Ты имеешь в виду злорадство, а я говорю о другом, когда человека действительно тревожат твои недостатки, и он хочет, чтобы ты стал лучше.

— Я свои дела прекрасно знаю сам, и нечего в них соваться другим.

Да, в спорах у нас недостатка не было, как, впрочем, и в развлечениях. Мы облазили все окрестности, читали, ходили на рыбалку, в полночь шли на море и нежились нагишом в теплой воде, потом возвращались домой, и мир за закрытой дверью разом переставал существовать для нас. Бешеная страсть Зазы понемногу передалась мне, и я с нетерпением ждала ночи, а утром беспокоилась, не слишком ли мы шумели. Успокаивало меня то обстоятельство, что хозяйка наша

была глуховата, а Ваню проводил ночи на чердаке — спал, а может быть, репетировал, не знаю.

В первые дни Заза был настроен прекрасно, потом что-то начало его беспокоить. Однажды утром он ушел и вернулся поздно, успокоившийся, усталый, а когда спустя несколько дней он снова исчез, я заперлась в комнате, открыла его чемодан и извлекла оттуда принесенный Додо пакетик. С отвращением смотрела я на зеленый порошок; если бы я высыпала его, Заза наверняка убил бы меня, и я удовольствовалась тем, что немного отсыпала из пакета и зарыла в саду. Где-то я была даже благодарна ему за то, что он не решался курить при мне.

Кроме этих нескольких дней все было прекрасно. Иногда я сидела и думала о своем прошлом, и никак не могла вспомнить, что было до знакомства с Зазой. Чем я занималась целых двадцать шесть лет? Судя по всему, ничем, и было страшно, что праздник когда-нибудь кончится, и я снова буду заниматься ничем.

В начале сентября мы возвратились. В тот же вечер пришли Зазины друзья и как следует выпили. На другой вечер пришел один Рамаз. Я была в чудесном настроении, утром я была у мамы и, наконец, помирилась с ней. Она пролила надо мною немало слез, хотя от знакомства с Зазой категорически отказалась.

Заза вспоминал Ваню и веселил нас. Я выпила несколько бокалов вина, извинилась перед Рамазом — сослалась на усталость — и легла. Чтобы в комнату не доносился шум, они закрыли кухонную дверь.

Сквозь дрему я почувствовала, как Заза откинул одеяло и обнял мои ноги. Я сплю, Заза, сплю крепко и ничего не слышу. Ну-ка, постарайся, чтобы я проснулась.

Он целовал мои ноги, когда же губы его приблизились к моим, я не выдержала и обняла его. Если бы даже на меня обрушился потолок, я бы так не заорала:

— Боже мой! Кто это!

— Тт-с, чего ты вопишь! — Рамаз прикрыл мне рот ладонью.

— Заза! — звала я. — Где Заза?

— На седьмом небе, — Рамаз снова полез ко мне. — Ты по-прежнему хочешь именно его?

Я влепила ему пощечину, вскочила и бросилась в кухню. Заза сидел на полу, привалясь к холодильнику и уткнувшись лицом в колени. Я что было сид, встряхнула его.

— Заза, спаси меня! Заза, очнись, посмотри на меня! Заза! Заза, помоги мне!

Он только мотнул рукой, отгоняя меня.

Я опустила на колени, прижалась к нему и со слезами пыталась дозваться его. Взглянула на Рамаза. Он стоял, прислонясь к стене, в распахнутой на груди сорочке и зло ухмылялся.

— Грязная свинья! — Будто не слова, а грязь выплескивалась у меня из гора: — Ты ведь тоже куришь, почему же ты сейчас не в том же состоянии? Улучил момент? Свинья! Подонок!

— Это тебе не поможет, малышка! — он подошел и сильно сжал пальцами мою руку. — Зря стараешься.

Я замерла на мгновенье, потом укусила его в руку, оттолкнула, метнулась в ванную и закрыла дверь на задвижку.

— Не заходи, не то весь дом разбужу!

— Ах, твою!.. — прорычал он и ударил в дверь кулаком, попытался открыть. Спустя некоторое время потому, как хлопнула входная дверь, я поняла, что он ушел.

Не знаю, сколько времени я проплакала, сидя рядом с Зазой.

Рассвело. Заза встал и, еле передвигая ноги, пошел в комнату. Наверное, лег. Мне-то было не до сна, голова болела, лицо опухло. Так же неподвижно я сидела и ждала, пока он выспится.

Он проснулся в плохом настроении, попросил сварить кофе.

— Сваришь сам, я ухожу, — тихо сказала я.

— Куда?

— К маме.

К такому холодному обращению с моей стороны он не привык. Удивился:

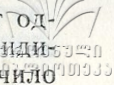
— Скоро придешь?

— Нет, я больше не приду.

— Почему?

— Потому что так надо.

— Ну, если надо... Что поделаешь!

Он знал, что от одного его ласкового слова, от одного прикосновения я мгновенно успокоюсь, но, видимо, не считал это нужным. Знал Заза и то, что значило для меня расстаться с ним, вот и пользовался этим.

Обида душила меня, я не могла больше сдерживаться.

— Я уйду, но прежде выложу тебе все, что у меня на душе. Не улыбайся, ничего хорошего я тебе не скажу. Когда человек знает, что его любят, и тому, кто его любит, плюет в лицо, как это называется? — Несознательность. Когда человек продает свою молодость, красоту, талант за вонючий зеленый порошок и не имеет силы, чтобы снова стать человеком, как это называется? — Бесхарактерность. А когда одному очень плохо, а другой ему не помогает только потому, что получает в эту минуту неземное наслаждение, как называется этот другой, знаешь? — Тряпка!

— Мышонок, а не много ли ты себе позволяешь? — У Зазы заходили желваки, но я в тот миг была как заведенный будильник, и остановить меня нажатием кнопки не удавалось.

— Напротив, я с тобой еще очень мягко разговариваю!

— Чего ты от меня хочешь? — Заза раздраженно откинулся на спинку стула.

— Как всякая нормальная женщина, я хочу опереться на сильную руку, хочу видеть рядом с собою здорового, сильного мужчину, который во всем меня превосходит и который поможет мне...

— Что ты заладила о помощи, что с тобой такого стряслось?

Я вдруг смутилась, не зная, что ответить.

— Ничего особенного... Мне стало плохо, понадобилось лекарство, а тебя не дозовешься, валяешься тут, словно кукла.

— Ладно, хватит. Не нравится — уходи, только не устраивай мне сцен. Можешь уходить, тебя никто цепями не приковывал. Или, может, тебя кто-нибудь назначил моим опекуном?

— Назначили.

— Кто же это побеспокоился обо мне?

— Кто? Ребенок.

Заза в эту минуту стоял ко мне спиной. Он медленно обернулся.

— Какой ребенок?

— Обыкновенный. — Я усмехнулась. — Который пищит, пускает слюни и пачкает пеленки, ребенок, который получается после безумных ночей, не слышал?

Он переменялся в лице и расширившимися глазами смотрел на меня.

— И не думай, что я от него избавлюсь. Тебя-то беспокоить не собираюсь, сама с голоду не помираю и его как-нибудь подниму. Только с той разницей, что вместо сына наркомана его будут называть ублюдком, вот и все. Тем лучше для него.

Я начала складывать вещи. Он стоял, словно столб. Потом открыл мою сумочку, взял ключ, ушел и запер дверь снаружи.

Я была рада, что мое сообщение не осталось без внимания, я ведь ради этого и разглагольствовала. Слегка успокоившись, я прилегла на кровать.

Заза вернулся, когда стемнело, пообедал, выкурил одну за другой несколько сигарет.

— Я был у врача. Мне надо лечиться, — как бы между прочим сказал он.

Я отвернулась, чтобы он не видел моей торжествующей улыбки. Посмотрим, далеко ли простирается моя победа. Моя? Или ребенка? Неважно, мы пока одно целое.

После этого Заза переменялся. Стал серьезнее, начал больше работать. И ласки его теперь были нежнее, умереннее.

Я привела к нам Мери, познакомила их и очень радовалась, что они друг другу понравились. Маму же склонить к знакомству с Зазой так и не удалось.

В ноябре Заза предложил расписаться. На мой вопрос, зачем это нужно, он заявил, что ребенок должен носить его фамилию.

И мы поженились. На свадьбу пригласили только самых близких друзей и соседей, которые в один голос клялись, что я образумила Зазу и вернула его к жизни. Свадьба была скромная, но в добрых пожеланиях и поздравлениях недостатка не было. Заза рассказывал, как у меня заболел живот, благодаря чему я попала в этот дом, как потом повадилась сюда ходить, как он

стал всерьез обо мне задумываться и как, наконец, я после долгих уговоров согласилась выйти за него замуж. Гости хватались за животы от смеха...

Зима потихоньку отступала. Я очень поправилась, раздалась. Доктор сказал, что плод большой и мне надо побольше двигаться, но я стеснялась выходить на улицу и поэтому упражнялась дома.

В один прекрасный день я купила красивый ситцевый отрез и сшила несколько распашонок. Заза взяла одну, повертел в руках и тихонько засмеялся:

— Какая прелесть!

На другой день он притащил домой трехколесный велосипед и выглядел очень довольным.

Короче говоря, мы спокойно готовились к появлению третьего члена семьи.

В конце апреля я пошла в больницу. Роды вовсе не похожи на веселые дни рождения, которые празднуются потом, но я держалась молодцом. Разве со мной могло приключиться что-нибудь дурное, когда внизу ждал Заза! Только очень устала, ох, как я устала! Я кричала от боли, а глаза мои были закрыты и хотелось спать. А когда в конце концов мрачная с виду акушерка сказала, что у меня мальчик, я лежала, обессиленная, и не понимала, почему так кричит роженица на соседней койке.

На следующее утро мне передали письмо от мамы, в котором половины нельзя было разобрать из-за пролитых на него слез. Мама писала, что ей позвонила Мери, она, если удастся, повидает меня в эти дни. А Зазу я ждала напрасно, он не пришел.

Кроме меня, в палате лежали еще четыре женщины. Они без устали рассказывали тысячи невероятнейших историй, обсуждали свои семейные дела. Одна жаловалась на свекровь, другая на собственных брата и сестру, третья на мужа. Когда же вечером привезли спеленатых, как мутаки, детей, все четыре разом замолчали, и только время от времени в тишине слышались ласковые слова в адрес младенцев.

— А почему не принесли моего ребенка? — громко спросила я.

— Это у тебя первый? — спросила полная, светловолосая женщина.

— Первый.

— Оно и видно, неженка ты этакая. Встань, пройдись немного. Глянь-ка на нее, — она кивнула на женщину, лежавшую в углу, — в двенадцать часов дня родила и уже все четыре этажа обежала, и ребенка повидала, а теперь вот отдыхает. Не бойся, ребенок могут три дня не приносить, все зависит от врачей.

Наутро солнце пекло уже по-летнему, небо блестяло, как зеркало, на крыше дома напротив ворковали голуби, и люди шли по улице с каким-то праздничным видом. Я стояла у окна, и мне хотелось смешаться с ними, я мечтала о том дне, когда я вынесу отсюда завернутого в голубое одеяло малыша, и Заза поведет нас в наше гнездышко.

Снова принесли детей. Они так жалобно пищали, что у меня оборвалось сердце: вдруг и мой так же плачет. Вдобавок очень хотелось хоть разочек его увидеть, и я поднялась в детскую. Нянечка преградила мне дорогу, сказав, что входить туда нельзя, ее за это ругают. В ответ на мои мольбы она посоветовала обратиться к врачу, может, он разрешит.

Я постучалась в дверь кабинета и вошла. За столом сидел седой мужчина лет сорока и что-то писал. Не поднимая головы, он осведомился, что мне угодно. Я запахнула пропитанный запахом хлорки халат и смущенно изложила свою просьбу. Врач недовольно покачал головой, снял трубку и спросил:

— Фамилия?

— Модебадзе.

Он снова повесил трубку и внимательно посмотрел на меня.

— А-а, так это вы Модебадзе? — он встал и предложил мне стул. — Присаживайтесь. Я как раз собирался побеседовать с вами.

Наверное, мамин знакомый, решила я и села на предложенный стул.

— Вы такая молодая, красивая, — он потрепал меня по щеке.

Я совсем оробела, издевается он, что ли?

— Первый ребенок, не так ли? — Я кивнула. — О, что такое один ребенок, вы еще пятерых до старости нарожаете, может, даже восьмерых. Правда, девочка? А этот... К сожалению...

Улыбка исчезла с его лица. Я смотрела на него с изумлением, не сразу догадавшись, о чем он говорит.

— Вы только не волнуйтесь, вам нельзя.

— Он умер? — с трудом выдавила я.

— Пока нет, но, вероятно, скоро... И это даже лучше... Страдали бы и вы, и он.

Вокруг внезапно потемнело. В ушах зазвенело так, что я больше не слышала, что говорил врач. Он дал мне выпить воды. Потом похвалил меня за выдержку, сказал, что все уладится и посоветовал думать о будущем.

Я пришла в себя. На этот раз сама налила себе воды. Доктор сел с видом человека, исполнившего свой долг.

— Я хотел спросить... Не было ли у вас в роду больных психически, или венерических заболеваний, или...

— Или наркоманов?

— Возможно и такое. Я не утверждаю, но...

— Покажите мне его, пожалуйста, — перебила я.

— Может быть, не стоит?

— Покажите мне ребенка, — уже твердо повторила я.

— Вам сейчас нельзя...

— Я вам не верю, покажите мне ребенка!

Врач подошел к столу, сгреб лежавшие на нем бумаги и запер их в ящик.

— Вы, оказывается, упрямы. Ну что ж, пойдемте.

Когда мы вошли в детскую, я окинула взглядом множество кроватей, но врач провел меня в следующую комнату. Там стояло всего несколько коек. У одной из них врач остановился.

То, что я увидела, было еще ужаснее, чем я ожидала. Это существо нельзя было даже назвать ребенком, в нем не было ни одной человеческой черточки, и все же... Не надо меня терзать, заставляя описывать его, ведь это же все-таки был мой сын! Сын, который, даже останься он в живых, никогда не мог бы узнать меня.

— Вам дурно?

Смешной он, этот врач! Разве манекену может стать дурно? Хотя манекен внутри чем-то заполнен, а я совершенно опустошена, и в моей оболочке царит пустота, что у меня может болеть? Я всего лишь призрак, без сердца, без мозга, только призрак!

И вот солнечным апрельским утром в том самом родильном доме, в той самой палате, на той самой койке, где лежала я, сидит молодая женщина и читает огромное письмо.

«Нино, дорогой мой мышонок, моя самая любимая, самая красивая, самая родная, если бы ты только знала, как мне хочется тебя обнять, как я соскучился по тебе! За те два дня, что мы не виделись, я понял множество вещей. Ты родила сразу двоих людей — меня и моего мальчика. И я, как малыш на свою маму, буду похож на тебя — мне передалась твоя доброта, твоя безграничная любовь наполняет меня, я дышу ею, как воздухом, и мне нужна только моя мышка — Нино, которая помогла мне стать человеком.

Твоя мама и Мери сейчас здесь, они тоже хотели черкнуть тебе пару слов, но я не позволил. Я хочу, чтобы сегодня ты думала только обо мне, и не только сегодня, а всегда. Я ревную ко всем: к твоей маме, к Мери и даже к нашему малышу.

Прости, что я вчера не пришел. Знаю, простишь, ты от меня и не такое вытерпела.

Хочу рассказать тебе все по порядку, а не получается. Я никогда еще так не волновался. Но попробую все-таки.

Когда я ушел отсюда, я позвонил Мери и, как пехотинец, похвастался рождением сына... Попросил ее позвонить твоей маме и на другое утро прийти ко мне, чтобы выбрать белье для ребенка. Знаю, у тебя все готово, но что нужно принести, я понятия не имел. Ночью спал на твоей подушке. Ты хитрая, выбрала себе помягче.

Утром пришла Мери и еще, знаешь, кто? Твоя мама. Да, наконец-то твоя мама признала меня, думаю, что тебе это будет приятно. Твоя бы воля, ты бы весь мир перемирила. Мне очень понравилась твоя мама, она похожа на тебя, только ты не такая упрямая. Она сказала, что была у тебя, и ты хорошо себя чувствуешь.

Потом пришли Темо и Отар, разве можно было отпустить их, не дав пожелать счастья моей семье? Счастья у меня и так довольно, но пожелать все равно надо.

Видела бы ты меня в этот момент! Надутый, как

индюк, только не хватало красных складок на шее, что болтаются у индюков. Словом, я здорово перебрал, и твоя мама сказала, чтобы я к тебе в тот день не ходил, а утром мы пойдем вместе. Я проводил ребят и от самого дома до больницы шел пешком, и все, кто попался на пути, слышали мою песню. Меня даже остановил милиционер, спросил, почему я поднимаю шум среди ночи. У этих милиционеров ни на грош нет слуха. Разве мое пение — шум? Я ему объяснил, почему я пою, и он махнул рукой.

Света у вас нигде не было, и я не знал, за которым из темных окон отдыхает моя радость.

Я был один на улице. Эти мужья просто дегенераты! Они или пьют, или храпят в своих постелях. Все они должны быть сейчас здесь, со мной, радоваться, поздравлять друг друга, я их...

Наконец один появился. Он тоже пел, но не так, как я. Потом долго смотрел на окна. Затем подмигнул мне с заговорщицким видом: «У тебя мальчик или девочка?». Мальчик, говорю, а у тебя? Девочка, отвечает, а мальчик уже бегаёт. Мы поцеловались, и я его потащил к себе. Или он меня потащил, не помню. Я тебя с ним познакомлю, тебе он понравится. Тебе ведь нравятся все, кто умеет улыбаться.

Так и провел эти дни. Напиши про себя все — как ты, как маленький Дито — пусть будет Дито, ладно? И с твоим именем созвучно. Что тебе принести, когда тебя выпишут, скучаешь ли без меня — целый ворох вопросов, сколько осилишь, столько и ответь, только не переутомляйся, ты и так устала от длиннющего письма. Это уж ты сама виновата, так и знай. Пишу, потому что есть, что писать; моя предыдущая биография уместилась бы на крохотном клочке бумаги.

Я замучил и твою маму, и Мери, никак не могу закончить письмо. Нужно рассказать тебе множество всяких вещей. Но это потом, ладно?

Когда тебя выпишут, я посажу тебя на целые сутки, нет, на двое суток, нет, до конца жизни, и не дам тебе ни есть, ни пить, ни спать, посажу и буду рассказывать тебе обо всем, что меня тревожит и радует. Скажу — и докажу! — что безмерно тебя люблю.

Да, и еще — может, ты все же выглянешь на ми-

нутку? Хоть издали пошлю тебе поцелуй. С нетерпением жду ответа. Нет! Не торопись. Жду.
«Паршивец».

И ниже:

«P. S. Не мерзнешь ли ты ночью? Ты ведь у меня такая мерзлячка. Если холодно, я скажу кому-нибудь, и тебе принесут еще одно одеяло».

Это уже окончательная победа, мышонок-Нино. Сколько слез, унижений, сколько терпения потребовалось, чтобы добиться этой победы. Что же ты сидишь, словно окаменела, и улыбаешься? Нет, ты не улыбаешься. И не плачешь, ты вообще ничего не делаешь. При других обстоятельствах ты, наверное, бросилась бы вниз в своем пахнущем хлоркой халате, или подлетела бы к окну, или обильно оросила бы слезами радости подушку. Но это при других обстоятельствах, а сейчас ты, не шевелясь, сидишь на своей койке.

— Ты что, еще не написала ответ? Там люди ждут — не дождутся, — женщина, разносившая письма, уже в третий раз прошла мимо меня.

— Да, да. Сейчас. Одну минутку.

Я взяла огрызок карандаша, который показался мне тяжелым, как каменная глыба, и с трудом нацарапала то, на что, наконец, решилась:

«Уходи. Я тебя больше не люблю».

1981.

Перевод Александра ОКРОПИРИДЗЕ.

Народные поэты

Где над словом любви не зардеет казат,
Поклоняюсь вам, Гвадж, Маадан и Синат.

Дух абхазский живет в вашей каждой строке,
Вскормленной, как сокол на левой руке.

Вы учили меня, что два лезвия есть
У кинжала и слова—то совесть и честь.

Как над бездною вы у границ высоты,
Над раздором людским возводили мосты.

Вы, подобно апостолам, в иотчих местах
Откровенье несли. что живет на устах.

Нас учили терпенью и выдержке вы:
«Не спешите стрелу отпускать с тетивы!».

Красноречия кубок вы подали мне,
Чтоб всю жизнь осушал я его в вышине.

Серебра ваше слово дороже сто крат,
Поклоняюсь вам, Гвадж, Маадан и Синат.

Дерево

Благословляю дерево! Оно
Нам знойною порой дарит прохладу
И ничего не требует в награду,
Качая птичьи гнезда заодно.

Благословляю дерево! Дотла
Оно сгорит, огня смиряя голод,
Чтоб мы пред очагом забыли холод,
Какая б вьюга рядом ни мела.

Благословенно дерево — наш друг,
Что может обернуться колыбелью,
Столом и половицей, и свирелью,
И колесом арбы, чей древесен круг.

Перевод с абхазского Якова КОЗЛОВСКОГО

Я не просто любил...

* * *

Безмолвна ночь, и каждая звезда
 Светильником мерцает неумным.
 Из дому ухожу я в никуда,
 Чтоб в мыслях пролететь над чашей темной.
 Внизу земля алеет, как в крови,
 И кровь во мне бушует, словно ветер,
 О, смерть, ты — завершение любви,
 Но отчего зовешся только смертью?

Когда б твой лик меня не ужасал.
 Я б принял яд из рук твоих бесстрастных,
 И красть ночей бы у себя не стал,
 И боль бессонницы была б тогда напрасной.
 И вновь земля алеет, как в крови,
 И кровь во мне бушует, словно ветер,
 О, смерть, ты — завершение любви,
 Но отчего зовешься только смертью?!

И снова я один. И снова ночь темна.
 Зажгу свечу. И будет свет струиться.
 И странные прочту я имена,
 И пожелтевшие переверну страницы.
 Печаль безмерная войдет в мой тихий дом —
 Я брошусь на нее отчаянно и слепо
 Все прокляну устало и нелепо,
 И женщин всех возненавижу вновь.
 Я, как сообщнику, открою ветру дверь
 И вновь запру, как на засов, луною.
 Уединенья нет. Настали дни потерь,
 И при луче свечи покончу я с собою.

* * *

Ты несешь голубые цветы,
 Мое тихое счастье.
 Их молча кладешь на мою воспаленную грудь...

Ты не плачь, Расскажи мне,
Как трудно с горами прощаться
Молодым журавлям, когда надо
Отправиться в путь.

* * *

Я не просто любил, я поверил в твое божество
И, поверив, горел, и гореть суждено мне отныне.
А теперь уходи... Не смотри. Все, что было, прошло,
Ты одна — мое солнце, другой мне не надо святыни.
Только страшно порою, что можешь с другим ты уйти,
И опять отдаленность, и мучиться вновь расставаньем...
Помоги мне, о господи, крест до конца донести.
Что со мной, я не знаю, и силы нет сбросить страданье.
Я не просто любил, я поверил в твое божество.
И, поверив, горел, и гореть суждено мне отныне.
А теперь уходи. Не смотри. Все, что было, прошло...
Ты одна — мое солнце, другой мне не надо святыни.

* * *

Олень умирал, — и, узнав о добыче,
слетелись вороны в круг.
Олень умирал, и пожухлые, ржавые листья
валялись вокруг.
Олень умирал, когда солнце палило, но холодно
было ему.
Олень умирал средь осеннего буйства, и взгляд
уходил во тьму.
Олень умирал, и, сзывая собратьев, в горах
старый ворон кричал.
Олень умирал, и безжизненно, тихо река шелестела
меж скал.
Олень умирал, и, узнав о добыче, слетелись
вороны в круг.
Олень умирал, и пожухлые, ржавые листья
валялись вокруг.

Перевод Тамары ПАПАЛАШВИЛИ

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

РАССКАЗ

ЗДОРОВО, дружище! Ты, видимо, уже думал, что я, как говорится, сыграл в ящик, верно? Но это не так, хотя, признаться, я и сам не возьму в толк, каким образом и почему я все еще жив.

Да, старина, я жив. Более того, я сохранил разум, кой-какие крохи здоровья и, как это ни странно, определенную дозу оптимизма, хотя раньше никогда не смог рел на нашу треклятую действительность сквозь розовые очки. Теперь, вернувшись из мира, который держал меня (или я сам цеплялся за него?) ровнехонько девятнадцать лет, я получил наконец возможность написать тебе письмо, письмо-исповедь, получил наконец и возможность возиться с цветами, следуя тем самым завету Вольтера «возделывать свой сад», но, к счастью, уже не тот сад-космос, который возделывал последние девятнадцать лет с лазерной пушкой в машине и пистолетом на заднице, а настоящий, земной, в котором я хозяйничаю с лейкой, секатором, лопатой...

Черт его знает, но, быть может, подспудная мечта о тишине, о покое, об этой вот самой лопате и помогла мне вынести кошмар Великого Одиночества?

Когда-то, лет триста тому назад, Джек Лондон, — был такой писатель, он крепко знал жизнь, — рассказывал о Белом Безмолвии. Я же могу рассказать о Безмолвии Черном, о том самом, где никакой вовремя разожженный костер не сможет отогреть мысль, вернуть человеку упругую пульсацию крови в жилах, оживить окаменевшие мышцы...

Только сейчас — и это в сорок-то с лишним лет! — я понял, что должно определять желания, поступки

да и всю жизнь в целом каждого из нас, что должно быть главным в ней, в жизни.

Космос... первопроходцы... освоение планет... Господи, прости меня, но пусть на эту фотонно-электронную удочку ловят желторотиков из Академии — кто-кто, а уж я-то прекрасно знаю, почему фунт лиха и что стоит за всей этой мишурой, которая чертовски напоминает самурайскую романтику: читать об этом интересно, а попробуй вспороть себе брюхо — станет и жутко, и больно.

Нет! Баста! Уж лучше-ка я буду сам по себе: вот мой сад, вот он — я, и... катитесь вы со всей своей поганой техникой к чертям свинячьим! Позже, если господу будет угодно даровать мне еще лет десять-пятнадцать бесклерозного существования, я кое-что сделаю, но пока — молчок, ибо мной очень интересуются парни из определенного ведомства, особенно один, вежливый такой, ласковый...

Тебе, конечно, легче. Ты разобрался во всем гораздо раньше меня и вовремя ушел в «наземники», а я — видишь ли, Икар нашелся, — все рвался ввысь, к звездам! Вот мне и опалили, вот мне и оплавил крылышки... И прежде, история знает это, были ослы вроде меня. Им, оказывается, дома не сиделось. Таскались по белу свету, трепали паруса в океанах, а когда на нашем шарике не осталось ни одного необгаженного места, поперли, любознательные сволочи, в космос! Им, видите ли, вдруг срочно понадобилось «познать истину»... «уловить неуловимое»... «подчинить себе пространство и время», тогда как вся истина, быть может, заключается в добром соседе, хоть черном, хоть желтом, хоть белом, или же в шелесте ночного дождя, который гонит в рост вашу яблоню, укроп на грядке и даже чертополох под забором!

Да, это так, и это говорю я, Дин Лонг, Длинный Дин, бывший «Черный патруль». Я ведь тоже мечтал «познать», «уловить», «подчинить» космос, — представляешь, «подчинить» космос! — и искренне не мог понять тех парней с Востока, которые тоже работают там, «на чердаке».

Ей-богу, дружище, теперь-то я понимаю, почему я тогда подал рапорт, но тогда?

Последний рейс давал мне право на любую рабо-

ту в Академии, отличное жалованье, дом и, словом, все то, что положено астронавту, завершившему работу в космосе по «допуску-два», ах нет, меня опять «зазнобило». Не знаю, чем это объяснить, но я, видимо, просто отвык от людей, отвык от обычных человеческих отношений, отвык так, как отвык знаменитый Робинзон, который даже пришел в ужас, увидев на песке следы человека, а быть может, мне попросту захотелось еще раз — и в последний — ощутить ту безграничную оторванность от всего земного, какую испытывает каждый астронавт, едва его запакуют в машину, а кроме того... нет, об этом потом...

Ты знаешь, дружище, есть люди, способные выносить отключение от себе подобных лишь в определенной дозе, и их абсолютное большинство, ибо в принципе одиночество противно человеческой природе, но есть индивидуумы, вовсе не страдающие от потери контакта с горласто-суетливыми соплеменниками. Поскольку ты увлекался историей, то, конечно, знаешь, что некогда существовал любопытный способ абстрагирования, ухода от мира — монашество. Все дни свои и ночи они, монахи, проводили в молитвах и постах, уверенные, что добренький боженька приметит их и приласкает там, за чертой жизни земной, даровав жизнь вечную и беспечально-блаженную. Были и другие формы ухода от действительности, более суровые, жестокие. Были и вечные скитальцы, и отшельники, были... да что говорить, дружище, были и такие, что на костры шли! Но скажи: чем же отличались они, анахореты, истязавшие дух свой и плоть свою от нас, астронавтов? Потолком знаний?

Если они отбивали поклоны Христу или терзали себя во славу Будды, то разве мы там, в Пространстве, не мучаем душу и тело свое всевозможными экспериментами, опытами, тестами?.. Так спрашивается, чем отличается какой-нибудь старец, приказавший замуровать себя в пещере, от «Черного патруля», несущего в космосе пожизненную вахту?! В древности существовало великое множество монастырей — то есть общин, подчас достаточно больших, с железным распорядком дня, со своим уставом (тогда бытовала даже пословица: «в чужой монастырь со своим уставом не суйся»), со многими ограничениями и запретами. И разве

вся эта чепуха не напоминает тебе наши орбитальные поселения или же колонии на осваиваемых планетах?

Конечно, не будем сравнивать цели и задачи кто кадил ладаном, с поисками наших дней, но во всяком случае мне не приходилось слышать, чтобы монахи одного монастыря точили ножи на монахов... Впрочем, хватит, ты, я думаю, понял меня, верно? Но, стой, о чем же это я? У меня что-то с головой, где же мои оранжевые таблетки... куда я их... Ах да, вспомнил... Ну вот, вроде бы и полегчало.

Я, кажется, увлекся, а это ведь всегда волнует — поговорить о том, что считаешь нужным, важным. Каждая эпоха может похвастаться людьми, склонными к уединению, и они, как правило, фанатичны, непримиримы — я и сам из таких — следовательно, не сердись на меня за категоричность суждений, надеюсь, долгая наша с тобой, так сказать, «невстречаемость» не повредила давней дружбы...

Ну, как бы там ни было, ровно через две недели после моего возвращения на землю, меня назначили командором Школы «Черных патрулей», причем по моей же собственной просьбе, хотя, как я уже тебе говорил, я мог бы прекрасно устроиться и в Академии. То, что я сваял дурака, я понял гораздо позже, но тогда...

Знаешь, когда я смотрел на своих курсантов, — это были молчаливые, замкнутые, колюче-вежливые парни, — я вспоминал все тех же пустынников, а чаще — камикадзе. Ты должен знать, что такое «камикадзе». Но если отшельники и пустынники добровольно взваливали на себя крест мученичества, то «камикадзе» считали за высшее счастье и честь жертвовать собой, думая лишь о «Божественном Тэнно» — императоре. Чем же руководствовались они, мои парни, будущие «Черные патрули», подражаясь на пожизненную вахту, вахту без смены, вахту до последнего вздоха? Тогда я не понимал этого.

Конечно, уйти в космос по «Допуску-один» вполне возможно, и ничего тут, в общем, особенного нет. Три года работы в Пространстве далеко не сахар, но и не кошмар, тем более, что потом тебе предоставляют на выбор любую работу или же пенсию до последнего вздоха.

«Допуск-два» штука куда как более серьезная

Помимо всех прелестей, отличавших его от «Допуска-один», он имел пару любопытных пунктов. Пункт «А» предполагал семилетнюю, а пункт «Б» — девятилетнюю (причем бессменную) вахту в космосе, да в таких адовых дырах, в таком пекле, что астронавтов, вернувшихся на базу, разве что под колпаком в музее не показывали. Семь и девять — это шестнадцать лет, то есть целых шестнадцать лет вне земли, вне общества и, убей меня бог, если я понимаю, почему «Допуск-два» включал в себя эти два идиотских пункта, ведь куда как легче подписать контракт просто на шестнадцать лет, чем на семь плюс девять... Черт их всех разберет, но, видимо, тут приложили свою ручку психологи, «белые воротнички», решив разделить общий срок вахты на «счастливые» цифры...

Детишки в школах изучали биографии астронавтов со вторым допуском, каждое слово и шаг их фиксировались для астронистории, и предоставлялось им абсолютно все, чего только душа ни пожелает, но многие из землян удивлялись, что души астронавтов уже ничего не желали, разве что покоя...

Я, как ты знаешь, принадлежал к их числу, я был тринадцатым на планете, имевшим диплом «Допуск-два», но вместо того, чтобы пойти в «наземники», как поступил ты, астронавт с таким же дипломом, но под номером двенадцать, я, дубина, сунулся в Школу «Черных патрулей».

Нет, уходить в «бессменку» тогда я не собирался: меня заинтересовал сам факт этой службы, феномен этих космических «камикадзе», и меня после долгих просьб назначили начальником. Школы «Черных патрулей». На моем попечении оказалось пятьдесят человек, но, повторяю, сам я уходить в космос не собирался.

...Ты знаешь, в пятнадцатилетнем возрасте я поступил в Академию, в двадцать лет ушел в космос отработать «Допуск-один», а в двадцать три года диплом был у меня в кармане. Поверь, мне было трудно! Совсем юнец, я три раза (по одному каждый год) обязан был принимать решения, которые, ты и сам это прекрасно знаешь, в случае ошибки могли привести к конфликту с Востоком... И мы рано уяснили значение слова «надо»...

После этой вахты я едва не послал все к чертям, но космос вцепился в меня, и будь проклят тот день, когда я подписал контракт на «Допуск-два».

Семь и еще девять лет не остались в моей памяти как строго определенное количество минут, дней или месяцев... Все казалось странным и тревожным: время представлялось то сжатым в один, быть может, последний всхлип перед смертью, то уплывало, растягиваясь в вечность. Иногда, вглядываясь в приборы, я уже не верил в себя, не верил в реальность существования собственного Я, не верил и в показания тех чертовых приборов, которые вели мою машину по чертовым кругам космического ада. Убогая фантазия землян не в силах представить бесконечность, — понять это дано только нам, астронавтам с «Допуском-два», только нам выпало понять, что Пространство поистине пугающе и бесконечно...

Как и когда кошмар оставил меня? Не знаю. Я помню только дождь, медленный теплый дождь и очень мягкую постель, — мне сказали потом, что я спал сорок восемь часов... и я стал тем, кого, как ты знаешь, едва ли не под колпаком держат. У меня было все, начиная от проклятых газет, которых я не видел целых шестнадцать лет, до абсолютной свободы, но не было главного, не было уверенности в том, что я, прожив на свете тридцать девять лет, сделал нечто стоящее, нужное всем людям...

Нет, конечно, материалы, добытые мной там, в Пространстве, были бесценны, но я не чувствовал себя удовлетворенным и, кажется, начинал понимать причины этой неудовлетворенности.

...Аварийная посадка почти что вслепую, посадка на авось, истерика взбесившегося электронного мозга, удар...

Ужас случившегося был очевиден, — сознание его проснулось. Машина стояла не так, как ей полагалось бы стоять при обычной, нормальной посадке: обзорные экраны высвечивали косую линию горизонта, светящуюся розоватым заревом. Центральный анализатор невозмутимо выдавал данные.

Астронавт, ничего не понимая, считывал показания анализатора. Да, все верно: атмосфера пригодна

для жизни. Температура — плюс двадцать два градуса по Цельсию, давление, влажность — все в норме, все точь-в-точь, как на Земле в разгар хорошей весны.

Он внимательно всмотрелся в первый сектор обзорного экрана, потом, выругавшись, резко увеличил четкость изображения.

Да, все верно: лужайка, яркая трава, цветы, небольшая березовая рощица... Березы? Откуда, черт бы их подрал, взялись здесь березы? А вот и... ну да, люди, самые настоящие люди, во всяком случае по виду их не отличить от настоящих людей. Три человека. В майках, шортах... смеющиеся... Дубль-Земля? Бред? Космический мираж? Галлюцинация? Ах, дьявол!

Загудели моторы, люк мягко ушел в сторону, и астронавт, выхватив пистолет, шагнул в траву.

Те, трое, остановились, — и всего-то ярдов сто разделяло их, — видимо, советуясь, потом один, помешкав мгновение, голубоглазый, соломенноволосяный, двинулся вперед.

Астронавт повел пистолетом.

— Эй, — сказал голубоглазый. — Опустите оружие!

— Я — Запад. «Допуск-два». — сказал астронавт.

— Ясно, — голубоглазый кивнул. — Мы — Восток.

...Четыре дня на крошечной планете стали общими для людей разных миров с одной Земли, и пистолет астронавта мирно покоился в кобуре.

Те, голубоглазые, — они первыми нашли двойника Земли, — занимались странными на взгляд астронавта делами.

— Это что? — спрашивал он, удивляясь.

— Хлеб, — отвечали они.

— Это что? — спрашивал он, удивляясь еще больше.

— Цветы, — отвечали они.

— Цветы... Но для чего вам цветы? — хотелось спросить ему, но он вовремя попридержал язык, смутившись, и на второй день вышел из своей машины без пистолета, нарушив, тем самым, сразу два параграфа Инструкции, причем самых важных, которые категорически запрещали расставаться с оружием и всту-

пать в контакт, даже в момент крайней нужды, с людьми Востока...

Потом, вернувшись домой, он нарушит еще один параграф Инструкции, — он не доложит о том, что его машину привели в порядок голубоглазые техники, не доложит и о том, что он ел хлеб, выпеченный из муки от земных зерен, из тех зерен, что взрастили на далекой планете голубоглазые...

...Прости, дружище, я отвлекся. Я опять принял оранжевую пилюлю, — с головой что-то, — а потом вышел в сад. В саду у меня есть замечательный пенек, он заменяет мне кресло, — я долго сидел на пенке, курил трубку (у меня вновь появились скверные, то есть вполне земные привычки и пристрастия) и вспоминал нечто такое, о чем никто не знает, о чем не знаешь даже ты.

Черт побери! Иногда я начинаю верить в невероятное. И полно, что такое невероятное? Это, быть может, как раз именно то, что должно произойти, но происходит редко? И куда мне деться от своих тревог, дум, забот?!

Ты так далеко, а письму невозможно доверить все, что я знаю, что хотелось бы тебе сказать. Много не дает мне покоя, очень многое, но прости, я опять отвлекаюсь, увлекаюсь, привлекаюсь... господи, что за муть... и куда опять делись эти мои пилюли...

Слушай, дружище, сейчас со мной случилась прямо-таки невероятная штука! Да, совершенно невероятная штука! То есть именно то, о чем я писал тебе, случилось невероятное: я, Дин Лонг, Длинный Дин, Дин — «Черный патруль», я заснул прямо за столом! Ты понимаешь, я заснул за столом! Я отключился, причем совершенно неожиданно (но неожиданно ли?) — ОНИ не дают мне покоя, впрочем, сейчас, в данный момент я чувствую себя превосходно, видимо, отдых пошел впрок, а посему, постараюсь забыть о постороннем и продолжить свой рассказ.

...Итак, вернувшись на Землю, я, вместо того, чтобы заняться спокойненькой работой в Академии по обработке мною же добытых материалов, запросился на должность начальника Школы «Черных патрулей».

В космосе я провел девятнадцать лет: три года от-

рабатывая «Допуск-один», и шестнадцать лет — «Допуск-два». Летать больше я не собирался, уж теперь-то я хорошо понимал, как отличается вкус ключевой воды от вкуса воды из рециркуляционной установки! Правда, я и сам не люблю суету, шум и безалаберность. Города, но пожизненная вахта в космосе, когда красная кнопка лазерной пушки и во сне не дает покоя, вовсе не для меня.

Конечно, ты поймаешь сейчас меня на противоречии: почему, мол, я пошел работать с «Черными патрулями», верно?

Так вот, здесь нет никакого противоречия. Все абсолютно логично. Мне хотелось, понимаешь, ну просто смертельно хотелось узнать, почему пятьдесят парней, совершенно здоровых, безусловно нормальных в умственном отношении, обладающих достаточно развитым интеллектом, решили, причем добровольно, — их ведь никто не неволил, — почему они добровольно решили осудить себя на пожизненное заключение, и даже намного более страшное, чем в тюрьме. Там, в тюрьме, есть люди, пусть правонарушители, но — люди, там есть надзиратели, охранники, администрация, иными словами — живые души, а что ждет тебя в Пространстве, кроме одиночества?

Почему, в силу какого закона эти парни отрывают себя от жизни, от Земли, и неужели нет способа отвлечь их от страшной идеи ухода в замкнутый мир Черного Безмолвия?

Я уже не раз думал об этом.

Я понимал и понимаю ребят, рвущихся в космос за «Допуском-один». В своем большинстве это — романтики, исследователи, открыватели. Я понимаю и своих коллег по «Допуску-два», хотя наши задачи резко отличны от задач первых. Если те, первые, в основном исследователи, то мы, астронавты с «Допуска-два» — космические псы, псы-охранники, а уж «Черный патруль» — не что иное, как те же камикадзе, читай — смертники, убийцы и смертники.

Я начал работать с ними. На мне, как на шефе Школы, лежала громадная ответственность, но главное, за что я отвечал, была Общая Подготовка.

Подготовка, тем более общая, — казалось бы, еру-

нда, верно? Но знал бы ты, дружище, что пряталось за ним, за этим «простым» словом.

И инженерная подготовка, и астронавигация, способ выживания в экстремальных ситуациях, и военный аспект дела, включающий в себя даже специальную инструкцию с описанием всевозможных видов самоубийства на случай, как в ней сказано, «пленения...» Кроме всех этих прелестных предметов, я мог бы назвать тебе еще десяток, не основных, а побочных, так что, как ты, вероятно, понимаешь, скучать мне не приходилось.

Но, знаешь, все это было бы, в общем, терпимо, да только я уже не был тем Дином Лонгом, которого ты опекал в свое время, которому доверял и которого любил. Дело в том, что после одной аварийной посадки во мне что-то словно бы хрустнуло, надорвалось, впрочем, если судьбе будет угодно и мы свидимся, я все расскажу тебе подробно, даже слишком подробно, ведь мне и самому до конца нужно разобраться и в себе и... но хватит, письма ведь читаются не только теми, кому они адресованы!..

Итак, в моей Школе было ровнехонько пятьдесят человек. Иногда они казались чертовски похожими друг на друга, но я, конечно, жестоко ошибся бы, думая так. Каждый из них, как психологический тип, был уникален. Что я мог дать этим людям, кроме специальных дисциплин, что я мог дать им, живущим еще на Земле, но находящимся практически уже в другом мире, в другом измерении?

Они, все без исключения, прекрасно усваивали специальность, они были вежливы, как дипломаты, и, как дипломаты, абсолютно холодны. Хотя нет, почему холодны? Они, дружище, были просто непробиваемы, что ли, ну да, именно непробиваемые! Они были способны выполнить (и выполняли) совершенно невыполнимые приказы, выполняли точно, в срок, но зато пожимали плечами и отмалчивались, если вдруг мне приходило в голову спросить: «А откуда и от кого вы хотели бы получить письмо», или «Любите ли вы кетчуп...»

Все, что не относилось к делу, то есть к теории и практике освоения космоса они обходили молчанием, и лишь однажды курсант, старший в группе, спокойно

ответил мне на какой-то вопрос, что «воспоминания — эксгумация иллюзий...»

Боже милосердный! Меня потрясла эта фраза: Мне никогда не приходило в голову мыслить так цинично...

Да, мое прошлое — космос, и могло ли быть моим будущим что-либо иное, кроме него? Кроме космоса, со всеми его проблемами, которые он, не скупясь, подкидывает не только ежедневно, но и ежесекундно... Нет, конечно нет, и я, бессознательно подчиняясь инерции, логично вписался в общую картину назревающих событий.

Работа в Школе захватила меня. Она, помимо проблем чисто технического порядка, преподнесла мне одну, но самую распроклятую проблему, проблему неожиданного в психике человека. Я так и не разобрался тогда до конца в том, почему эти парни запродали себя на корню, но кой-какие догадки на этот счет у меня уже были. Дело в том, что, проболтавшись в Пространстве девятнадцать лет, я заработал мерзкую хворь, я сам назвал ее душевной проказой... так вот, похоже, что мои парни, будущие «Черные патрули», подхватили ее гораздо раньше, хотя космоса еще и не нюхали. В чем тут дело — судить не берусь, но факт остается фактом: все они, как один, были одержимы этой болезнью. Впрочем, с чисто медицинской точки зрения, а вернее сказать, физически и умственно они были совершенно здоровы, иначе их и близко не подпустили бы к Школе, ну а свои предположения я, разумеется, держал при себе, не желая выставляться на всеобщее посмеище. И то сказать, славно бы я выглядел в глазах шефа Академии, когда б вздумал толковать, не будучи специалистом по космопсихологии, о подсознательном угнетении, о всяких там комплексах и о душевной инвалидности, что ли... Если элементарная психология — лес темный, то что можно сказать о психологии космической — космопсихологии? Я уже тогда частенько говорил, что наука, наука в целом или же, если тебе угодно, Наука с прописи, есть дикая кобыла, на которую каким-то чудом сумел взгромоздиться человек и она, желая напугать его, понесла без пути и дороги, напрямик в преисподнюю... Я уверен, что кое-кто из «высоколобых» весьма охотно слез бы с этой ошалевшей кобылы, да вот пола-ка, слезь...

Репортеры, с которыми мне частенько приходилось тогда иметь дело, считали меня экстравагантной личностью, астронавтом-философом, а начальство даже поощряло эти контакты, так как любые мысли, высказанные мной и моими коллегами по «Допуску-два», даже супербредовые, немедленно фиксировались и подвергались тщательнейшему анализу в нашем «Интеллектуальном центре». Да, в те времена ничего не пропадало — даже отходы производства могут пригодиться, если найти для них применение, — но жаль, что не все тогда использовалось с толком...

У нас есть отличные машины. Они по горлышко нашпигованы такими приборами, что иной раз и жуть берет, но ведь человек остается всего-навсего человеком, причем со всеми своими плюсами (увы, их так мало!) и минусами, со всеми комплексами и причудами, болезнями и настроением, с грузом прошлого, часто неблагоприятного, и в итоге результат: идеальная или около того машина находится в руках далеко не идеального оператора. Впрочем, что тут говорить: мораль давно не поспевает за техническим прогрессом, и это всем известно... Вслух об этом стараются не говорить, — неприлично, вроде, но секрет полишинеля, черт побери, останется секретом полишинеля, и деться от этого некуда!

Да, человек остается человеком. Ему и сейчас, как сто и как, быть может, тысячу лет назад хочется иногда заснуть в лесу, побродить по берегу речки, просто полюбить — без расчета и выгоды, — а ему предлагают клавиши компьютера, цветные дисплеи с объемным изображением, лазерное оружие и личные комфортабельные убежища, если, конечно, он «ценный» субъект, и много, очень много духовной пустоты...

Вот, дружище, таковы были примерно мои размышления, когда я готовил «Черных патрулей» к работе в Пространстве.

В известный момент, как это я давно подметил, почти все превращается в свою противоположность: крик — в молчание, любовь — в ненависть, жизнь — в смерть. Нечто подобное произошло и со мной.

Беда стряслась именно тогда, когда ее никто и не ждал (впрочем, так оно всегда и бывает), за месяц до выпускных экзаменов. Один из курсантов, кстати, тот

самый, который в разговоре со мной определил память как эксгумацию иллюзий, принял смертельную дозу облучения. Никто не сомневался, что это было самоубийством, ведь он оглушил охранника, вывел из строя сигнализацию и вошел в запретную зону без защитного костюма, но вместе с тем осталось загадкой следующее: почему он не воспользовался личным оружием? Если ему так уж приспичило умереть — пожалуйста, ведь у каждого курсанта было великолепное личное оружие! Специалисты-оружейники утверждают, что при помощи этой штуки отправляться на тот свет сплошное удовольствие: человек попросту не заметит, не успеет заметить тот трагический переход из состояния «КТО» в состояние «ЧТО»...

— Слизняк. Не жалко, — совершенно равнодушно, даже без восклицательной интонации, обронил один из курсантов, однако начальство думало по-другому. На внеочередной, экстренной оперативке шеф Академии, которому непосредственно была подчинена Школа, выглядел гораздо хуже, чем наш самоубийца...

— Сорвался правительственный заказ! — трагическим шепотом вещал он. — Мы были обязаны поставить к первому января пятьдесят астронавтов. Через десять дней начинаются экзамены, а ровно через месяц из Школы мы должны выпустить пятьдесят, я повторяю, пятьдесят астронавтов, но мы...

Мне стало скучно. Я прекрасно изучил манеру шефа подавать новости, даже приятные, этак значительно, витиевато, при этом несколько нудно, и обязательно с трагической миной на лице, впрочем, в данный момент скорбь его не казалась наигранной.

Наконец шеф, явно утомившись, замолк. Молчал и я, второй по чину после него в этом кабинете, молчали преподаватели Школы, и тишина эта стала действовать мне на нервы.

Вот тут-то я и сваял дурака...

— Шеф! — я встал. — У нас все в полном порядке. Школа обязана представить Правительственной Комиссии пятьдесят «Черных патрулей», и вы их получите. Пятидесятым буду я сам.

Теперь, дружище, я должен сказать тебе еще кое-что. Желание убраться хоть к черту на рога созрело во мне как раз накануне самоубийства нашего курсан-

та, то есть именно в ту ночь, когда Инга, — ты должен помнить ее, она занималась проблемами новейших ОВ, — Отравляющих Веществ, — когда Инга решительно оттолкнула меня.

Я и сейчас не понимаю, что побудило ее поступить так, но, зная ее характер, я не сомневался — это конец. Больше на Земле меня ничего не держало. Конечно, я не помчался «седлать» машину, чтобы, сломя голову, убраться, как я уже сказал, к черту на рога, но мысль о том, что с Землей все счеты уже покончены, запала в сердце.

...Да, с Ингой случилось что-то странное, но что? Не знаю, не ведаю, а теперь и подавно ничего не смогу узнать; через неделю после моего ухода в Пространство она погибла, разбив случайно пробирку с газом «НХ—3000»...

Вот, дружище, как обстояли мои дела, а наутро, едва я, разбитый после долгих и напрасных объяснений с Ингой, вошел в свой кабинет, Школу взорвала сирена общей тревоги.

Так я узнал о смерти своего курсанта. Официально факт его самоубийства трактовался внезапным помешательством, и подтверждением этому послужил именно тот довод, что курсант не воспользовался личным оружием, а избрал наиболее трудновыполнимый вариант, который, безусловно, свидетельствовал о явном нарушении его психики...

Ну что ж, жизнь действительно не дает нам передышки: беда никогда не приходит одна, а как там насчет счастья — не знаю, с ним я плохо знаком.

Вот, дружище, все это вместе взятое и повлияло на мой поступок, на то, что я в конце концов сделал. Разумеется, ни одна собака, даже со сверхзолотыми погонами не имела права послать меня в полет (в «полет бессмертия...»); я свое уже отслужил с лихвой. Мои заслуги, мой чин, мой возраст наконец, и «музейное» значение надежно охраняли меня от этого, но раз я сам предложил свою кандидатуру, если я сам решился на подвиг, то... К тому же, в этом я могу признаться тебе, меня до сих пор не оставляет мысль, что я сам был виноват в гибели того курсанта, но почему — не знаю.

Ну, как бы там ни было, рапорт мой был принят под гром аплодисментов: в глаза, как это обычно бы-

вает, все пели дифирамбы, а за глаза — я уверен, называли старым козлом и болваном...

Через пятнадцать минут все западные радиотелекомпания передавали специальный выпуск известий, в котором сообщалось, что Дин Лонг, астронавт, возводится в ранг астронавта «Допуск-три», то есть в высшую и последнюю из возможных степеней, существующих под солнцем для людей, имеющих отношение к космосу. Присвоенное звание, как ты знаешь, автоматически (еще при жизни) делало «бессмертным» мое имя, но начисто убивало мою душу и тело в тот момент, когда этого потребуют обстоятельства, иначе говоря, я стал тем самым камикадзе, который мог творить, что угодно до рокового приказа, до того самого момента, когда ему укажут цель...

Со временем мы все, даже само время, подвергаем переоценке, так что понятное мне сегодня, я, быть может, не понимал до конца тогда, и поэтому принятое решение хоть и тяготило меня, но...

Я рассуждал примерно так: на Земле мне делать больше нечего. Инга ушла в прошлое, работать в Школе после прискорбного происшествия я и сам больше не захочу, да и не смогу, моя же профессиональная подготовка, — если отбросить ложную скромность, — блестящая, космический стаж — девятнадцать лет, так что вывод напрашивался сам собой. Можно сказать и иначе: с Землей все счета покончены, на Земле у меня никого нет, и я, как личность, как специалист, нужен только военному ведомству.

Сейчас мне не хочется вспоминать тот последний предполетный час, — тогда я искренне считал, что больше никогда не вернусь на Землю, — ведь меня ожидала «вахта бессмертия», как об этом трубили газеты, но вспоминать все же придется.

В шесть часов утра громадная «Матка» ушла в небо. Пятьдесят поисково-охранных машин «Черных патрулей», словно патроны в рожке старинного автомата, покоились в необъятном грузовом отсеке «Матки». Все астронавты, погруженные в глубокий сон еще за тридцать минут до старта с Земли, естественно, не принимали никакого участия в предпусковой лихорадке.

«Матка», выйдя на заданную орбиту, стала точно по графику выстреливать «деток» — «Черных патрулей»

в Пространство и только после этого мощным биоимпульсом будила астронавтов. Очухавшись, астронавт брал управление машиной в свои руки и шел в назначенный приказом круг, который становился отныне его миром...

Так было и пять лет назад, когда первая опытная группа «Черных патрулей» распрощалась с Землей. Тогда их было десять, и все они, все десять астролетчиков (тогда они назывались астролетчиками) исчезли без следа. И никто не знал, что с ними стряслось. По инструкции «Матка» раз в год должна была выходить на орбиту для того, чтобы принять капсулу с донесениями, пленками, дневниками «Черного патруля» и отправить с ней назад новые указания и все то, что требует патруль, но до этого дело не дошло. Через неделю после отделения от «Матки» были зарегистрированы непонятные вспышки — десять вспышек, одна за другой, — которые, словно спички в ночи, вздрогнув трепетно, гасли так же неожиданно, как и возникали. Эксперты записали и голоса, предшествующие вспышкам. Голоса эти, безусловно, принадлежали патрулям, но слова разобрать было невозможно, мешали сильнейшие помехи. Кое-кто из военного ведомства немедленно приписал катастрофу пресловутой «руке», но версия «железнодорожных» успехом не пользовалась даже в среде газетчиков, — все знали, что Восток был занят постройкой машин нового класса и уже три месяца не произвел ни одного запуска, а кроме того, методом «нож в спину» Восток никогда не пользовался.

В конце концов причину катастрофы выяснили: когда было решено организовать второй выпуск патрулей, технические данные машин «Черных патрулей» тщательно перепроверили три специальные, работающие независимо друг от друга, комиссии Академии и, конечно же, нашли то, что искали. И выяснилось, что при определенных обстоятельствах (превышение скорости, впрочем, в пределах, предусмотренных инструкцией) реактор патрульной машины срабатывал на взрыв...

Новость просочилась в газеты, но скандал быстро замяли. Военное ведомство не любит оставаться с носом, ведь куда как легче выдумать нелепую «руку» или пришельцев, которые охотятся на героев-астролетчиков, чтобы утащить их в глубины Пространства на

предмет изучения! Ретивый же газетчик, в прошлом, кстати, инженер, был объявлен сначала антипатриотом и ренегатом, а потом и вовсе психопатом, который, дескать, вылетел в свое время со службы в исследовательском бюро за наркоманию, алкоголизм и аморальное поведение.

Впрочем, дискредитация репортера никого не удивила. В нашем распрекрасном мире, дружище, происходили фокусы и почище, так что со временем (а время, можно сказать, и камень точит), когда общественное брожение несколько спало, Академия — читай Военное Ведомство — объявила, что в целях защиты отечества необходимо возродить институт «Черных патрулей». Лучшие астронавты приглашались в Школу на преподавательскую работу, а слушателям Школы наобещали золотые горы...

Конечно, когда человеку и деться некуда, когда в кармане пусто, он готов податься даже в подручные к самому сатане, а Школа гарантировала пожизненные пенсии всем ближайшим родственникам астронавта с момента его старта.

Я сам видел громадную очередь кандидатов на «должность» смертника возле административного здания Школы... Вот так, дружище, обстояли дела.

Академия дала заказ на изготовление машин для «Черных патрулей», но, конечно, уже нового поколения, с более мощным вооружением и реактором, способным вынести тройные нагрузки. На сей раз осечки произойти не могло, и официальный вестник Академии «Хроника» — газета с миллионным тиражом, обыграла это событие как необходимую меру для сохранения нашей священной цивилизации.

Итак, дружище, я, астронавт с «Допуском-два», начальник Школы «Черных патрулей», неожиданно, по стечению многих обстоятельств, а может быть, наоборот, всей предшествующей жизнью своей подготовленный к этой аванюре, оказался ведущим второго выпуска собственной же Школы, причем, заметь, по собственному желанию.

И черт его знает, все так спуталось, все так сплелось, что сейчас, вспоминая прошлое, я не могу понять: действительно ли я хотел уйти или же это было про-

сто то самое отчаянное состояние души, когда «идти некуда?..»

Не знаю, да и какой сейчас смысл поднимать все эти вопросы, тем более, что я вообще не уверен в том... хотя, нет, я скажу тебе: вчера Он приходил опять...

Он, тот самый, ласковый... Когда я вернулся на Землю, Он первый беседовал со мной, и кофе его был чертовски странного вкуса. Не бойся, чего-чего, но мании преследования у меня никогда не было, но вчера Он приходил опять! Я видел его возле своего дома. Он курил, прогуливался неторопливо, а потом, заметив меня в окне, помахал рукой и уехал.

У него отличная машина — «Серебряный песок» — триста миль в час, уж я-то разбираюсь в таких делах. Да, на чем же это я остановился? Ах, черт возьми, хоть и хвастался я, что ум мой ясен, но теперь, правда, изредка, нить рассуждений теряется, хочется пить, кого-то ловить... Стой... о чем это я? Прости, дружище, тут что-то не то, пора принимать очередную пилюлю. Я получил их, кстати, от того, ласкового, который разговаривал со мной...

Ну вот, дружище, вот все и в полном порядке. Черте что может сделать с человеком какая-то паршивая пилюля. Проглотил — и словно кувалдой по мозгам, потом — туман, туман, как во сне, еще кувалда и... покой! Нет, дружище, тот тип молодчина, ну, тот, на «Серебряном песце». Ей-богу, славный Он малый, — страшно подумать, что было бы со мной без его кофе и пилюль, особенно без его оранжевых пилюль... Когда я вернулся домой, на Землю, Он очень внимательно беседовал со мной, не жалея собственного времени, — мы беседовали даже ночами! — и, представь, хоть я и не выполнил того, что обязан был выполнить, хоть я и нарушил присягу, Он вовсе не бранил меня, но наоборот, только успокаивал да подливал кофе. Я не люблю кофе, да и вкус его, признаться, был несколько странен, но потом я вошел во вкус, привык и, знаешь, кофе даже помог мне говорить совершенно свободно, раскованно, легко.

Когда я похвалил кофе и сказал, что прежде не любил его, мой друг улыбнулся и тут же пообещал снабдить меня не только успокаивающими пилюлями, но и этим замечательным напитком в количестве не-

ограниченном, причем настоятельно рекомендовал за-
пивать оранжевые пилюли именно кофе, что, собственно,
но, я и делаю так часто.

Но, погоди, о чем же я хотел еще тебе рассказать?
Ах да, я писал, что астронавт, погруженный еще до
старта с Земли в глубокий сон, пробуждался мощным
биоимпульсом. Ты не знаешь, что это такое, биоим-
пульс. Ведь ничего подобного, кроме нас, «Черных пат-
рулей», никто и никогда в жизни и не испытывал. Но
вообрази, что тебя, сонного, внезапно пронзает неверо-
ятная, ни с чем не сравнимая боль. Первое, что мне
пришло в голову, был знаменитый электрический стул
в «Синг-Синге» и, клянусь тебе, я от души пожалел тех,
кто имел несчастье познакомиться с ним... Теперь, пра-
вда, казнят иначе, теперь просто впрыскивают опре-
деленный состав в вену, но ведь были же некогда бе-
долаги, испытывавшие на своей шкуре дьявольскую силу
в черт его знает сколько тысяч вольт!

Таковым было мое пробуждение в Пространстве
во имя скорой, или же не скорой, — все зависило от
обстоятельств и приказа, — смерти.

Когда я совершенно очухался, «Матки» уже не бы-
ло. Я остался один и, поверь, впервые не почувствовал
радости свободного полета...

Если первый мой космос был космосом-лаборато-
рией, если второй уже тухло смердил порохом, ибо я
стал просто псом, космическим псом-полисменом, то
третий космос представился мне могилой, но могилой
на предьявителя, что ли, могилой в рассрочку. Ведь ос-
новная задача моей «работы» заключалась в том, чтобы
вовремя ДАТЬ ЛУЧ, и заниматься этим я должен
был до тех пор, пока кто-нибудь, более расторопный,
не успеет опередить меня...

По инструкции я обязан был «светить» в тех са-
мых, светловолосых, голубоглазых, если они вздума-
ют войти в мой круг. Да, дружище, распроклятая ин-
струкция приказывала мне разнести в пыль любую,
даже не военную машину с Востока, которую, быть мо-
жет, в этот момент будут пилотировать, — а такая воз-
можность вовсе не исключена, — они, то есть именно
те парни, которые сажали некогда цветы и хлеб на за-
терянной где-то в Пространстве крошечной планетке,
так напоминающей нашу с ними общую Землю.

...Слышу твой голос: «Так какого же черта ты влез в это дело...», — но, погоди, что-то опять не то... кажется, повторяюсь? Проклятая голова, тяжело, тяжело, дружище, если бы ты знал, как мне больно вспоминать все это! Прости меня, но я должен отвлечься: апельсиновая таблетка, кофе и... и все образуется.

Ну вот, теперь порядок. Итак, почему я влез в это гнусное предприятие? Черт бы меня побрал, но ведь я только и делаю, что стараюсь объяснить тебе все по порядку, впрочем, кажется мне, что я запутался, а тут еще и ласковый тип, ну тот, помнишь, который беседовал со мной, когда я возвратился домой. Не знаю почему, но мне постоянно кажется, что Он, словно тень, стоит за спиной, читает каждую строчку, что исправно отщелкивает диктомашина, читает даже мысли, еще не оформившиеся, не осознанные мной, но живущие там, глубоко, в подсознании, и это больно. И вчера Он приезжал, но об этом я писал, кажется, ну да, писал... Я, дружище, видать, тронулся слегка, ведь письмо тебе я пишу уже очень долго, а прежде написать письмо было мне раз плюнуть, хотя вообще я никогда не любил это дело.

...Иногда мне кажется, что я все еще управляю своей машиной и красная кнопка ЛУЧА маячит в самом центре приборной доски, иногда я вижу, как втискиваюсь в грузовую капсулу, которую должен отправить на «Матку», как вместо микрофильмов, дневников наблюдения, всевозможной документации и прочего барахла отправляю на «Матку» самого себя, ибо это и есть тот самый единственный (о риске я не говорю, не говорю и о последствиях) способ сбежать, дезертировать с «Черного патруля», до которого никто, кроме меня, не сумел додуматься, способ, автором которого является никто иной, как Дин Лонг, Длинный Дин, иначе говоря—я с а м!!!

Потом начался кошмар полета в грузовой капсуле. Она не предназначена для нас, людей, но человек многое может вынести, человек выносит даже жизнь...

Не ведаю, сколько времени длилась эта попытка,— сознание все же милосердно оставило меня. Я не почувствовал жестоких перегрузок, не чувствовал ошеломляющего холода, — все было вне меня, вне созна-

ния, и первое, что возникло в глазах моих — белая стена и Он...

Да, я дезертировал, нарушил присягу, контракт, подписанный в Академии, и прекрасно понимал, что ждет меня, но ожидаемое не случилось. Трудно объяснить, почему меня не прикончили еще там, в «Матке», ведь все было ясно и без слов, без дознания, но, видимо, капитан не решился взять на себя роль и судьбы и палача, тем более, что в памяти людей еще не зарубцевалась рана от первого скандала с десяткой «Черных патрулей», сгинувших по вине высоколобых головоотяпов безо всякой пользы в Пространстве. Кроме того, начальство, думаю, хотело еще разобраться в истинных причинах столь внезапной метаморфозы вчерашнего героя, кумира в обыкновенного, всеми презираемого дезертира.

Целых три долгих месяца я был объектом тщательнейшего изучения, и кто только со мной не работал, кто только со мной не возился... Позже, когда шоковое состояние несколько отпустило меня, я, из ночи в ночь, то есть тогда, когда меня ненадолго оставляли в покое, старался разобраться во всем происшедшем.

...Лишь год я прослужил на «Черном патруле» и этот год сломал меня, но иногда я думаю, что год этот и вовсе ни при чем, и что все началось именно тогда, во время второго моего полета, когда на затерянной планетке голубоглазые парни сажали цветы и хлеб, и когда я впервые в жизни нарушил инструкцию, — когда я оставил свой пистолет в машине, вступил с ними в контакт и скрыл все это от Военного Ведомства! И еще одно, дружище, последнее... Я расскажу тебе то, что мог бы рассказать Инге, но ее уже нет, и ты только ко сумеешь понять меня.

Грешен есмь... Грех этот я унесу с собой, и грешен я в том, что Я НЕ ДАЛ ЛУЧ по машине тех, с Востока...

Это случилось за два месяца до встречи с «Маткой». В четыре часа тридцать семь минут локатор кругового обзора засек в моем секторе чужую машину. Это была машина с Востока, быть может, ее вели ТЕ ребята, понимаешь, ТЕ, с которыми я встретился когда-то в космосе, а может быть и нет, но машина была с Востока и Я НЕ ДАЛ ЛУЧ!..

Несколько секунд мы шли почти параллельным курсом, потом чужая машина ушла в сторону. Это была не боевая машина, — что-то, а уж в этом деле я не собаку, а наверное, слона съел, — это был обыкновенный косморазведчик-поисковик, иначе говоря, простой исследователь, летающая лаборатория, и Я НЕ ДАЛ ЛУЧ!

Более того: я засветил, а потом для верности уничтожил все кинофотоматериалы нашего космического randevu.

Тот, ласковый, уже на Земле, никак не мог сообразить, куда подевались пленки, ведь счетчики аппаратов фиксировали их рабочее время, а пленки, которые должны были отразить это время, испарились.

...Теперь я чист и свободен, но лишь одно мучает меня несказанно: почему они все же не убрали меня? Впрочем, все еще впереди и, как я понимаю, они решили сделать хорошую мину при плохой игре, и потом, ведь нельзя же в конце концов взять да и угробить такого человека, как я, — меня слишком хорошо знают люди...

Теперь я живу в очаровательном домике. Я ни в чем не нуждаюсь. У меня есть все, что только душе моей угодно. У меня есть даже оранжевые таблетки и кофе, который сейчас так редок, но нет только одного, а именно уверенности в следующем, быть может, пустяковом вопросе: путаются ли мысли мои до кофе и таблеток или же после них, но, впрочем, какая тут разница, ведь мне уже за сорок! В жизни я повидал кое-что, кое-что сумел сделать, а главное — кое-что НЕ СДЕЛАЛ, — я, когда потребовалось, НЕ ДАЛ ЛУЧ, не дал его тогда, когда был обязан.

...И я ни о чем не жалею, мне только хочется успеть дописать тебе письмо, проститься с тобой, потому что вчера Он приходил опять, хотя нет, Он не приходил, Он приезжал, приезжал на чудесной машине «Серебристый песец», — это триста миль в час, представляешь? — и помахал мне ручкой.

Вот дьявольщина! Опять голова... И руки вроде немеют... Куда же я дел пилюли? Да, а сколько их всего-то было? Вроде бы десять? Ну да, десять, точно, а вот уже одна осталась, последняя... Так, теперь записать нужно... Ничего, мой друг на своем «Белом вол-

ке» живо привезет хоть десять триллионов таких пилюль, он добрый, и машина у него что надо, тысяча миль в час для «Черного гризли» — пустяк, верно?

Да, чуть не забыл, дружище! Сейчас я позвоню Инге, и в прошлую субботу — тебя я, конечно, тоже приглашаю, — мы отправимся на рыбалку. Хочешь? Ка она, идея, ничего, верно? Захватим палатку, там костерок затеем, ты поколдуешь со спиннингом, а я, бывший «Черный патруль», буду так, между делом, сеять цветы на полянке, — они так чудесно пахнут, не то что всевозможные ОВ, вроде «НХ-3000», верно? А Инга, уж я-то знаю ее характер, станет шлепать ладошками по воде и распугает тебе всю рыбу. Знаешь, мы здорово проведем время, а того, ласкового, с машиной, мы не возьмем. Он злой, этот ласковый, да? И кофе его что-то горчить стало заметнее, вот даже совсем горько стало...

А ведь я так и не спросил, что за цветы сажали там, на планетке, очень давно, завтра, кажется, те парни с голубыми глазами... Я тоже хочу сажать такие цветы... А ведь у Инги... глаза тоже... голубые-голубые... совсем голубые... голубые гла...

Воспоминание о студенчестве

Гие, Мерабу, Джими

Полночь прѣбило. Крыши лунною
 Пылью желтою замело.
 Трое нас... и бычок последний.
 А на сердце — светлым-светло.
 О горячках, спесивых девчонках
 Как всегда разговор идет,
 С тайной грустью мы похваляемся
 И надеемся — время ждет.
 Сна божок, еле слышно шаркая,
 Дремой дышит, покойно с ним.
 Мы, сворачиваясь калачиком,
 На железных кроватях спим.
 Как стакан, через силу допитый,
 Ночь уходит в небытиѣ.
 Молодая луна виднеется —
 С ломтем дыни сравню ее...
 Годы мчат нас за дали дальние,
 Мы от прошлого навсегда
 Удаляемся,
 Удаляемся,
 Устремляемся
 в никуда.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

* * *

Лишь одиночество терзало разум мой,
 А с белизной глаза мои ослепли,
 Снег все покроеет нынешней зимой:
 И небо, и чернеющие ветви.

Я вновь мечту восторженно лелею.
Как божий дар, в душе своей ношу.
Мне кажется — Эдема сад белеет,
Где не был я, но коим я дышу.

...Я мечтаю о встрече с тобой
И, как сумерки, нежном свиданье...
А художник рисует с тоской
Ночь в снегу и в снегу — ожиданье...

* * *

Солнце нежданно-негаданно сбегает за горизонт,
Уплывают поблекшие краски поздних цветов...
И уносит река прошлогодней листвы ковер,
Я ж пытаюсь запомнить прошедшего мига узор.

Всю свою жизнь хожу я с этой тоской,
Мост не виден, и брода нет у реки,
За спиной — светлый образ мамы моей,
Чуть таинственный, теплый — и нету милей...

Тихи вздохи деревьев, стоящих у самой реки
На виду у распутника-ветра. И снова
Уносит река прошлогодних цветов узор.
Уплывает последней листвы ковер...

Перевод Нино ГУЛУА

Перевод Валентина САРЫШВИЛИ

Когда гуляет ветер верховой...

Моей щеки твоя, о Муза, прядь
Слегка касалась,
Но даже это можно отобрать,
Как оказалось.

К чему лукавить? Прозябает речь,
И миф изношен,
И бытие из быта не извлечь,
Как меч из ножен —

Когда гуляет ветер верховой
И кроны закипают,
Все чаще мысль, как в чаще волчий вой,
Что скоро закопают,

Что не успел себя ты раздарить,
И никому не нужен,
Что некому с тобою разделить
Твой поздний ужин...

Сентябрь

Схимонахиня Анна, допреже в миру Антонина:
(Впрочем, кажется, принято наоборот) —
Что тебя век назад на закате томило у тына,
Что тянуло в лесок — кто скорее грибы наберет?
Ни промозгло, ни знойно, ни сухо тебе и ни сыро —
Ты сто лет прожила и сто лет, как лежишь под крестом,
А какие ты в звонком девичестве косы носила?
А о чем ты рыдала пред божьим судом и Христом?
Низко кланяюсь тайне твоей, схимонахиня Анна!
Осень, тихая осень сквозит надо мной и окрест...
Солнце, рыжая белка, и сердце стучит неустанно,
И чешуйки от шишек слетают на каменный крест.

Томиться в очереди длинной
И видеть, выдыхая пар,
Как непогода рыжей глиной
Заляпывает плахи шпал.

И взять билет в другую слякоть,
Где те же рельсы и балласт,
Где так же нестерпимо плакать,
Момент истины боясь...

А может быть, необходимо
В окно возврата сдать билет.
И словно мамонтенок Дима,
Навечно вмерзнуть в толщу лет?

Как счастье...

Толкаться в давке дней быстротекущих,
Всю жизнь вгрызаться в тайны ремесла,
И верить, верить: зреет в райских куцах
Плод постижения добра и зла,
Но в некий час, нахохлившись, как птица,
Вперяя взор в оконный переплет,
Внезапно непреложно убедиться:
Совсем не сладок твой запретный плод!
Пью крепкий чай неспешными глотками,
Судачу сам с собой о том, о сем,
А выюга машет белыми платками,
И ход секунд, как счастье, невесом...

Примета

Рябина, вездесущая рябинка,
Да тихий свет, да память о былом,
Да в дальний лес бегущая тропинка
С летучей паутиной и пером...
Рябины нынче уродилось — пропасть!
Чтоб милости господней не пропасть,
Пернатые спешат, отринув робость,
К прохладной горькой прелести припасть

Седая от росы трава примята,
В нее ныряли птицы тут и там...
Велит рябина — верная примета —
Готовить душу к лютым холодам!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСТВО»

Божья коровка

«Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси мне хлеба,
Черного и белого,
Только не горелого...»
Из-под надкрыльев гладких, крытых лаком —
В горошек черный на морковном поле —
Благоволила выпростать слюду,
Потом взлетела, и глазам был лаком
Ее полет, сияющий до боли,
Пока не слилась с небом налету...
Быть может, просьбу посчитали дерзкой,
Иль кухня в небе кашу не варила,
Когда я чуда ждал, разинув рот,
Но вместо хлеба в той считалке детской
Мне камень черный небо отвалило,
Немного перепутав счет щедрот,
В метеоритный след вписалось время,
Мне повелев: «Живи, стишки корябай,
И, детство вспоминая, плачь навзрыд!»
И я влачу житейских будней бремя,
Мой черный камень наречен Каабой
И за семью печатями сокрыт.
Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси мне хлеба...

Программа

Что у тебя за душой? Ни гроша!
Что на душе? Ну, конечно, стихи!
Как надо жить? Не греша, не греша!
Как умирать? Искушая грехи!

Григол ОРБЕЛИАНИ

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ТИФЛИСА В ПЕТЕРБУРГ

2 октября. Прибыл в город Подольск (16 верст), очень маленький и невзрачный. Здесь, дожидаясь отставшую в Серпухове команду, я вечером случайно повстречал Шеншина и Мурзаханова.

3 октября. Сенатор Мечников принял меня с большой любовью. Поскольку была получена весть, что команде не дают повозок, то по просьбе майора пришлось мне возвращаться назад. Дорога была ужасно разбитой и грязной, а день дождливый. И только в полночь прибыл я в Лопасню, где как раз и находилась команда.

4 октября. Рано поутру выехали из деревни. Проехали 5 верст. Пошел снег с ветром, засыпая лицо. Началась пурга, да такая, что за весь день не смогли проехать более 5 верст. Лошади стали, а солдаты чуть не замерзли. Переночевали в деревне князя Трубецкого, расположенной справа от большой дороги.

5 октября. Хотя дул ветер, но не столь сильно, как накануне. И снег перестал идти. На санях прибыли в Подольск. Здесь не было готовых экипажей, и поэтому пришлось сильно повздорить с исправником.

6 октября. Ночью приехали в деревню Даниловка, что

Окончание. Начало в № 11.

недалеко от Москвы, где стоял майор с прибывшей до того командой (30 верст). Вся дорога до Тулы была отвратительной. А какая грязь!

8 октября. Вызвал дрожки, чтобы рано утром отправиться в Москву и найти какого-нибудь купца из Грузии, знающего о местожительстве царевичей. Иначе, если тебе неизвестен точный адрес или улица, никогда не отыщешь того, кого ищешь. Город очень велик. По пути встретил нашего офицера, ранее меня прибывшего и искавшего армянских купцов. Он и повел меня впервые в Кремль, потом на базар. Там указали нам улицу, где жили купцы-армяне, но дома их мы не застали. Вечером отправился я в Большой театр. Войдя — оторопел, не сообразил сразу, с чего начать осмотр: с огромного здания или богатой обстановки. Там собралось множество народа. Все шесть ярусов и кресла партера были заполнены. Ведущие актеры его императорского величества представляли «Свободные судьи, или варварские времена». Затем давали водевиль «Первая любовь», где прекрасно пела актриса. И в конце показали балет «Нина, или сумасшедший от любви». Невозможно описать театр — его надо увидеть. Здесь я встретил царевича Окропира, обрадовавшегося мне и пригласившего к себе.

10 октября. Отправился навестить царевича Окропира, но не застал его дома. Оттуда пошел к Георгию Авалову, который очень обрадовался моему нежданному приходу, а также появлению Давида Чавчавадзе. Княгиня Елизавета Дмитриевна оставила отобедать. У них познакомился с князьями Цициановым и Давидовым. Хотя меня очень упрашивали остаться на ужин, я отказался, пообещав придти завтра.

В Москве насчитывается 1600 церквей.

11 октября. Я пошел в Донской монастырь, чтобы повидаться с моим крестным отцом, архимандритом Атаназде, но так как он в тот день служил, встретиться с ним не удалось. Эти два дня стояли холода. Был на обеде у кн. Авалова, после чего посетил и царевича Окропира. И только после этого засвидетельствовал свое почтение болеющей царице Мариам. Тут я познакомился с царевичем Ираклием, который пригласил меня в театр. Народа было меньше, чем прошлый раз. Представляли «Жизнь картежника». Великолепно играли актеры, особенно Мочалов.

После театра пошли к Авалову ужинать, где кн. Давидов сообщил о неожиданном приезде государя. Поэтому я не остался ночевать, а вернулся к Серпуховской заставе, где помещался с командой.

12 октября. Направился в комиссионерство, чтобы получить прогонные. Мы надеялись, что государь изъявит желание сделать нам смотр, поэтому и провели целый день в приготовлениях. Кремль заполнился народом, как только люди узрели флаг над дворцом — знак пребывания там государя. Он пожаловал на развод в Манеж, оттуда в Успенский собор...

13 октября. Команда отбыла через Тверскую заставу. Я же остался в комиссионерстве для исполнения разных дел. Повидался с крестным Атаназе, очень обрадовавшимся мне. Он расспросил о Грузии, о своих знакомых и благословил меня святой иконой Богоматери. Бедный, он, оказывается, оглох. Ближе к вечеру посетил я царевича Окропира и остался отобедать. После обеда подали нам по полгрозди винограда. Уже стемнело, когда я покинул дом царевича и отправился за командой. Но я не добрался до нее, так как повалил снег и началась пурга. Пришлось переночевать у Авалова. Долго говорили о царе Ираклии, о судьбе Грузии, о грузинском стихотворстве, образцы которого он имел — во множестве сочинения Димитрия Багратиони.

Хотя все еще валил снег, я попрощался с гостеприимным хозяином. Он благословил меня на дорогу и просил, чтобы по возвращении я его навестил.

МОСКВА

Колокольня, называемая Иоанном Великим, принадлежит всем соборам Кремля и имеет высоту — до креста — более 46 сажений. Выстроил ее Борис Годунов в свое царствование, когда по всей России был голод и люди из всех городов и сел шли в Москву в поисках работы и пропитания. Заботясь о том, чтобы устранить беспорядки, которые в голод так легко возникают, придумал он постройку многих зданий на Москве, а среди них и колокольни, прозванной затем Иоанном Великим. В старину же на этом месте стояла выстроенная Иоанном Даниловичем Калитой небольшая церковь Иоанна Крестителя Лествичника. Она сильно обветшала и потому по приказу Годунова ее сначала разобрали, а затем вновь сложили. Потому-то колокольня построенная в 1600 году, получила имя Иоанна Великого. Лжедмитрий, взшедший на московский престол, хотел переделать ее в католическую церковь. В этой колокольне между нижним и вторым этажами — лестница в 409 ступеней. На колокольне 33 колокола, среди которых величайший — Успенский, называемый Праздничным. Весит он

4000 пудов. Все остальные, хоть тоже велики, в сравнении с главным колоколом — меньше. Тут же висит и Новгородский колокол в 420 пудов весом. Если не ошибаюсь, он и есть ве-
чевой, по голосу которого собирались новгородцы за городом в пору республики для решения важных республиканских дел. Этот колокол новгородцы провозжали (в Москву — переводчи-
ки) с плачем великим, ибо голос его в течение нескольких ве-
ков олицетворял свободу, дарованную городу Великим князем Ярославом. Пока колокол висел в Новгороде, там не исчезал дух бунтарства и неповиновения. При Иване IV, завоевавшем город, колокол перевезли в Москву и повесили на колокольне.

Кроме того, есть еще огромный колокол, именуемый царь-колоколом, весом в 12000 пудов, зарытый в землю так, что его почти не видно. Одни говорят, что это он при падении с высоты силой тяжести врылся в землю, другие же утверждают, что колокол отливали здесь же, в яме, и его здесь оставили, ибо отлит он с изъяном. Кто захочет увидеть колокол, может спуститься по лестнице и окажется как бы в большом зале. Колокол сей имеет в высоту 19 футов и 3 дюйма, диаметром 60 футов и 9 дюймов, толщина стенок доходит до 2 футов.

УСПЕНСКИЙ СОБОР

История так сообщает о пророчестве митрополита московского Петра великому князю Ивану Даниловичу Калите: «Ежели ты, князь, — сказал Петр, — ныне, в пору старости моей, воздвигнешь здесь собор Богоматери, то станешь первейшим среди всех князей, и отпрыски твои возвеличатся. Святые изберут собор местом своего пребывания и низвергнут врагов наших». Великий князь послушался старца. В 1326 г. начали воздвигать собор. Закончили постройку в 1327 г. Освятил его епископ Прохор Ростовский, поскольку митрополит Петр представился до окончания строительства.

Такова первопричина расширения и застройки Москвы, города в то время еще молодого и небольшого. В старину влияние митрополита на народ было столь велико, что как только митрополитство из Владимира было перенесено в Москву, то следом туда же потянулось и дворянство, и простой люд. Все хотели быть там, где пребывали великий князь и митрополит. После этого Москва и стала расти вширь. Минуло время, и собор этот так обветшал, что по просьбе митрополита Филиппа великий князь Иван Васильевич приказал выстроить нынешний собор вернувшемуся из Италии Амуролу Аристо-

телю Болонскому, и в 1479 г. собор был воздвигнут и освящен митрополитом Геронтием. Прежде чем войти в собор для осмотра, вернемся к истории. Россия сбросила иго татар, более двух столетий разорявших и властвовавших над ней. Спустя несколько лет после освобождения Руси на нее обрушились новые беды — страну тревожили смуты, лжецаревичи посеяли распри, и кровь народная пролилась рекой жертвенной. Но не прочен был под ними престол московский. Нашли к нему дорогу и честолюбивые придворные, воссели на него как цари, смущая народ и тоже проливая его кровь. Однако и они не были удачливы. Явились поляки и захватили Москву. В таком тяжелом положении пребывала Русь, когда депутатами, собравшимися в Москве, после трехдневного поста, в Успенском соборе царем был избран 17-летний Михаил (первый из нынешней царской фамилии — примечание автора), проживавший со своей матерью в Ипатьевском монастыре. Молодой царь, направлявшийся на коронацию и миропомазание в Успенский собор, с плачем остановился у дверей собора, не осмеливаясь войти. А собравшиеся, целуя подол его платья, молили принять столь трудные обязанности пастыря народного...

Вошедший в собор тут же проникается чувством благоговения. Суровое великолепие здания, почтенная древность его, слабое освещение, проникающее сквозь окна, — все это невольно вызывает чувство преклонения перед собором, в стенах которого более 300 лет русских царей венчали на царство короной (шапкой — переводчики) Владимира Мономаха.

Во время коронации императора Александра митрополит Платон обратился к нему со словами: «Корона на главе твоей, государь, есть слава наша, а подвиг твой — это посох мира нашего. Твое бдение державы — безопасность наша. Порфира — это ограждение наше, а облачение и всякая царская утварь — надежда наша». В 1440 г. митрополит Исидор вздумал ввести на Руси католичество и приказал дьякону прочитать здесь устав VIII флорентийского Собора и провозгласить имя папы Евгения во время литургии.

Народ опешил от такого дерзкого поступка и не знал, что делать. Все молчали, только один великий князь Василий Васильевич твердостью и волей своей сумел остановить вероотступника и лишил его митрополитства.

Тут митрополит Филипп не дал своего благословения Ивану Грозному, высказав ему в лицо перед собравшимися свое порицание за жестокости, и потому-то он стал жертвой гнева царского. Причисленный к лику святых Филипп был по при-

казу Грозного убит Скуратовым, в Твери в Отроческом монастыре.

В соборе этом всегда совершается помазание царей митрополитами и венчание их на царство. Сюда приходили князья и цари для свершения Параклиса, когда бывала Русь в опасности, или же предстояло отправляться в поход на врага.

Когда в 1812 году Наполеон выехал из Москвы, двери собора оказались забитыми наглухо. Говорят, в нем были явлены чудеса. И потому французы, забив входы, превратили собор в магазин (арсенал—переводчики). В иконостасе по-старинному размещены в пять рядов иконы друг над другом. Живопись древняя, хотя и поновленная во многих местах.

Несмотря на то, что французы почти полностью разорили собор, он и сейчас располагает богатым убранством: серебро, золото, жемчуг, драгоценные камни украшают иконостас. Посреди собора паникадило из серебра в 20 пудов весом, заменившее висевшее ранее, весом в 60 пудов, и увезенное французами.

Главная икона здесь — икона святой Богоматери Владимирской, и висит она слева от царских врат. Она невелика размером, но в очень дорогом окладе, оцененном в 200000 рублей. Одной только бирюзы на ней на 80000 рублей. Образ сей, по преданию, был написан апостолом Лукой и перевезен из Константинополя в Киев, а оттуда в 1160 году князь Андрей Боголюбский перевез его во Владимир. В 1395 году икону привезли в Москву, когда страшный Тимур-ленг огнем и мечом прошел по Руси.

Справа от царских врат находится икона Спасителя, которую греческий царь Эммануил прислал Новгороду в дар. И эта, и все другие иконы богато украшены. Примечательна также икона Богоматери Иерусалимской, написанная святыми апостолами через 15 лет по вознесении Христа, в Гефсимании. Оттуда ее привезли в Константинополь, а затем великий князь Владимир, приняв крещение, привез через Корсунь среди других икон и эту и оставил в Новгородском Софийском соборе. После разгрома же Новгорода Иваном Грозным икону перевезли в Москву.

У первых колонн—три места для императора или царя, патриарха и царской семьи. В серебряном ковчежке лежит риза Господа нашего, которую привезли из Персии послы Русатбек и Мурад-бек царю Михаилу Федоровичу. В таком же серебряном ковчежке находится часть ризы Богоматери. В золотом четырехугольном старинной работы ковчежке лежит

твоздь Иисуса Христа, преподнесенный царем Грузии Арчилом. Также много и других святых мощей в соборе.

Ризница, где хранится множество драгоценностей и церковной утвари, достопримечательна тем, что в 1547 году разгневанный народ умертвил здесь дядю Ивана Грозного Юрия. Здесь среди прочих Евангелий находится и Евангелие, принесенное в дар Екатериной II и оцениваемое в 200 000 рублей. Здесь же великое множество украшенных драгоценными камнями крестов, сосудов разных — и из золота, и из слоновой кости, а также другой разной церковной утвари, поднесенных в дар разными царями.

Собор святого Михаила-архангела снаружи весьма походит на Успенский и тем примечателен, что в нем захоронены многие великие князья и цари. Вот — могила Ивана Калиты, первого, кто переехал из Владимира в Москву и превратил ее в стольный град. Неподалеку от него могила Семена Горделивого. Через две могилы похоронен Дмитрий Иванович Донской, разгромивший хана Золотой орды (татар—примечание автора), Мамай на Куликовском поле. С южной стороны у иконостаса похоронен Иван III Великий, которого именовали первым русским царем. Он освободил Русь от татарского владычества.

Вот могила несчастного царя Василия Шуйского у Западной стены. Он свергнул Лжедмитрия и сам занял его престол, но поляки, захватившие Москву, взяли его в плен. Умер он в Варшаве и был похоронен в поле в 1612 году. Вместо могильного камня стоял на том месте крест, на котором было написано: «Здесь лежит царь московский». Позже царь Михаил Федорович перевез прах Шуйского в собор. Сам Михаил Федорович похоронен здесь же.

Вблизи от могилы Михаила Федоровича покоится царь Алексей Михайлович. А подальше можно увидеть могилу Александра Сафаргиреевича, сына царя казанского. Тут же место упокоения царя Иоанна Алексеевича, по своей воле уступившего трон младшему своему брату Петру I. Рядом с ним могила царя Феодора Алексеевича. Здесь же в соборе похоронен Петр II, именовавшийся «Сладкой надеждой».

У южной стены похоронен Грозный царь Иван Васильевич, доведший до изнеможения (если можно так выразиться) Россию своей жестокостью. Перед смертью он принял схиму и умер монахом, но искупление грехов его было запоздалым. Здесь же покоятся его сыновья Иоанн и Феодор. Первый пал жертвой отцовской ярости; второй же, мягкосердечный, женившийся на Ирине Федоровне, открыл путь к трону Борису Го-

дунову, взошедшему на русский престол, умертвившему затем его брата Дмитрия в Угличе. Борис Годунов похоронен тут же. У вторых колонн могила Михаила, князя Черниговского, в музее нах умерщвленного в Орде татарами.

В ризнице собора среди других драгоценностей сохраняются два креста — серебряный и золотой. Первый подарен царем Иваном Грозным и украшен большим жемчугом, изумрудом, крупной лазурью и двумя рубинами. Второй крест, золотой, подарен царем Феодором Алексеевичем и украшен алмазами. Кроме алмазов, он выложен бирюзой, сапфирами и 201 жемчужным зерном.

Со времен Феодора Иоановича в России появился такой обычай. Если кому-то надо было обратиться с просьбой к государю, то прошение на его имя оставляли в соборе на могиле одного из царей и оно лежало на том месте в неприкосновенности до тех пор, пока сам государь не брал его для рассмотрения. После того, как русский престол был перенесен в Петербург, обычай этот забылся.

Здесь находится и Чудов монастырь, где похоронен последний царь казанский — Симеон. В этом монастыре был схвачен и взят под стражу великим князем Василием Васильевичем митрополит Исидор, который собирался обратить Россию в католичество. Исидор бежал из монастыря и умер в Риме в 1413 году. Тут же принявший монашество Гришка Отрепьев задумал смелый план овладения московским престолом, который он и осуществил с удивительным успехом, именуя себя царевичем Дмитрием.

В монастыре стоял архиерейский дом, на месте которого впоследствии выстроили другое здание. Здесь родился наследник Александр Николаевич. Тут — Красное крыльцо, которое слева примыкает к балкону императорского дворца, а справа — к Грановитой палате. На это крыльцо выходят цари, чтобы показаться народу. Здесь же собирались вельможи и дворяне, готовясь представиться государю. Сюда навстречу послам из разных стран выходили царедворцы.

Перед дворцом на площади цари угощали свой народ. На коронации Екатерины II площадь эта была полна яств, а вина били из фонтанов. Облаченные в порфиру, с коронами на головах, цари принимали от собравшихся поздравления. На Красное крыльцо взбунтовавшиеся стрельцы вытащили государева друга боярина Матвеева и убили его. И других многих дел, славных и бесславных, были свидетелями и крыльцо это, и площадь перед ним.

Посредине Грановитой палаты воздвигнута четырехугольная колонна, украшенная старинной греческой росписью — золотом изображены разные птицы, звери, цветы. Слева от двери находится место для музыкантов — три скамьи амфитеатром. В углу справа под богатым бархатным балдахинном с золотым шитьем стоит трон государев, к которому ведут четыре ступеньки. Вся палата обита темномалиновым бархатом. Между окнами размещены прекрасно изображенные бронзовые гербы, обильно позолоченные. У потолка напротив трона — маленькая форточка, скрытая бархатом, которую называют тайник. Говорят, будто это было устроено специально, чтобы перед венчанием и свадьбой цари или царевичи могли увидеть своих невест при одевании к венцу и, в зависимости от того, понравится или нет девушка, могли или отказаться, или дать согласие на бракосочетание.

Находясь долгое время под игом татар, Русь приняла их обычай: женщины избегали мужчин и сидели в затворничестве в своих покоях. Вот почему говорили также, что тот тайник был сделан для того, чтобы отсюда, скрытые от чужих глаз, супруги и дочери царские смотрели на церемонии приема послов или праздничных собраний. Надо полагать, что тайник был рассчитан и на тот, и на другой случай.

На помосте здесь стоит кресло, где раньше с 1682 по 1706 год находился объединенный трон для двух братьев — Иоанна и Петра, пока первый не предоставил второму право на царствование, так как был немощен и слаб умом. Палата Грановитая была выстроена в 1443 году. В ней Иван Грозный отпраздновал победу и взятие Казани, устроив пир для военачальников, послов и вельмож. Три дня продолжались пир и веселье, на котором только на подарки было истрачено 4000 пудов серебром. Еще более богатое пиршество устроил Борис Годунов по случаю приема царевича Иоанна, сына датского короля Фридерикса II. Все государи после коронавания, входя через Красное крыльцо в палату эту, садились на свое место и принимали поздравления дворян, горожан и крестьян.

Императорский дворец четырехэтажный. Примыкает он к Грановитой палате. Построен он был во времена Елизаветы. Здесь же находится императорский кабинет. Бюро, столы и вся мебель свидетельствуют о том, что здесь трудится государь во имя мощи и славы своей державы. Здесь же и спальня государева. В ней не увидать ни восточной неги, ни предметов, услаждающих нежные чувства — все скромно и являет воочию, что государь после трудов своих удаляется для

отдохновения, а не для лени праздной, как то бывает у владык азиатских. В Кремле четыре площади.

КИТАЙГОРОДСКАЯ ЧАСТЬ

Красная площадь означает — красивая. Если выйти из Кремля через Никольские ворота, перед вами предстанет Красная площадь, знаменитая тем, что была свидетельницей многих дел и событий. На этой площади стояли враги Москвы — Ольгерд, князь Литовский, Эдигей Казанский, крымский хан Махмад Гирей и сам Тохтамыш, хан золотоордынский, захватывавшие и разорявшие Кремль. Когда гнев Божий обрушился на Русь, охваченную враждой и междоусобицами, а Василий Темный был пленен, напали казанские татары. Все придворные и власть имущие бежали из города, оставив его на произвол судьбы. Народ, дошедший до отчаяния, собрался на этой площади и избрал себе предводителей для борьбы с врагом. Сюда вышел юный еще царь Иоанн и перед собравшимся народом, признав свои ошибки, просил у депутатов прощения. А потом он же, став Грозным, облил эту площадь безвинной кровью многих россиян.

Здесь было установлено 18 виселиц, кипели котлы, пылали костры для мук мужей московских. Еще на не просохшей от крови земле было разложено множество орудий пыток. Площадь была пуста, и только стоны пытаемых палачами оглашали ее.

Здесь, по приказу Грозного, 25 июля 1580 г. двести новгородцев были страшно замучены.

На этой площади три дня валялись трупы убитых Лжедмитрия и Басманова. И много подобных ужасных дел свершилось здесь.

Наконец, во времена Алексея Михайловича на Красной площади вершились семейственные судилища, т. е. виновного в первый раз отдавали семье, объявляя обо всех его грехах и провинностях. Давалось время, чтобы провинившийся своей добродетельной жизнью смог оправдать себя. Если он в этом случае не исправлялся, то призывали его еще раз на площадь, где во всеулышание объявляли о пороках виновного и еще раз давали время для исправления и возвращения к добродетельной жизни. А если и после этого ничего не менялось, то старейшины судейские объявляли перед народом его преступником и приговаривали к должному наказанию.

20 февраля 1818 г. в середине Красной площади воздвиг-

нут из бронзы памятник нижегородскому мещанину Козьме Минину и князю Пожарскому, стоящий на чугунном пьедестале. Правая рука Минина указывает на Кремль, а левой он подает болящему и сидящему на ложе Пожарскому меч. Тот одной рукой берет его у Минина, а другой достает из-за головы щит с изображением Спасителя. Памятник, по замыслу Мартоса, великолепно отлит Екимовым. Спереди, у ног изваяния, написано золотыми буквами: «Мещанину Минину и князю Пожарскому от благодарной России 1818 г.»

В конце площади, напротив Спасских ворот, есть место, называемое Лобным.

Раньше из Успенского собора духовенство в парадных одеждах направлялось в Покровский собор, и царь вел тогда под уздцы коня за неимением осла, на котором восседал Патриарх. Обычай сей был отменен в 1678 г.¹

В греческом Николаевском монастыре похоронена супруга грузинского царя Кайхосро, полководцы Фарад Папуашвили и Отар Чолокашвили.

* * *

В этот день (14 октября 1831 г.) проехали 50 верст и прибыли в деревню Солнечная гора, где собралось много карет. Вдруг вдали показалось еще несколько карет: «Дорогу! Дорогу! — закричали, — императрица пожаловала».

Со страху мой кучер едва не перевернул меня с повозкой в канаву. Государыня сменила лошадей, не выходя из кареты, окруженной народом, собравшимся посмотреть на императрицу. Затем она проследовала далее, в Москву.

15 октября. Выехали из г. Клин — 21 верста, похожего местами на обычную деревню. Прибыли в Завидово — 24 версты.

16 октября. Приехали в деревню Городня — 26 верст, на реке Волге, и т. к. экипажи не были приготовлены, заночевали

¹ Речь идет о «духовно-надзирательном» зрелище или действе, дополнявшем богослужение, так называемом Шествии на осляти (по случаю посажения на престол нового архиерея) или же действе в неделю страшного суда свершалось в вербное воскресенье в память о въезде Иисуса Христа в Иерусалим). Цель шествия — внушить представление о важности и высоте архипастырского служения и зависимости царского достоинства от иерарха.

там же. Деревня та принадлежит царской фамилии. От Москвы начинается дивно выстроенная новая прямая дорога — или же шоссе — покрытая крупнодробленным камнем вперемешку с песком, чтобы не образовывалась грязь в плохую погоду. В некоторых местах высокие холмы прорыты насквозь, в других — засыпаны глубокие овраги для того, чтобы дорога оставалась прямой. Мосты на ней с чугунными перилами с изображениями орлов. По дороге с обеих сторон стоят верстовые столбы, каждый в сажень, хорошо обструганные и крашенные в синий цвет. Дорога эта обходится государю во много миллионов. На каждой седьмой версте у дороги стоят казармы, где живут солдаты и смотрители дорожные, которые, заметив малейшее повреждение, тут же устраняют его. С обеих сторон дороги проложены канавы. Шоссе идет до самого Петербурга.

17 октября. Прибыли в Тверь — 30 верст, на реке Волге. По пути проезжали множество разных деревень. От Москвы до Петербурга уже ездят в дилижансах. Дилижанс — это карета на восемь мест. Четверо сидят внутри кареты, и каждый платит по 100 рублей. Двое спереди и двое сзади сидят снаружи и, как помнится, платят по 75 рублей. Дилижанс до Петербурга следует три дня и три ночи.

18 октября. Из Твери выехав, пересекли Волгу по наплавному мосту. Город Тверь стоит прямо на берегу Волги, и здесь в нее впадает река Тверца. На слиянии этих рек плавают огромные баркасы. А город торгует почти со всей Россией — от Волги до Каспийского моря и от Тверцы до Петербурга. Сама Тверь, хотя и не сравнится с Москвой, имеет, однако, немало красивых построек. Тут же государев дворец.

В тот день приехали мы в деревню Медную — 30 верст. В Твери прерывается шоссе. Здесь еще пока не смогли соединить с Петербургом идущую от Москвы дорогу. Поэтому весь день ехали с трудом то по песчаному, то по мощенному булыжником пути, что очень утомляет человека.

Новая дорога или шоссе еще только намечена колышками.

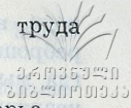
В этой деревне я увидел овец почти без хвостов. Вечером ко мне пришел майор Коротков. Поговорили о Ермолове, Паскевиче, о польских событиях и, наконец, беседа наша перешла на смешное — напоенном медведе и еврее. Мне нездоровилось, потому долгий разговор с майором весьма утомил меня, и я был рад, когда он откланялся, сказав: «Спокойной ночи».

19 октября. Сегодня утром нам встретился генерал Клейнмихель, направлявшийся в Москву. В одной деревне мы переехали по мосту через Тверцу и въехали в город Торжок, хотя и небольшой весьма, но славящийся своими туфлями. Тут встретил я Ивана Корганова с его женой, направлявшихся в Петербург. Дорога до Торжка плохая — вязкая и песчаная. Здесь женщины носят кокошники с высокими рогами. Выехав отсюда уже в сумерки, прибыли в деревню Будово — 24 версты. Встретила нас ласковая, на редкость говорливая хозяйка. Московская и Тверская губернии лесистые (сосновые леса), но без садов. Многие деревни здесь жмутся друг к другу. Поэтому пахотных земель и покосов здесь немного.

20 октября. Проехали 14 верст и прибыли в деревню Видропусскую, где сменили повозки. Пересекли Тверцу и, еще раз переехав по мосту через нее, достигли деревни Николаево. Вечером же уже были в городе Вышний Волочек — 33 версты. Дорога местами мощенная камнем, а местами настлана досками, но и то, и другое очень уж утомительно для едущих по такому пути. Однако в непогоду грязи меньше. Вблизи от города находится исток реки Тверцы. У въезда в Вышний Волочек стоит маленькая деревянная церковь, где, говорят, людям явилась икона Казанской Божьей матери. И сколько раз ее не переносили в Собор, столько же раз она возвращалась на то место, где была найдена. На месте чуда построили ту церковь, куда и поместили икону.

21 октября. Вблизи от этого города находится удивительное сооружение для хранения воды, заполняемое рекой Цной. А когда нужно, ту воду спускают, и по ней большие баркасы с грузом отправляются в Петербург по реке Мсте, или по Тверце в Тверь и дальше, в другие нижние губернии. В этом же городе, перекрыв реку Мсту, искусственно поднимают уровень воды, чтобы облегчить по ней движение судов. Прекрасно устроенные шлюзы, движимые машинами, перекрыли здесь всю реку. Отсюда же начинается новая, прямая дорога-шоссе, но лишь до деревни Хотилово — 30 верст, где и ныне продолжают дорожные работы. Уж очень сложно строить здесь путь. Пришлось сделать земляную насыпь посреди озера и провести дорогу по ней. Да и болот вокруг много. От Хотилово до Едрова — 32 версты. Дорога здесь прекрасная. У нее воздвигнуто два пирамидальных обелиска из камня, на которых изображен стол, увенчанный короной — герб Новгородской губернии. Удиви-

тельные работы произведены на этой дороге. Много труда вложено в нее, а сколько миллионов рублей?!

22 октября. Прибыли и сменили повозки в Зимнегоре — 20 верст, которое расположено вблизи Валдая, известного своими колоколами и колокольчиками. Тут же находится озеро, посредине которого красивый остров, покрытый лесом, где стоит богато выстроенный монастырь. Там был праздник. По дороге множество народа направлялось к монастырю. Много небольших лодок сновало вокруг острова, являя живописную картину глазам. В третьем часу добрались до Ижилбица — 20 верст. Стоял теплый погожий день, но без солнца, которого я давно не видел. Вечно нахмуренное и пасмурное небо вызывало во мне ипохондрию.

23 октября. Прибыли и сменили повозки в деревне Ряхино — 26 верст. Отсюда до города Крестцы — 19 верст, где всего четыре или пять домов построены добротнo и красиво, а остальные похожи на простые деревенские избы.

По дороге всюду крепкие мосты с чугунными перилами.

24 октября. Приблизились к окрестностям Новгорода и въехали в село Зайцево — 28 верст, где подобно величественному дворцу, стоит двухэтажная гостиница для постоя приезжающих. Я вошел в нее с майором Коротковым, чтобы пообедать. У дверей нас приветила чисто одетая женщина и провела в красиво обставленную комнату. Принесла на опрятно накрытый стол еду, состоящую из двух разных блюд, каждое из которых стоит по 20 копеек. Такие дома возведены казной на каждой станции от Москвы до Петербурга. В этих гостиницах путешественник за деньги может найти все необходимое.

Отсюда ехали до деревни Бронница — 26 верст. От Москвы до Петербурга на всем пути люди живут зажиточно, в хороших домах. Двух-, а иногда и трехэтажные, добротные деревянные строения имеют застекленные окна. Но живущим в этих домах людям совсем не знакомо чувство гостеприимства. Без платы водой даже не напоят путешественника. Более того, все они заносчивы и невежды. За то, что вздуют один самовар, требуют 10 копеек, столько же за полстакана молока.

Вечером выехали из этой деревни на мост через близ протекающую Мсту. Отсюда большим каналом ведут воду до реки Волхов, по которой плавают большие баркасы. Но строительство пока не закончено. Как только приблизились к Новго-

роду, выехали к реке Малый Волхов, через который тоже переброшен крепкий мост с чугунными перилами. Стемнело, когда мы въехали в город и потому не успели попроситься на квартиру. Пришлось остановиться в итальянском трактире. Думы долго не давали мне заснуть. В мыслях представил я республиканское прошлое Новгорода, его богатство, торговлю бойкую; ратный дух и независимый нрав его граждан; вечевой колокол, по зову которого собирались они решать свои дела. А после — печальное падение Новгорода и жалкая участь данника Иоанна Грозного.

Пока город был республикой, он процветал посредством торговли, славился богатством, доблестью своих жителей, их просвещенностью, в сравнении с другими русскими. Новгороду даже удалось избежать татарского ига. А ныне не осталось и тени былого величия. Железная рука сжала все и уничтожила былую славу города.

25 октября. Утром привели ко мне цирюльника, молодого человека в весьма кокетливом фраке и благоухающего духами. Он с большими комплиментами побрил и постриг меня. Как сказывал, только что прибыл из Петербурга и взял у меня за услуги 20 копеек.

ОПИСАНИЕ НОВГОРОДА

Отправился на службу в старинный Софийский собор², который стоит в древней крепости, что за рекой Большой Волхов, через который перекинут великолепный одиннадцатипролетный мост. На всем протяжении его тянутся чугунные перила, спускающиеся затем по лестницам к каменным береговым оградам. На мосту расставлены также чугунные столбы с фонарями, украшенные позолотой. Их с каждой стороны моста по одиннадцати.

Множество больших баркасов были причалены к берегам,

² Софийский собор выстроен в 1045 г. праведником князем Владимиром Ярославичем. Здесь похоронены князь Федор — брат Александра Невского, мать Владимира, княгиня Анна и князь Мстислав. Софийская икона привезена из Иерусалима. На Волховском мосту находится чудотворный крест. (Сноска автора).

вокруг них сновали во все стороны небольшие лодки. Мост³ этот своим видом радует глаз.

Вошел я в собор старинной архитектуры. Внутри множество сводов, поддерживаемых колоннами, расположенными столь близко, что между двумя колоннами и трем людям не поместиться. Потому в соборе темновато. Некогда именно здесь, на соборной колокольне, висел вечевой колокол. Я поклонился мощам Владимира и Анны и послушал службу во второй церкви, где прекрасно пели певчие.

Крепость для тех времен должна была быть неприступной, так как с одной стороны ее омывала река Волхов, а с другой ее ограждал глубокий ров, который и сейчас еще хорошо виден.

Мост тот прекрасный сооружен в царствование нынешнего государя в 1830 г., под наблюдением герцога Вюртембергского.

Сегодня в восьмом часу пополудни пожаловал наследник Александр Николаевич. Во всех церквях звонили в колокола. В соборе же он отслужил параклис и отправился в Москву. Народ провожал его криками: «Ура! Ура!».

Сели всей командой — 300 человек — на пароход. Это большое судно, в середине которого два чугунных котла и разные другие машины. Снаружи по бокам два больших колеса, которые паром, идущим от котлов, вертятся в воде и движут весьма быстро все это сооружение. По обе стороны от машины есть помещения очень красивые и уютные, где расположились мы, офицеры. С одной стороны была маленькая зала со скамьями и узенькими кроватями. Из нее вход во вторую маленькую комнату, а оттуда в следующую — спальню, где стоял красивый диван, маленький круглый стол и стулья. Комнаты эти все с окнами, смотрящими на воду. С другой стороны судна были такие же комнаты. Посередине парохода из котлов поднималась высокая чугунная труба, из которой с хрипом вырывается дым.

Солдаты сидели на верхней палубе. В три часа пополудни запустили машину и отплыли с песней. Такое путешествие было для меня новым и весьма приятным. Хотя было холодно, я долго стоял на палубе и смотрел на проходящие мимо бере-

³ Во время взятия Новгорода царем Иоанном тот приказал своим воинам сбрасывать народ с моста в реку. Дети, старики, женщины, падая вниз, тонули. Другие же воины на лодках догоняли плывущих и добивали их копьями. (Сноска автора)

га, где виднелось множество монастырей и других больших зданий. А деревни тянулись по берегам непрерывной цепочкой, придавая виду живописность. У берегов стояло множество баркасов, было много и плывущих судов.

В пятнадцати верстах стоит штаб-квартира императорского австрийского полка — очень красиво выстроенное здание. Напротив него, справа от нас, находились другие строения — лесопилки и мукомольные заводы, движимые паровыми машинами. Вблизи от них, на возвышенности, стоит небольшой, но красивый двухэтажный дворец, где пребывает государь, приплывающий сюда на пароходе.

Стемнело и стало холоднее. Я нехотя спустился в уютное помещение, где мои товарищи играли в карты. Присев у окна, продолжал смотреть на реку, берега которой светились огоньками деревень. Сильные удары колес по воде да тихое покачивание давали знать человеку, что тот плывет. Я сладко задремал у окна. К одиннадцати часам, когда причалили к пристани Сосницкой — 70 верст, я проснулся. Мне настолько было хорошо на пароходе, что я не выходил на стоянке и, попросив чаю, уснул снова.

На этом пароходе несколько раз плавал сам государь и за 5 часов добирался до Новгорода — 70 верст. Мысли мои летели к вам, друзья мои, я находился среди вас незримым, но вы не могли ощутить мое присутствие.

Офицер парохода рассказал мне о варварстве солдат императорских полков австрийского, прусского, наследника и др., которые взбунтовались во время холеры, обвинив офицеров в том, что это они довели их до поносов, а сваливали все на холеру. Злодейски были убиты 106 офицеров и 3 генерала. Бунт случился 17 июля и продолжался до 27 июля. Усмирил его генерал-адъютант Орлов, тем, что обещал помилование от государя. Солдаты намеревались захватить Новгород и разгромить его. Но внутренние распри между солдатами не дали осуществиться этому плану. Нынче их преследует правосудие и казнит зачинщиков.

27 октября. Сошли с парохода и переночевали в деревне Чудово (9 верст), что стоит на Петербургской дороге. Река Волхов течет 360 верст и впадает в Ладожское озеро, откуда общается по Неве и Мариинскому каналу с Петербургом...

28 октября. Прибыли в деревню Померания. День был снежным. У моего хозяина, мужика-крестьянина, был двухэтаж-

ный деревянный дом, с обеих сторон со стеклянными окнами. На стене висели большие часы, и несколько самоваров стояло в соседней комнате. Пишу об этом потому, что от Москвы до Петербурга все крестьяне живут в таком достатке.

29 октября. Проехали Тосно — 32 версты и в сумерки въехали в Изжоры — 24 версты.

30 октября. Передохнули.

31 октября. Утром рано получил письмо из Петербурга, что граф Симонич пожалует в Царское село обедать к царевичу Теймуразу и что я должен быть обязательно.

1 ноября. Проехали Красное село и прибыли в деревню Павловск.

2 ноября. В полночь прибыли в Ораниенбаум, где находилась штаб-квартира Образцового пехотного полка.

3 ноября. Передохнули. Кронштадт, море и корабли. Дворец, сад, каналы.

4 ноября. Генерал Тимрот сделал смотр нашему войску.

5 ноября. Направился с командой в Царское село, где стоит моя рота. Дорога прекрасная и места весьма красивы. С левой стороны дороги близко синее море со множеством лодок, баркасов, пароходов, плывущих в разные стороны. На побережье расположены дачи, то есть дворцы и сады, прекрасные летние постройки. Также и с правой стороны много дач и деревень, следующих друг за другом. Я спешил, чтобы лучше насладиться столь живописными видами. Проехали Петергоф с царским дворцом и огромным парком, слава которых общеизвестна. Вблизи находится Стрельна с царским дворцом и парком. Не только на каждой версте, но и на каждом шагу предстают перед человеком все новые привлекательные предметы: то сама природа, то искусство, то роскошь. Очевидно, летом здесь красивее во сто крат. Не почувствовав усталости, прошел я так 18 верст. Переночевал в деревне Пустоньке.

6 ноября. День был пасмурным и холодным. Но окрестные места были еще красивее, чем вчера; здесь, в Пустоньке, возвышается монастырь Святого Сергия, весьма богатый. У дороги все так же располагались дачи — одна другой краси-

вее и богаче. Те семь верст, которые нынче я прошел пешком, право же, стоили миллиона.

На этих дачах живут обычно один или два месяца, приезжая туда из Петербурга. Сколько же тысяч рублей израсходовал каждый из тех, кому принадлежат эти постройки?! И это все ради весьма краткого веселого времяпровождения?!

Весьма ошибаются те, кто пишет о чрезмерной роскоши и сладкой неге, присущих Азии. Скажу с уверенностью, что сам султан в Судане не живет столь роскошно, как некоторые здешние князья и дворяне, потому что в Азии не умеют так красиво, со вкусом и богато украшать дворцы и сады. И не удивительно, так как Азия находится далеко от Европы и просвещения. Проехали 9 верст и свернули направо, на короткую дорогу. Поэтому я и не смог осмотреть полностью весь этот прекрасный путь до Петербурга. Вечером выехали на большую дорогу к деревне Пулково, где стояла моя новая рота — 25 верст.

7 ноября. Отдыхал и дожидался роты командира Фролова, отправившегося сдать команду в Ораниенбаум.

Днем познакомился с офицером Де-Жервие, который пригласил меня на обед.

11 ноября. Вечером отправился в Петербург. В пути стемнело, множество народа ехало по прекрасной дороге, скорее подобной городской улице. Вдали завиднелось зарево, стоявшее над большим пространством. Это было первым предвестником приближения к Петербургу. Улицы, освещенные множеством фонарей, и создавали такое свечение, видное издалека.

В шестом часу вошел я в дом графа Симонича, который остановился у Невского проспекта, в Демутовом трактире, что на Большой Конюшенной.

С гельшертом отправился на прогулку по Невскому проспекту.

12 ноября. Утром пришел повидать графа царевич Луарсаб, которому меня и представили. Отсюда направились к царевичу Фарнаозу, жившему на Фонтанке. Человек умный и радушный, он с приятностью принял нас и пригласил в субботу отобедать. Затем посетили Прасковью Николаевну (Ахвердову), весьма удивившуюся моему неожиданному появлению.

Вечером в 7 часов поехали в театр. Была итальянская опера, в которой всех пленяла недавно приехавшая из Италии прекрасная певица по фамилии Морикони. Соло на скрипке

исполнял Бем. Ох! Как сильно воздействует на наши чувства звучание пения и музыки.

Слушание их заполняют душу невыразимой радостью таинством сердечных желаний. Порой же погружаешься в сладкие думы, возвращаясь в мыслях к полузабытому прошлому, рождающему печаль и горечь. Звучавшие мелодии нежно пленяли сердце, наполняя его сладостью очарования. И все земное для меня перестало существовать, и не знал я, в каком мире пребываю. Очнулся я только тогда, когда увидел опустившийся занавес и людей, направлявшихся к выходным дверям. Переполненный тем чувством удовольствия, которое не передать никакими словами, встал я со стула и тоже покинул театр. Бем и Морикони! Пока жив, не забыть мне вас!

13 ноября. Каждый раз, проходя по Невскому проспекту, разглядывал я людей, идущих пешком и едущих в дрожках, колясках, каретах или санях. Пообедали в четвертом часу, при свечах. Здесь очень рано темнеет. Затем отправились в Малый театр, где давали представление «Карл XII», не оставившее большого впечатления.

14 ноября. В третьем часу поехали на обед к царевичу Фарнаозу, который представил нас супруге своей Анне.

Познакомился я и с его дочерьми — Саломе и Еленой. Тут же увидел царевен Анастасию и Рипсимае. Все встретили меня радушно. В седьмом часу, по моей просьбе, отвел меня Николай Давидович к царице имеретинской Мариам, которая упрекнула меня, почему я сначала не явился к ней.

15 ноября. В первом часу, после службы, отправился я к царице, затем к Дарье Семеновне, пригласившей меня отобедать. Но поскольку царица раньше оказала мне такую же честь, я не сел за стол, а вернулся назад. У царицы за стол мы сели вдвоем, и еще ее казначейша, пожилая женщина. На прекрасном лице царицы лежала печать высокого происхождения. Она была умна, а речь ее была весьма жива и выразительна. После обеда царица еще долго не отпускала меня. Здесь я неожиданно увидел Сергея Чилаева и познакомился также с отцом Ионой.

ПЕТЕРБУРГ

Петербург раскинулся по обеим берегам реки Невы, на десяти островах, образованных одиннадцатью ее притоками и ответвлениями. Город занимает в длину 34 версты, а в ширину

— 9 верст. Он делится на двенадцать больших частей, каждая из которых подчиняется частному приставу и пятидесяти чети-рем квартальным, подотчетным, в свою очередь, полицейским чиновникам. В трех тысячах каменных и пяти тысячах деревян-ных домах проживает 400 000 жителей. Такое множество строений расположилось на 483 улицах. А 167 мостов, чугу-ных или гранитных, соединяют отдаленные части города с главной.

Русских церквей здесь 117, а других разных верований — 28. Девять академий и ученых обществ распространяют знания и служат делу просвещения.

Большая публичная библиотека (хотя у отдельных жите-лей есть свои богатые библиотеки) и оборудованные кабинеты по изучению природных явлений облегчают труд ученых.

В пятидесяти публичных казенных учебных заведениях, вс-главе с Университетом, юноши обучаются бесплатно. В одних из них числятся более тысячи учащихся, в других же—сотни.

Кроме того, есть еще 40 пансионов, принадлежащих раз-ным лицам.

В четырнадцати казенных госпиталях и больницах много тысяч страждущих бесплатно лечат свои недуги и возносят молитвы за своих попечителей. В городе 256 фабрик и ма-нуфактур, где бедняки находят себе работу и пропитание.

3000 фонарей зимой каждой ночью освещают главную часть города, а 266 будок установлено для охраны порядка и безопасности на улицах.

При первых же признаках пожара в каком-нибудь доме тут же со всех частей города на помощь устремляется 1500 человек с сотней огромных огнетушительных труб.

Кому захочется обозреть этот великолепный и красиво вы-строенный город, тот может взобраться на городскую башню, а оттуда его глазам откроется прекрасный и величественный вид. Одним взором он охватит величавое течение Невы с при-токами и ответвлениями, с островами, где разбиты прекрасные сады с дворцами для приятного времяпровождения. Первым увидишь Петровский остров с его красивым лесом, неподале-ку от которого находится остров Крестовский, где любят гулять и веселиться горожане; дальше острова Елагин, Каменный с прекрасным дворцом, куда летом навевывается царская фа-милия. Справа от него, подалее, прекрасный сад графа Стро-ганова. Прямо перед смотрящим видна крепость с высокой по-золоченной колокольной. Справа амбары с хлебом и пенькой, огромное здание госпиталей Медико-хирургической Академии.

Еще правее виднеется сад графа Безбородко и деревня Охта, впереди Таврический дворец с величественными арками и садом. Рядом кавалергардские и преображенские казармы и Институт благородных девиц. Подальше виден всеми почитаемый монастырь Александра Невского. Несколько дальше глазам предстают живописные поля и леса и по-старинному строенный дворец Чесма, возведенный графом Орловым по случаю победы над турками. За ним виднеются Пулковские холмы. Вдали от них можно заметить прекрасные загородные дома по Петергофской дороге, монастырь святого Сергия и дворец Стрельна, принадлежавший почившему великому князю Константину; за Стрельной Дудергофская гора, одиноко возвышающаяся над этой плоской равниной и, наконец, в ясный день вдали можно увидеть Петергоф, Ораниенбаум, а перед ними остров Кронштадт.

Реки, делящие на части Петербург, следующие: Большая Нева, Малая Нева, Большая Невка, Малая Невка, Мойка, Екатерининский канал, Фонтанка, Крюков или Никольский канал, Городской ров, Лиговский канал, Черная речка, Карповка, Пряжка и Тарановка.

ПЕРВАЯ АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Первая адмиралтейская часть начинается от Летнего сада и, продолжаясь по Неве до середины Мойки, до места ее слияния с Невой, является наиболее красивой частью города. Здесь находятся площади: Марсово поле или Царицын луг, прекрасная Дворцовая площадь; с которой смыкаются Исаакиевская и Петровская; публичные памятники: Статуя Петра Великого, Статуя Суворова на Невской набережной между Мраморным дворцом и домом князя Салтыкова. Есть клубы: Большой мещанский клуб напротив бульвара, Малый мещанский клуб на Исаакиевской площади, Большой танцевальный клуб на Английской набережной. Мосты: на Неве: Исаакиевский мост, Троицкий или Петербургский мост, на Мойке: Михайловский, Коношенин, Зеленый или Полицейский, Красный, Синий, Поцелуев и Английской набережной, на Крюковом канале: Крюковский мост. Главные улицы: Дворцовая набережная, Большая Миллионная, Малая Миллионная, Большой Невский проспект, Большая Морская и Малая Морская, Гороховская, Английская набережная, Галерная улица, Крюков переулок, Голландская набережная, Кирпичная улица и другие малые улицы.

ВТОРАЯ АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Находится между Мойкой и Екатерининским каналом, начинаясь от Летнего сада до Крюкова или Никольского канала и от Большого театра до Никольского собора. Здесь находятся площади: Большая у Большого театра, перед Казанским собором, перед Никольским собором. Здесь помещается Английский клуб, между Красным и Синим мостами. Он самый старинный в Петербурге. Мосты на Екатерининском канале: Конюшенный мост, Казанский, Каменный, Какушкинский (?), Вознесенский, Харламовский, Аларчин. Самые главные улицы: Большая и Малая Мещанские, Вознесенский проспект, Столярная, Новый переулоч, Демидовский переулоч, Конная, Кривая, Офицерская, Фонарная, Прачечная, Торговая и Никольский переулоч.

ТРЕТЬЯ АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Находится между Екатерининским каналом и Фонтанкой, от Михайловского замка до Крюкова канала. Площади: Сенная, Толкучий рынок у Апраксина дома, Никольский рынок, Обуховская, у Семеновских мостов, перед Михайловским замком. Городские статуи: Петр I на коне перед Михайловским замком. Мосты на Фонтанке: Прачечный, Семеновский, Аничков, Чернышев, Семеновский, Обуховский, Измайловский, Калинин. Главные улицы: Невский проспект, Малая и Большая Садовые, Гороховый проспект. (Переулки) Аничков, Чернышев, Мучной, Спасский и Конный; Обуховский проспект, Вознесенский проспект, Большая и малая Подъяческие улицы и другие малые.

ЧЕТВЕРТАЯ АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Находится между серединой Крюкова канала, Мойкой и Фонтанкой и является самой маленькой в городе. Называют ее Коломна. Здесь мосты: на Крюковом канале: Канальный, Офицерский, Торговый, Кашин, Никольский и Смежной, на Екатерининском канале: Пикалов, Аларчин и Малый Калинин; на Фонтанке: большой Калинин, на Пряжке: Кузнечный, Банный и Матисовский, на Мойке: Сухарный и Храповицкий. Улицы Большой Колонны: Офицерская, Торговая, Петергофский проспект, Мясная, Английский проспект и другие малые. В Малой

Коломне: Канонерская, Широкая, Прядыльная, Покровская и другие малые улицы.

НАРВСКАЯ ЧАСТЬ

Находится вправо от Обуховского моста, между Фонтанкой и городской межой, до Екатерингофа и Тарановки. Площади: две большие для учений, Рыночная у Калинкина моста. Три моста перекинуты через Тарановку. Улицы: Новое место, Средняя, Кузнечная.

МОСКОВСКАЯ ЧАСТЬ

Занимает место с севера, от середины Фонтанки, с запада — от городского рва и московских городских ворот и к востоку от Аничкова моста. Главные улицы: Большой проспект от Аничкова моста до Лиговского канала, Владимирская, Большая Офицерская, Большая Средняя, Набережная и Московский проспект, от Обуховского моста до городских ворот.

ЛИТЕЙНАЯ ЧАСТЬ

Пролегает от Аничкова моста и Лиговского канала до Невы и Таврического дворца. Здесь находятся площади: Сенная у Литейного дома, Большая площадь, где обучают солдат у Преображенских ворот. Улицы: Литейная, Воскресенская и другие малые. Эта часть города расположена выше всех и воздух здесь здоровее.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЧАСТЬ

Находится в средней части Лиговского канала, влево от Большого Невского проспекта и Невы. Здесь главные улицы: Невский проспект и Вознесенская набережная.

КАРЕТНАЯ, ИЛИ ЯМСКАЯ ЧАСТЬ

Находится вправо от Невского проспекта, между Лиговским каналом и средней частью Невы, до Большой Московской улицы.

ВАСИЛЬЕВСКАЯ ЧАСТЬ

Это весь Васильевский остров с Галерной (гаванью). Пло-

щади: между Биржей и Коллегиями, между Первым кадетским корпусом и Академией художеств, где возвышается Румянцевский обелиск, между 20-ой линией и Галерной, где часто проводятся маневры, Большая рыночная на Большом проспекте, которую называют Андреевской. Мосты: Исаакиевский на Большой Неве, на 18 плашкоутах, Тучков мост на Малой Неве и три моста на Черной речке. Главные улицы: три проспекта — Большой, Средний и Малый, которые пересекаются 24 линиями — широкими и прямыми улицами.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЧАСТЬ

Это целый остров, где находится Петропавловская крепость. Домик Петра I и множество разных богатых зданий. Мосты: Петербургский на 35 плашкоутах, Выборгский мост, Каменноостровский, Карповский, Самсониевский и Петровский, ведущий к Петровскому острову. Улицы: Большой проспект, Греческий проспект, Малый проспект, Большой гребецкий, Большой зеленый, Большая Никольская набережная, Большая Пушкарская, Большая Разночинная, Большая Дворянская и Конная.

ВЫБОРГСКАЯ ЧАСТЬ

Здесь находятся здания больших госпиталей, верфи и другие здания. Главная улица — Самсониевская.

* * *

В 1820 г. в Петербурге числилось: лавок у Биржи — 243, подвалов — 17 и 10 пакгаузов. В разных частях города — рынков 9, с находящимися там 549 лавками. В Гостином дворе — 309 лавок, в Апраксином дворе — 210 и в Щукинском — 265. Книжных лавок — 30, магазинов математических приборов — 7, модных магазинов — 60, магазинов тканей и духов — 70, кондитерских лавок — 34, портерных — 38, табачных — 150, свободных аптек — 32, винных погребов — 262, трактиров — 46, питейных заведений — 102, водочных лавок, где продавали штофами — 42, харчевен — 101, общественных бань — 24.

15 ноября 1831 г. Первая мысль о постройке этого великолепного собора родилась у государя Павла, после смерти которого в 1801 г. император Александр, тоже почивший, своей рукой заложил первый камень в фундамент, а спустя 10 лет это прекрасное здание было завершено. 15 сентября 1811 г. митрополит Амвросий освятил его. Со стороны Невского проспекта возвышаются 132 колонны, выстроившиеся полукругом. Продольная длина колоннады составляет 40 саженей⁴. Колонны высотой 42, а толщиной 4½ фута⁵. Две большие бронзовые статуи Гавриила и Михаила Архангелов стоят на гранитных пьедесталах. Со стороны Невского проспекта у главных дверей стоят также четыре бронзовые статуи: Андрея Первозванного, Иоанна Крестителя и великих князей, Владимира и Александра Невского. Их отливал профессор Якимов. Большие прекрасные бронзовые двери, совершенно необычные по виду и поистине великолепные для глаз являют разные события из Писания. Высота собора 33 сажени и 8 гре. Внутри собор, как и в других русских церквях, представляет по форме крест. Длина собора — 34 сажени, ширина между двумя дверями — 26, а с западной стороны — 12. Высота до арки — 26 саженей, ширина ее — 9. Украшают ее 16 пилястров коринфского ордера. Сверху купол венчает золоченный толстым слоем крест.

Внутреннее убранство этой церкви соответствует ее внешнему величию. Кто не удивится, увидев 56 цельных гранитных колонн, прекрасно отшлифованных?! Царские врата и ограда перед образом Казанской Богоматери из цельного литого серебра. Богатые украшения образа Богоматери оценены в 100 000 рублей. Над царскими вратами лучи из серебра, покрытого толстым слоем чистого золота. Перед алтарем в этом главном соборе стоит 4 серебряных светильника (канделябра). Царское место с правой стороны, облицованное мрамором разных цветов, оно обито зеленым бархатом с золотым шитьем. Поверху золотыми буквами идет надпись: «Сердце царево во руке божьей». Напротив место для проповедника, над которым начертано: «Придите, чада, послушайте меня, страху господню

⁴ Сажень — прежняя русская мера длины, содержащая 3 аршина, или 7 футов, равняется 2,13 м.

⁵ Фут — мера длины, составляет 12 дюймов (30,48 см).

научу вас». Собор весь украшен разными породами мрамора, наподобие мозаики. На строительство этой церкви потратили 4 200 000 рублей.

Здесь много знамен, захваченных во время войн 1812 и 1814 гг. 107 знамен французских и 7 кызылбашских, 28 ключей от крепостей и маршальский жезл Даву у левых колонн. И, наконец, приблизились мы к могиле князя Кутузова-Смоленского, освободившего Россию от бонапартовского нашествия, чтобы поклониться ей. Непроизвольно вздохнув, сказал я себе: «И вот суета сует мирская!»

Донские казаки пожертвовали собору 40 пудов серебра, которые отняли у французов во время их бегства из Москвы. Из этого серебра должны отлить фигуры четырех вестников для собора. Профессор Мартос уже начал работу.

Монастырь святого Александра Невского

Для сооружения этого монастыря Петр I место определил на берегу Невы, которое называлось Викторией (победой). По поводу этого считают, что именно здесь Великий князь Александр в середине XIII в. одержал победу над объединенными силами шведов и датчан. Первые постройки монастыря были деревянными и только в 1716 г. возвели каменные. В 1724 г. Петр I перевез святой прах Александра Невского из Рождественского монастыря во Владимире. В 1750 г. императрица Елизавета соорудила гробницу из серебра весом в 3 600 фунтов — впервые добытом на Колывановском руднике. Нынешнюю, очень красивую церковь возвел в 1790 г. зодчий Екатерины II Старов.

Монастырь обнесен стеной. Здесь находится просторный сад и кладбище. В старинном соборе похоронено много царских дочерей и трехлетний сын Петра I.

Среди других родовитых людей там покоится и Суворов, над могилой которого к стене прикреплена бронзовая доска с краткой надписью: «Здесь лежит Суворов». И кто же не удивится этому? Кто не уверует еще раз в суету сует мирскую, увидев славного ратного мужа во прахе?! Внутри монастыря хранится много ценных реликвий, и среди них корона Александра Невского и кровать Петра Великого, на которой он боролся со смертью и испустил дух. В смертное свое мгновение сказал он окружающим: «Поверьте же мне, о, как немощен человек!»

В монастыре помещается также Академия и семинария, где учащихся наставляют и готовят к священничеству.

Стоит он на берегу Невы в Рождественской части и построен императрицей Елизаветой в 1748 г., еще более расширенный и украшенный Екатериной II, которая выделила полтора миллиона на уход за его постройками. Император Павел поручил Смольный монастырь и также другие воспитательные и благотворительные заведения вниманию и попечительству супруги своей Марии Федоровны; и действительно, кому как не матери-императрице подобает более всех покровительство и благодетельствование страждущих и бедных?!

500 юных девиц (среди которых 300 дворянок и 200 мещанок) растут в стенах этого монастыря. Они разделяются на 3 класса и должны оставаться в Институте благородных девиц 9 лет, а мещанки -- 6 лет без отпуска домой.

Каждые три года выпускают 100 девиц, взамен которых принимают столько же других по строгому отбору. Желающих отдать в обучение своих дочерей очень много и потому приходится поступать так. Поскольку старый Институт стал тесен, то Мария Федоровна выстроила тут же рядом новое очень богатое здание. Фасад в длину составляет 100 саженей и, говорят, что на строительство его будто бы израсходовали 800 000 рублей. В старом помещении остались девицы-мещанки и девицы Военно-сиротского дома, а также лазарет.

Как благородные девицы, так и мещанки одинаково обучаются грамоте и рукоделиям. И нет никакой разницы в их воспитании, разве только то, что мещанок не обучают музыке.

Девицы все разделены на 3 класса и находятся под надзором воспитательниц. Белые, голубые и зеленые ленты отличают классы. Ежегодно на их содержание из казны отпускается 210 000 рублей.

Крепость

Петр I заложил эту крепость в день своего рождения 30 мая 1706 г., по плану Блонделя, Вобана и Пагана¹. Вначале работами руководил итальянец Трезини, а завершил строительство инженер-полковник Миних в 1740 г.. Екатерина II

¹ Крепость заложена в 1703 г. 27 (16) мая. Первая крепость была земляной. С 1706 г. в течение 35 лет шла перестройка и достраивание крепости в камне. Работы велись под руководством архитектора Д. Трезини.

облицевала стены гранитом со стороны Невы. Внутри у больших ворот, с левой стороны, находятся метки повышения уровня воды.

В крепости стоит собор святых апостолов Петра и Павла, выстроенный Петром I. Колокольня его высотой 55 саженей с позолоченным шпилем, на золочение которого было потрачено 2814 золотых.

В соборе похоронены члены царской фамилии, начиная с Петра, кроме Петра II, умершего в Москве. Здесь находится могила, притягивающая сердце и глаза пришедшего, делая место сие святым.

Это могила Петра I. Екатерина II собственноручно возложила на нее турецкое знамя, захваченное графом Орловым в 1772 г. у побежденных турок. Император Александр прикрепил к гробовой доске в 1803 г. медаль в честь 100-летия со дня основания Петербурга.

Внутри церкви на трех стенах развешаны знамена турецкие, прусские, польские и французские, а также стены украшают ключи от разных захваченных крепостей и городов. Тут же находится маленький черный хлебец, который вместе с ключами преподнесли Суворову варшавяне в 1774 г.

Кто же радостно не удивится, увидев работу государя — два больших паникадила из слоновой кости, выточенных и висящих посреди церкви — дело рук Петра Великого. В сферу большого паникадила врезаны 4 медали, в честь великих деяний его царствования. Петром I выточен из кости и соборный крест.

Покинув собор, взору предстает Монетный двор со своей лабораторией. Это прекрасное здание начал строить император Павел, а закончил строительство Александр. Оно вызывает удивление своим видом. Две большие паровые машины приводят в движение множество других машин, которые чеканят из простого серебра тоненькие, аккуратные монеты. Говорят, что большая машина имеет 60 лошадиных сил, а меньшая — 30. Скорость и точность машин поистине удивительна. За 1 минуту могут они отчеканить 60, а за день 100 000, а если очень надобно, то и 300 000 серебряных и золотых монет. Из Колывановского и Нерчинского рудников ежегодно привозят по 2 000 пудов золота и серебра, а из Екатеринбургских рудников до 30 пудов чистого золота. Но говорят, что оно не обладает нужным весом и потому в лаборатории его сначала мягчат; из вышеназванных пудов золота и серебра выплавляют до 30 пудов чистого золота. Из одного фунта золота чеканят 74½ по-

луимпернала, а из одного фунта серебра 22 рубля и 75 копеек серебром. Исходя из этих расчетов понятно, что из горных российских рудников поступает 178 800 полуимпериалов и 1 820 000 рублей серебром.

В крепости заслуживает внимания первый ботик Петра Великого, специально сохраняемый в каменном здании и называемый «дедушкой русского флота».

Кроме этого достопримечателен здесь Артиллерийский арсенал (или инженерное училище) и большое здание, где хранится государственная казна.

У Петербургского моста слева стоит небольшой деревянный дом, крытый черепицей. Это первый дом, выстроенный в 1703 г., и жил в нем Петр Великий.

Адмиралтейство

Петр построил его сначала деревянным, а потом уже каменным. Нынешнее великолепное здание — первая краса Петербурга — выстроено по приказу государя Александра зодчим Захаровым. Трудно описать Адмиралтейство со всеми внешними украшениями, которые удивляют своим величием. Уже сам вход рождает это ощущение огромными колоннами, украшающими галлерею. Внизу огромные статуи Геркулеса и Минервы.

Большую просторную залу, отличающуюся прекрасной архитектурой, украшают портреты Петра I — основателя русского флота и государя Александра. С двух сторон по стенам развешаны картины, изображающие смелость и доблесть Петра I на море. Так же красива зала, где находится библиотека с 40 000 книг, ежегодно пополняемая новыми.

Особо примечателен здесь музей, первую комнату которого занимают разные прекрасные модели. По ним строились тогдашние корабли и крепости. Во втором зале в больших стеклянных шкафах расставлены по хронологии модели русских морских судов, отличающихся от других или своим строением или историей, начиная с первой галеры до 130-пушечного корабля, называемого «Благодать». Здесь находятся также модели и двух шведских фрегатов, захваченных Петром I на Неве.

Тут можно увидеть рисунки государя Петра и его трость с делениями, с которой он всегда приходил в Адмиралтейство и собственноручно обмерял различные части кораблей, затем портрет Петра, написанный в Голландии, где 20-летний моло-

дой человек обучался строительству кораблей, приковывая к себе взоры всех окружающих. И как же не даваться диву, вспомнив, что государь-самодержец оставлял престол для того, чтобы на чужбине обучаться ремеслам и труду, дабы потом стать наставником и просветителем своей Империи. Есть ли еще подобный пример где-нибудь!

В третьей зале находятся оборудование и инструменты по астрономии, физике и оптике. А в четвертом зале еще множество разных редкостных вещей.

Императорская Академия наук

Ее основал император Петр I по плану философа барона Лейбница. Первым президентом Академии был врач Петра I Блюментрост. Государь Александр выделил штату Академии 120 000 рублей.

Кто не удивится, побывав в кабинетах, называемых Кунсткамерой?! В 1698 г. Петр I купил в Амстердаме коллекцию птиц, рыб и другие, в 1716 г. прекрасную коллекцию Альберта Зеба, а в 1717 г. коллекцию анатомических препаратов Руишева. Екатерина II приобрела коллекцию Палласа за 20 000 рублей для Академии. И в последующие времена ее экспонаты умножались академиками, путешествовавшими по разным странам.

Прекрасная коллекция раковин была приобретена во времена Александра.

И кабинет Петра I полон достопримечательностей, большинство из которых сделано его руками.

Старинные монеты—русские, греческие, римские и другие новые монеты выставлены отдельно. Здесь есть и скелет мамонта, найденный в Сибири и вырытый из земли во времена государя Александра.

Первый кадетский корпус

Императрица Анна основала его по плану фельдмаршала графа Миниха. Дом сгинувшего в Сибири Меньшикова отдали этому учебному заведению, из которого вышли потом многие выдающиеся люди: Румянцев, Ферзен, Каменский, Вейсманн и многие др. К этому просторному и красивому зданию примыкает сад в 27 саженей. С лицевой стороны, обращенной к Неве, дом имеет 167 саженей, а большое здание по Кадетской линии простирается на 366 саженей. Здесь спальни и столовые

залы для кадетов, квартиры для генералов и офицеров, которые ведают корпусом, а также большая учебная зала, где зимой обучают военной службе. В нижнем этаже живет прислуга. Учебные классы находятся в больших трехэтажных домах.

Кадетов числится 800 человек, и делятся они на роты. 34 офицера обучают военному делу, а 50 наставников — предметам. Кроме того здесь обучается еще 200 дворянских сынов, физически слабых и немощных для военной службы. Они находятся под присмотром женщин и совсем оторваны от кадетской роты.

Пять наставников — священнослужители. Из них трое греческой веры, один — лютеранский пастор и один — католический пастор, и обучают они воспитанников Закону Божьему. Каждый имеет здесь свою церковь. Здесь же три лазарета, аптека и три лекаря, лечащих заболевших кадетов. Ежегодно кадетский корпус выпускает до сотни офицеров для армии, артиллерии, гвардии, смотря кто как себя проявит. При выпуске за казенный счет шьется и выдается необходимая одежда офицерам, а также наделяются они деньгами.

Во время экзаменов проявившие прилежание в учебе и добронравие ежегодно получают награды и грамоты или математические инструменты.

Корпус имеет типографию и библиотеку, откуда в неделю четырежды каждый кадет может выносить книги для чтения, но при этом он должен иметь записку от ротного командира.

Прекрасен для посетительского глаза местный музей длиной в 161 и шириной в 42 английских фута. Здесь тоже есть библиотека и богатая коллекция военных моделей, делящаяся на четыре отдела: артиллерийский, понтонный, инженерный и минерный. В первом отделе размещены модели устройств для изготовления пороха, дробилки и сушилки, машины, превращающие пороховое зелье в зерна, пробницы пороховые, магазины, литейные печи и формы и другие устройства. Подальше расставлены всякого рода пушки, бытующие в Европе, со своими лафетами, разного рода лафеты, используемые в окопах и казематах, зарядные устройства и фуры для перевозки снарядов, а также разные машины для подъема грузов.

Во втором отделе находятся различные понтоны, применяемые в Европе, каждый представлен на своей повозке с разными орудиями для наведения мостов. Там же можно увидеть разборные мосты, понтонные мосты, сделанные из плотов и бочек, и еще адскую машину для уничтожения мостов.

В третьем отделе выставлены модели фортификационные.

Среди них показаны укрепления позиций, вырубленные в горе, а также расположенные в других местах. Красиво расставлены мостовые укрепления и монтальальбертовы редуты; главные крепостные бастионы и тенали (?) боковых укреплений.

Представлены модели взятия крепостей и увеличение их неприступности сооружением рвов с водой. Чтобы показать различия между старыми и новыми крепостями, представлена турецкая крепость. Наконец, показаны крепости, которые существовали до изобретения пороха, с машинами, которыми пользовались для их обороны или захвата, а также все необходимое для строительства крепости. Все сооружено подробно и наглядно, заслуживая высоких похвал.

В четвертом отделе размещены модели, которые посвящают в тайны минерного дела. Все они выполнены великолепно из дерева и металла и выкрашены масляной краской. Желающие увидеть самую мелкую часть модели могут раскрыть ее.

Тут же собраны разного рода медные пушки, которые преподнес цесаревич Константин. Летом, в неделю дважды, в этих залах старшим кадетам читают военные науки, объясняя и показывая все на моделях.

523 человека приставлены здесь для услуг кадетам и офицерам. Проживает в корпусе мужчин и женщин всего 2750. Для этого обширнейшего учебного заведения казна ежегодно выделяет 503 900 рублей. Корпус был открыт в 1732 г., и в первый день в него было принято 55 учеников-кадетов.

Второй кадетский корпус

Основан Екатериной II в 1762 г. Он находится в Петербургской части на Петровке (Малой Неве), и здесь обучаются так же, как и в Первом Кадетском корпусе. Кадетов здесь 700. Ежегодно казна тратит на их обучение и содержание 435 019 рублей.

Морской кадетский корпус

Основан Петром I в 1716 г. и раньше находился на берегу Невы, там, где нынче Зимний дворец. Назывался он тогда Морской Академией. В 1731 г. предоставили ему здание между 11 и 12 линиями и назвали Морским кадетским корпусом. По повелению же Екатерины II его перевели в Кронштадт, а Павел I опять возвратил его на старое место, между 11 и 12

линиями, в прекрасный двухсводчатый дом, где воспитывается ныне 700 благородных юношей. Их обучают всем наукам, требующимся в морской службе и для кораблевождения. Обучают наукам 77 наставников, а 29 офицеров следят за порядком. На содержание корпуса казна тратит ежегодно 46 364 рубля.

Горный кадетский корпус

Помещается он на Васильевском острове, на берегу Невы, между 21 и 22 линиями и занимает 6400 квадратных саженей. Прекрасно выстроенный, издали он выглядит еще величественнее. Екатерина II основала корпус в 1772 г. и наименовала Горным училищем. А император Александр, еще более украсивший здание, нарек Горным кадетским корпусом. Создан он для воспитания и обучения сирот, чьи отцы работали по горной части. Таких учащихся 110, и находятся они на казенном коште. Остальные же — пансионеры, вносящие плату, — 700 рублей в год. Кроме того, есть еще полупансионеры, вносящие плату в размере 350 рублей в год, и приходящие в корпус только во время занятий. Здесь обучают по-разному. Сирот — горному делу, а пансионеров всему необходимому для гражданской или военной службы.

Тут имеется хорошая библиотека и музей, в котором размещаются модели, представляющие разные ископаемые и руды. В музее том собраны также различные монеты и медали: русские и других стран, и еще много других редкостных предметов. Этому корпусу принадлежит физический кабинет, химическая лаборатория и один обширный кабинет минералов, в котором хранится более 50 000 редких и драгоценных образцов разных горных пород. В коллекции особо выделяются: 1) глыба малахита весом в 96 пудов. Нет ей цены и нет другой, подобной ей на свете... Найдена она была во времена Екатерины II на руднике Гумешки, принадлежавшем Турчайинову; 2) изумрудные четки из 22 крупных зерен; 3) большие друзы правильнейших кристаллов самородной серы; 4) слюда, представляющая шестигранную пирамиду, созданную природой и найденную у озера Чебаркуль; 5) множество образцов плавикового шпата, каждый из которых имеет по 48 граней или еще больше; 6) И кто не удивится, увидев пальмовое дерево с вросшими в него человеческими костями? Прекрасно подобраны и выставлены специально для учащихся модели для изучения горного дела. Там можно увидеть: 1) расположение руд под

землей; 2) разного рода месторождения и залегания руд; 3) различные виды работ, соответствующих месту расположения рудника; 4) поскольку работы по добыче руд требуют глубокого внедрения в землю, то показаны также всякие крепления, необходимые для прокладки штолен.

На содержание этого корпуса из казны ежегодно отпускается 135 924 рубля.

Императорский военно-сиротский дом

Основал его государь Павел, затем он расширил его и установил определенное число воспитанников: 200 офицерских детей и 200 солдатских. Сюда же причислили еще 100 детей женского пола, как офицерских, так и солдатских. Государь Александр, еще более украсивший здание Дома, перевел женскую его половину в Смольный монастырь.

Внутренний порядок здесь такой же, как и в корпусе. Учащихся обучают тому, что необходимо знать офицерам. При окончании учебы их посылают или в артиллерию, или в инженерию, или в армию. На содержание Дома ежегодно выделяются казной 235 000 рублей.

Здесь же воспитывается и 250 солдатских сыновей, для которых из казны выделяется 96250 рублей.

К военным училищам причисляются: дворянский полк из 2000 человек, где молодые люди обучаются военной службе и на что расходуется 807 459 рублей. Он помещается на Петербургской стороне; эскадрон дворянской кавалерии в составе 236 человек, содержание которых обходится ежегодно в 125 890 рублей.

Императорский воспитательный дом

Этот поистине Христианский дом благотворительности основала Екатерина II в 1767 г. вблизи Смольного монастыря. А после, по причине отдаленности, его перевели на Малую Миллионную. Затем, когда императрица Мария Федоровна приняла его под свое покровительство, она купила за 450 000 рублей дома графов Разумовского и Бобринского с садами и площадями на Мойке, между Полицейским и Красными мостами. Внутреннее убранство этих зданий обошлось 175 500 рублей. После они были расширены и украшены благотворительностью. Теперь все помещения, кроме дома графа Строганова, от Поли-

цейского моста до Гороховой и Большой Мещанской принадлежат воспитательному дому.

В дом этот ежедневно принимается 11—12 младенцев, которых оставляют здесь на 2 месяца у кормилиц, а после, если они окажутся физически здоровыми, их вместе с кормилицами отправляют в деревни. Во время двухмесячного пребывания в Доме детям делаются прививки от оспы. Директор деревенской экспедиции и воспитатели ухаживают за младенцами и ежемесячно регулярно сообщают в воспитательный дом об их состоянии.

Для болеющих младенцев имеется отдельный лазарет на 175 коек. У каждого младенца своя кормилица, которой, кроме кормовых, выплачивается еще 240 рублей. Дети, отданные по деревням, остаются там до 7 лет, после чего их берут в Воспитательный дом, находящийся в Гатчине, где им преподают начальные знания. Воспитанников, обнаруживших светлый ум, принимают уже в здешний воспитательный дом, где они и завершают образование.

В этом воспитательном доме числится 235 мальчиков и 335 девочек. Они разделены на две части. Первая обучается разным ремеслам, а вторая наукам. Мальчики изучают Закон Божий, арифметику, чистописание и грамматику. Достигнувших 21 года или моложе определяют на фабрики или к ремесленникам. Большая же часть воспитанников отсылается в Гатчинский дом, где для них существует специальное отделение.

Девочки обучаются тем же наукам и, кроме того, рукоделию. В 18 лет они могут покинуть место своего пребывания и поступить в услужение к кому-нибудь в дом. Каждой девушке при выпуске выдается 25 рублей, а в случае замужества еще 100 рублей.

И не только тем удовлетворяется доброе сердце Марии Федоровны, чтобы сохранить этим несчастным детям жизнь. По ее указу 100 юношей с особыми способностями отбирается для получения высшего образования и к ним приставляются инспектор и другие наставники. Те, кто выдержит экзамен, направляются в Медико-хирургическую академию на казенный счет, где и обучаются на врачей. А остальные определяются одни в аптеки, другие в Ботанический сад в Павловске или Гатчине, или же по разным канцеляриям. Для проявивших способности и прилежание, вносятся в ломбард по 300 рублей, которые они получают с приращениями, по завершении образования. Столько же денег выдается на первоначальные расходы. Определен-

ным же в канцелярии и Ботанические сады выдается по 200 рублей первым и по 150 рублей вторым.

Так же отбирается 100 девиц, отличающихся умом и добронравием, их обучают языкам: русскому, немецкому, французскому, Закону Божьему, риторике, логике, арифметике, геометрии, истории, географии, естествознанию, рисованию, музыке, пению, танцам и, наконец, рукоделию. И все это для того, чтобы быть им потом полезными Отечеству в качестве воспитательниц и учительниц для детей.

Девичам также при выпуске выдается по 300 рублей с приращениями к ним.

Воспитательному дому принадлежит родильный дом на 20 коек для женщин бедноты и для тех, кто скрывал свою беременность. За несколько дней до родов такие приходят сюда и, не называя себя, могут оставаться до полного выздоровления. Говорят, что в год здесь рождает 400 женщин.

На содержание пребывающих в этом доме трехсот человек ежегодно выделяется 800 000 рублей.

Академия художеств

Возвышается этот великолепный храм свободных искусств на правой стороне Невы на Васильевском острове, между 3 и 4 линиями. Четырехэтажное здание, с каждой стороны оно длинной по 60 саженам. Фасад его так же прекрасен, как и другие лучшие строения города. Над аркой восседает Минерва. Стройные статуи Геркулеса и Флоры Фарнезе украшают вход, над которым написано «Свободные искусства».

На постройку Академии было потрачено 350 000 рублей во времена Екатерины II, а император Александр еще более украсил ее.

В этом учебном заведении обучаются свободным искусствам 300 юношей, принятых в возрасте от 8 до 10 лет на казенный счет. В три года раз принимают 75 учащихся и столько же выпускают.

Ежегодно на содержание Академии казна отпускает 156 000 рублей.

Закончив начальное обучение, каждый учащийся может выбрать себе дело по призванию и желанию. Спустя 12 лет учебы юноши выпускаются из Академии. Каждый при этом должен представить на всеобщее обозрение плоды своих трудов. После экзаменов тех, кто проявил особый талант или гений, награждают золотыми и серебряными медалями. Тех же,

кто неоднократно удостоивался золотых медалей, на казенный счет посылают путешествовать по Италии, Франции, Германии и другим странам, где искусство доведено до высочайшего уровня, чтобы они могли довести свое мастерство до подлинного совершенства.

Ежегодно в сентябре на две недели Академия открыта для общественности. Там в больших залах выставляются работы учащихся, профессоров и других мастеров, чтобы по достоинству оценить их достижения. Это время становится праздником, так как ежедневно залы заполняются множеством посетителей.

Учебное заведение ордена святой Екатерины, или Екатерининский институт

Это заведение для бедных благородных девиц построил государь Павел. Каждая дама, имеющая орден св. Екатерины, обязана вносить на содержание заведения свою долю от всего имеющегося у нее дохода. Поскольку Мария Федоровна была гроссмейстером этого ордена, она была также главной смотрительницей института, где числилось 200 девиц, на содержание которых ежегодно тратилось 60 000 рублей. Институт находится на Фонтанке, помещаясь в старинном итальянском дворце, длина которого 64 сажени. Он один из красивейших в этом месте.

Здесь обучают так же, как и в Смольном. Девицы разделены на два класса. Старшие одеты в зеленые платья, а младшие в черные, камлотовые. Пояса и ленты на голове—цвета ордена св. Екатерины, то есть красные с золотыми краями. Опытные наставники обучают девиц разным наукам и рукоделию, как то пристало благородным и благонравным девицам. Обучение длится 6 лет. Каждые 3 года окончивших учение выпускают в определенном количестве и столько же принимают по выбору.

После смерти Марии Федоровны все благотворительные учебные заведения приняла под свое покровительство нынешняя императрица.

Марининский институт

Он построен и оборудован императрицей Марией Федоровной в 1797 г. Здесь воспитываются 40 девиц-сирот. Их обучают лишь тому, что может понадобиться для ведения дома и мирной благонравной жизни. Ни музыке, ни танцам их не

обучают. Взамен этого они особенно много занимаются рукоделием и ведением хозяйства. Рукоделия их поистине удивительны.

Институт этот стоит на Екатерининском канале, и ежегодно сама императрица лично тратит на его содержание 14 250 рублей.

Родильный, или Повивальный институт

Находится он в Нарвской части на Фонтанке и построен императрицей Марией Федоровной. В 1797 г. она купила прекрасный дом графа Зубова и основала там институт. 20 бедных замужних беременных женщин могут прийти сюда за несколько дней до родов и остаться здесь, не внося платы, до тех пор, пока не избавятся от бремени. После чего они с младенцем могут возвратиться домой.

Тут же помещается Повивальный институт, где 20 молодых девиц обучается акушерству у опытных профессоров. По окончании учебы их посылают в губернии акушерками. При этом им выдаются деньги на расходы, одежду и дорожные.

Больница императорского воспитательного дома для бедных

Это поистине место христианской благотворительности и подлинного человеколюбия. Дом сей отведен для страждущих и болящих, где занемогший бедняк найдет помощь и обеспечение.

В 1805 г. этот дом выстроен в Литейной части, и в первый же год 30 августа 1805 г., в день именин государя Александра, отворились двери для больных бедняков, не имеющих на белом свете никого из близких и крыши над головой. В тот год было принято 407 инвалидов.

Дом двухэтажный, не считая третьего, подвального, где находятся кухня, пекарня и баня для больных.

Со стороны улицы он огражден железной решеткой, а за домом просторный сад. На двух этажах расположено 26 палат, в которых разместилось 444 кровати для больных женщин и мужчин.

Кроме того, те, кто в состоянии работать или не хочет покидать свой дом, ежедневно приходят во множестве к врачам, которые их осматривают, делают перевязки, выдают из аптеки бесплатно лекарства. И так до выздоровления. Больных при-

ходящих записывают в книги врачи, среди которых один доктор главный, еще три доктора и 8 лекарей.

За болеющими женщинами там ухаживают женщины. Внутри здания находится церковь, расположенная таким образом, что больные, не покидая своего ложа, могут слушать молитвы и благословлять имя Марии Федоровны, основательницы этого дома.

Для содержания его в 1817 г. из казны было отпущено 2 000 000 рублей, которых хватит навечно.

Выздоровевшим здесь возвращается все их личное имущество и, кроме того, выдается на несколько дней пропитание, пока те не найдут себе работу. Тем же, кто живет далеко, выдаются еще дорожные.

В 1818 г. было принято в больницу 2 096 больных, из которых 1860 человек выздоровели. Приходящих больных и бесплатно лечившихся в том же году было 20 006 душ. С 1805 г., со дня основания дома, и до 1818 г. число принятых сюда людей составило 26920 человек, а приходящих — 278071.

Мраморный дворец

Этот великолепный дворец выстроила Екатерина II в 1770—1783 гг. для князя Григория Орлова, в знак благодарности за доблесть и службу отечеству. Но Орлов не дожил до завершения постройки, и государыня выкупила у наследников дворец для себя.

Нижний этаж весь из тесаного гранита, а два верхних из разноцветного отшлифованного мрамора — финляндского и сибирского. В окнах бронзовые, густо позолоченные рамы с хрустальными стеклами.

Во всем дворце полы и двери только деревянные, а все остальные из мрамора, бронзы и железа. Здесь жил до своей кончины польский король Станислав Понятовский. Затем дворец принадлежал царевичу Константину. А ныне его готовят для наследника Александра Николаевича.

Таврический дворец

Неподалеку от Смольного монастыря стоит этот дворец, выстроенный Екатериной II для фельдмаршала князя Потемкина. Поскольку после взятия Крыма Потемкин получил новое звание Таврический, то и дворец нарекли так же.

Главное здание, или Пантеон, с высокой аркой имеет два

флигеля, растянувшихся по всей улице. С фасадной стороны дворец отделяет от улицы железная ограда. Он одноэтажный. После смерти Потемкина во дворце каждой осенью жила Екатерина II. Внутри дворца с обеих сторон двумя рядами выстроились высокие колонны. Отсюда был выход в Зимний сад, отапливаемый подземными печами и трубами. Екатерина гуляла там и зимой под цветущими деревьями.

Ныне же в этой зале размещаются редкостные вещи старинного мастерства, хранившиеся ранее в Михайловском замке. Среди этих ценностей находится дивная группа Лаокоона и изображение спящей Клеопатры. Эти великолепные фигуры изваяны из белого каррарского мрамора. Спящий Эндимион и Диана, Амур и Психея, Аполлон и Антиной как высшие идеалы человеческой красоты невольно приковывают взор.

Сад разбит и украшен на английский манер. Хотя он закрыт для посторонних, тот, кто пожелает, может получить в конторе входной билет. В этом дворце в 1829 г. останавливался Хозрев Мирза.

Эрмитаж

Храм сей был выстроен Екатериной II в 1775 году. Он соединяется с Зимним дворцом крытым переходом. Здесь Екатерина находила отдохновение от дел государственных в общении и беседе с людьми высокого ума. Это уединение свое украсила она всем тем, что могли создать искусства, вкус и ученость. Множество комнат заполнено живописью. Величественные росписи лоджий Рафаэля были срисованы в Риме и затем для них была выстроена специальная галерея, названная Лоджиями Рафаэля. Богатая и дорогая коллекция резных камней хранится в этом здании. Великолепный кабинет монет и медалей умножает ценность собрания коллекций. Здесь находится редкостная библиотека, где имеются сочинения Д'Аламбера, Вольтера, Дидро, прекрасные ландкарты, купленные у Бушинга.

Император Александр еще более обогатил и украсил Эрмитаж. Для картин французской школы он выстроил отдельную галерею. В стеклянных шкафах разложены по порядку 30 000 резных камней и гемм. Радуют глаз роскошные вазы из колывановской порфиры и яшмы. Когда государь Александр в 1814 г. находился в Париже, он приобрел там множество редкостных произведений искусства для Эрмитажа. Говорят, Павел I за картину Потера, на которой изображена корова, за-

платил 30 000 рублей. Эта и другие картины находятся в отдельном помещении, около залы с драгоценными камнями. Таковы «Четыре времени года» Лоррена, «Снятие с Креста» Рубенса, «Расстрел в Антверпене» Тенирса и многие другие. В середине стоят четыре прекрасных статуи: Гебы, Амура и Психеи, Аполлона, Танцовщица — все из белого мрамора; несколько древних предметов из Геркуланума, как то: дивная ваза, ведро с барельефом, блюдо, цепи, кольца и др. Рядом в комнате в стеклянных шкафах лежат драгоценные камни: бриллианты, алмазы, золото и серебро, а также большие часы механика Кокса, привезенные из Лондона.

В Эрмитаже 4 000 картин — одна дороже другой, осмотр которых доставляет человеку удовольствие.

Кроме того, еще две галереи, где среди других выставлены 30 огромных картин Снейдерса. В малом кабинете, через который старая галерея сообщается с новой, находится рисунок царской фамилии, выполненный карандашом Анной Павловной. Во французской галерее среди других выделяются особо картины Греза, Лоррена, Ферне, Пуссена, Гобелена и др; Здесь же стоит стол, две стелы и вазы из малахита, а у выхода висит картина «Гений» Лебрена.

Императорский Зимний дворец

Старый Зимний дворец, где жили Петр Великий и супруга его Екатерина, и где они умерли, стоял на том месте, где ныне находится придворный театр и казармы первого батальона Преображенского полка. На месте же нынешнего дворца находился дом генерал-адмирала графа Апраксина, который завещал его императору Петру II. Жила же в нем императрица Анна.

Императрица Елизавета повелела графу Растрелли возвести нынешний дворец в камне. Под его руководством здание начали строить в 1754 г. и завершили в 1762 г. Длина дворца — 450, ширина — 350, а высота — 70 футов. По фасаду ионические и коринфские колонны и множество статуй и ваз на крыше.

Поэтому дворец кажется глазу грозным. Внутреннее убранство его, что и говорить, поистине великолепно. Там и живет император. Дворец этот самый большой. Он больше всех других в государстве.

Стоит он на Невском проспекте, недалеко от Аничкова моста, и является одной из красивых и величественных построек, украшающих город. Еще большую красоту придает ему сад с павильонами, окруженный чугунной оградой, красиво отлитой и покрытой бронзой.

Дворец построен в 1743 г. графом Растрелли и получил свое название Аничков—от моста. В нем живет наследник Александр.

Памятник Петру I

Прекрасный мастер Фальконе создал этот замечательный монумент, изображающий царя Петра сидящим на коне, взвешенном на дыбы и попирающем задними ногами змею. Правой рукой он указывает на море.

Монумент из меди (сомневаюсь), и стоит он на огромном камне, высотой в 45 футов. Камень этот был найден в 12 верстах от Петербурга, у деревни Лахта. Говорят, что царь Петр не раз взбирался на него. На пьедестале золотыми буквами начертано: «Петру Первому. Екатерина Вторая».

Кроме этого, в Петербурге еще три монумента. Первый — обелиск Румянцеву-Задунайскому, установленный Павлом в 1799 г. Вначале он стоял на Царицыном лугу (площади). А в 1819 г. его перенесли и установили между Кадетским корпусом и Академией художеств, дабы все учащиеся корпуса подражали этому доблестному мужу, учившемуся в нем когда-то. Обелиск имеет в высоту 82½ фута и вытесан из трех соединенных между собой глыб черного гранита. Пьедестал, или основание, на котором он стоит, из красноватого мрамора. Верхушку украшает позолоченная сфера, на которой восседает позолоченный же орел с распростертыми крыльями. На черной мраморной доске краткая надпись, тем особенно и прекрасная: «Победам Румянцева». Этот монумент создан по проекту придворного архитектора Бренны.

Второй монумент — памятник графу Суворову-Рымникскому, установленный в 1801 г. Раньше он стоял в Летнем саду, а потом был перенесен на берег Невы — между Мраморным дворцом и домом князя Салтыкова. Статуя отлита из бронзы и изображает храброго воина в римских доспехах. Шлем

покрывает голову. В правой руке—обнаженный меч, а в левой — щит, прикрывающий итальянские короны¹...

Наконец, третья статуя, изображающая Петра I на коне перед Михайловским замком. Император представлен в виде цезаря Августа на спокойно стоящем коне. На голове статуи лавровый венок, и в правой руке жезл повелителя. Установил памятник государь Павел, и на нем написано: «Правнук прадеду. 1800 год».

Вот и достопримечательная ограда Летнего сада со стороны Невы, состоящая из 36 гранитных колонн и чугунных, мастерски отлитых и густо позолоченных решеток. Ограда эта была установлена в 1784 г. и особенно хорошо смотрится во всем своем великолепии с большого Петербургского моста.

Говорят, один англичанин приехал из Лондона специально посмотреть эту ограду. Она настолько понравилась ему, что англичанин изрек: «Что же в Петербурге может быть лучше этого?!». И тут же, не осмотрев даже города, сел на свой корабль и вернулся восвояси.

Общественные и развлекательные места

Первым развлекательным местом является театр, обнаруживающий к тому же уровень просвещенности нации и имеющий огромную нравственную силу, так как театр есть отражение нашей жизни. Все злые дела, верой нашей признаваемые грехами, театр представляет нам и приводит в смятение нас. А прекрасное изображение добрых дел напротив наполняет сердца наши невыразимой радостью, призывая к их защите и подготавливая нас к терпению мук наших. Насколько развит театр, настолько и общество высоко просвещено. В стране же, где нет театра, у народа не может быть и просвещенности.

В Петербурге три театра: новый большой, выстроенный взамен малого старого, находящийся между Аничковым дворцом и Императорской библиотекой (старый малый театр, стоящий там же, снесли и поэтому перед новым театром образова-

¹ На жертвеннике, стоящем рядом с фигурой, лежат неаполитанская и сардинская короны и папская тиара, которые прикрываются щитом и гербом России. Эта аллегория свидетельствует о доблестной защите Италии русскими войсками, под водительством Суворова от нашествия Наполеона (Ленинград от «А» до «Я». Л., 19...).

лась прекрасная площадь), большой старый театр и новый деревянный театр у Семеновского моста.

В великий пост представления отменяются, а взамен даются концерты. Зимой по воскресеньям и праздникам устраиваются маскарады. Здесь собирается весь свет, богато разряженный, как это подобает такому городу, каким является Петербург. Во время моего пребывания один такой публичный маскарад состоялся в доме Энгельгардта. Много удовольствий в зимние месяцы предоставляют два танцевальных клуба. Оба они богато обставлены, и собираются там только люди высшего общества и члены клуба. Однако, член одного клуба может пригласить туда своего знакомого. Во второй же танцевальный клуб на бал может войти любой посетитель по билету, уплатив за него деньги.

Кроме этих есть еще четыре клуба для времяпрепровождения. Здесь первым развлечением является игра в карты.

Есть места развлечений и для простого народа. На мсленицу, когда замерзает река, устраивают ледяные горы, качели и разные игры. Тут же, на Неве, строят деревянные сараи (балаганы—переводчики), где показывают свое искусство лицедеи. Такие же качели устраивают и на пасхальной неделе. Только взамен ледяных уже деревянные горы. В сараях показывают разных животных и выступают акробаты на канатах. Красивое зрелище представляет в это время Петровская площадь или площадь перед Каменным театром, где у качелей веселятся толпы простого народа, среди которых медленно разъезжают множество богатых карет. Иногда в праздники туда приезжает даже царская семья. Случается, что в придворных каретах привозят воспитанниц из Смольнинского или Екатерининского институтов посмотреть на гуляние.

Летние места для прогулок

С наступлением первого мая горожан ожидают новые развлечения на больших публичных гуляниях в Екатерингофе. В чудесном лесу разбивается множество красивых палаток, где кутит и веселится простой люд. Избранные же разъезжают в каретах, некоторые верхом, а то и пешком, чтобы лучше видеть все происходящее.

На второй день Троицы большое гуляние устраивается в Летнем саду.

В середине мая все выезжают на жительство в деревни, вельможи и богатые люди на свои дачи и в загородные дома.

а те, кто могут, стараются снять дом на лето. Те же, кого удерживают в городе служба или другие причины, ищут отдохновения в Летнем саду или же по вечерам катаются на лодках у Крестовского или Елагина островов. По воскресеньям и на праздниках много гуляющих собирается на Крестовском острове. Там можно найти и качели, и горы, и много других развлечений для простого люда. Более солидные горожане привозят с собой еду, и в уединенных местах просто отдыхают на лоне природы.

Летние места развлечений: летние императорские резиденции, Царское село, Павловск, Гатчина, Петергоф (1 июля праздник его открытия) и Ораниенбаум, известные своими красивейшими окрестностями.

* * *

29 июня и 3 июля 1832 года государь со всем своим семейством присутствовал на большом гулянии и фейерверке.

В день Петра и Павла слушал службу у царицы имеретинской Мариам, куда был приглашен царевичем Фарнаозом. После обеда царевич Луарсаб и я поехали на Елагин, где гуляло множество народа. Острова Елагин, Каменный и Крестовый были переполнены женщинами и мужчинами, а также богатыми экипажами. После ненастья день был прекрасен. Красив и сам остров. Представьте густой лес, по которому извиляются красивые дорожки, а повсюду тут и там виднеются живописные домики. Остров так же, как и другие, омывают протоки Невы, а на них множество прогулочных лодок. Играет музыка, где-то слышится пение. Верхом, пешком и в каретах прогуливаются люди; там старые, тут молодые — все это являет глазам прекрасную живую картину. На Елагине красивый государев дворец, окруженный цветниками и кустарниками; Каменный — с театром и Крестовский — с дворцом Михаила Павловича. Разделенные протоками, эти острова связаны между собой. Их соединяют красивые мосты. Человеку из наших краев наверняка понравятся эти места, напоминающие родные.

Солнце садилось. Его лучи едва пробивались сквозь листву и золотили поверхность воды. Очень довольный возвратился я домой.

В Петергоф поехал июля 14 дня 1832 года, в воскресенье. Обедал у царевича Теймураза. Увидел я тот дивный сад, молва о котором разошлась по всему свету. Его фонтаны поражают всех посетителей; главнейший среди них — Самсон, раздирающий пасть льва, — стоит перед дворцом. Из пасти бьет струя

воды высотой более 10 саженей. В два ряда расставлены разные бронзовые позолоченные статуи, также извергающие воду. Струи ее льются и из ваз, и из чаш, стекая по семи ступеням, точно искрящееся стекло, омывая портреты (маскароны — переводчики) на ступенях. Вода изливается разными струями: то в виде шара, то в виде чаши, то тонкими стремительными струйками, бьющими из змеиных пастей навстречу друг другу. Все остальные фонтаны меньше Самсона. А их в саду много. Среди них примечателен фонтан Пирамида. И кто не удивится, когда увидит дуб и сосну, из листьев и хвои которых бьет то-ненькими струйками вода. Они из чугуна, но с таким искусством сотворены, что не отличишь их от стоящих рядом живых деревьев. Я сел на специальную скамью под огромным грибом, с которого начала стекать вода, появилась вода и вокруг меня, точно так же, как и под дубом, она стала выбиваться дождем из-под земли. В одном бассейне собака с лаем преследует кричающих уток, из клювов которых струйками бьет вода. На высокой горе из пещеры вылез страшный дракон с разверстой пастью. Там и сям стоят крокодилы, открыв свои страшные пасти. И из этих пастей низвергаются струи воды, кажущиеся живым стеклом. Множество рыб разного вида, черепахи, овцы, лошади сотнями заполняют разные фонтаны, где льется, журчит и низвергается стремительными струями вода. Описать каждый из них весьма сложно, но очевидно — то, что продиктовано разумом, исполнено с совершенным искусством.

В одном большом бассейне множество рыб, по звону колокола подплывающих к краю на кормежку. Когда спускаешься по первым ступеням у дворца, попадаешь в большой грот, облицованный известняком, мхом и перламутром. Видел я и государевы ванны.

В Монплезире сохраняется одежда государя Петра, его трости, рукомошник, кастрюля, сковорода, оловянные тарелки.

К вечеру пожаловали государь и Михаил Павлович из Царского села. Здесь я увидел Николая Николаевича в красной рубахе, очень похожего на государя.

Сад заканчивается прямо у моря, и это придает ему особенно живописный вид. Множество больших парусных судов, лодок и пароходов проплывали мимо (из Петербурга в Кронштадт и из Кронштадта в Петербург). Вечером перед дворцом играла музыка.

Входя в (верхний — переводчики) сад, минуя малые фонтаны, приходишь к большому, в середине которого, точно в мо-

ре, взору предстает Нептун с трезубцем. А вокруг него морские боги и кони, рыбы и купидоны.

Вечером вернулся я в Петербург — 26 верст сплошных прекрасно выстроенных и украшенных дач. И стоит Петергоф того, что 1 000 верст пройти, дабы увидеть его.

* * *

15 августа. Вечером побывал у царевича Фарнаоза, где после беседы о разных вещах с царевичем Дмитрием, разговор пошел о выдающихся музыкантах: о Моцарте, написавшем «Сотворение мира»¹, о его сочинении «Хаос и да будет свет», кн. Бытия, гл. 1; о Вебере, умершем в 38 лет и написавшем великолепную музыку «Фрейшютца»; о Россини, который в 20 лет создал «Севильского цирюльника» и много другой превосходной музыки; о Керубини, написавшем «Верую в бога единого», а еще более достойно похвал его «И страдал, и был погребен и воскрес на третий день», — что есть прекрасная музыка.

* * *

18 августа. Вечером побывал у царевича Фарнаоза, где беседовал с царевичем Дмитрием о живописи: он хвалил «Мадонну» Рафаэля, а еще больше «Пожар Рима», Корреджево «Расставание дня с ночью» — 15 миллионная (?), «Рождество Иисуса Христа» — 4 миллионная (?), Микеланджеловское «Снятие с креста». Он же возвел дивный купол римского собора святого Петра, высотой в 60 саженей.

* * *

В Америке есть высокая скала высотой 24 сажени, откуда низвергается большая река. Говорят, что вблизи земля дрожит и стоит устрашающий грохот.

* * *

22 августа. Отобедал у царевича Фарнаоза, и разговор зашел о географии. Есть на Севере город Кола, где в году 8 дней не заходит солнце, а в Стокгольме 1 день.

Вечером с царевичем Дмитрием говорили о Грузии, о бедности ее, о том, что живущие там не знают способов обогащения и значения фабрик и тому подобных заведений.

¹ Автор ошибается. Оратория «Сотворение мира» принадлежит И. Гайдну.

* * *

В 1832 году августа 30 дня воздвигали большую колонну как памятник государю Александру. Вся царская фамилия — после службы в Александро-Невском соборе пожаловала посмотреть: государь, наследник, Михаил Павлович и их свита — все верхом. За ними императрица в золотой карете и ее фрейлины. Впереди ехал черкесский эскадрон. Государь ждал у лестницы императрицу. Вместе взошли они на дощатый помост неподалеку от колонны. Там под навесом стояли придворные, поплы. Много народу собралось, чтобы посмотреть.

По знаку государя загремели барабаны на молитву, после чего трижды ударили в колокол, и в 2 часа пополудни начали подъем колонны. В 4 же часа она уже была водружена на место. Тотчас на верхушке колонны залескался государев флаг (с изображением орла). Государь возгласил: «Ура!». Войско и великое множество людей подхватили. По окончании государь и императрица предстали перед народом, кланяясь в разные стороны. С той же церемонией отправились они во дворец. Вечером была иллюминация.

31 августа. Великий князь сделал смотр нашему батальону. Вечером была премьера (пьесы) «Минин и Пожарский» в новом театре на Невском проспекте, наименованном Александринским.

1831—1832.

«НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА...»

В ПОДЛИННЫЙ праздник грузинского художественного слова вылился литературный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе, который прошел в литературно-мемориальном центре, в доме, где располагалась редакция газеты «Иверия».

Вечер был организован по инициативе тбилисского дома-музея писателя, недавно открывшегося в Тбилиси на улице Калинина.

Слово об Илье произнес член научного совета Дома-музея профессор С. Хуцишвили. Перед собравшимися выступили поэты Н. Габричидзе, М. Поцхисвили, Н. Джалагония, Т. Джангулашвили, В. Горганели, писатель Р. Джапаридзе.

Актеры З. Кверенчиладзе, Л. Чхеидзе, В. Рцхиладзе, Т. Сакварелидзе прочитали стихи, отрывки из произведений писателей, письма.

В дар Дому-музею профессор Г. Шарадзе передал факсимильное издание опубликованной в 1895 году в Лондоне поэмы «Отшельник» в переводе Марджори Уордроп и выпущенную к юбилею писателя книгу «Илья Чавчавадзе. 1837—1907».

НА БОЛЬШОЙ ГРУЗИНСКОЙ...

В ДОМЕ-МЕМОРИАЛЕ грузинского поселения в Москве XVII—XVIII веков, являющемся филиалом Музея дружбы народов Академии наук Грузинской ССР, прошли выставка и вечер, посвященные 150-летию выдающегося грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе, организованные отделами искусства (И. Бахтадзе) и литературных взаимосвязей (И. Богомолов) Музея дружбы народов. Они были посвящены жизни и деятельности писателя. По инициативе Музея дружбы народов, Министерства культуры и Союза художников Грузии москвичам была предоставлена возможность познакомиться с рядом интересных фотодокументов и отдельными произведениями изобразительного искусства.

На вечере в доме на Большой Грузинской выступили поэты Дж. Чарквиани и А. Сулакаури, директор Дома-мемориала Дж. Ватеишвили, директор Музея дружбы народов Г. Жоржوليани и заведующий отделом литературных взаимосвязей И. Богомолов.

На вечере также выступили камерный хор девушек г. Гори, народная артистка Грузинской ССР М. Томадзе, народная артистка Грузинской и Армянской ССР С. Чиатурели.

Большой интерес вызвала и экспозиция, на которой были представлены работы Д. Нодия, Д. Эристави, Л. Шенгелия-Абашидзе, Р. Тордия.

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

«ГРУЗИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ, ШЕКСПИР...»

«Грузия, Революция, Шекспир...» Настало время выдвигаться шекспировскому звену из этой цепи. Нельзя не согласиться с утверждением Л. А. Озерова — комментатора и исследователя творчества Б. Пастернака: «К тайнам Шекспира Пастернак прорывается не сквозь книгохранилища, а сквозь время... Новая попытка разгадать Шекспира не столько сопрягается с предыдущими попытками, сколько исходит из нового духа времени. Пастернак, воспроизводя Шекспира, сталкивает его мир с нашим миром, XVI век с XX веком. Век Ленина, Эйнштейна, Кюри, Менделеева, Ферми с веком Монтеня, Бэкона, Эразма Роттердамского, Коперника, Сервантеса, Кеплера. Пастернак прочитывал Шекспира после трех русских революций, двух мировых войн, после Сеченова, Павлова, Лобачевского, Блока, Станиславского, Скрябина, Врубеля, Хлебникова, Маяковского, Цветаевой. В работе Пастернака, как и каждого настоящего художника, ощутимо участвовал великий опыт русской истории, опыт нескольких поколений мыслителей и

Окончание. Начало в № 11, 1987 г.

писателей... Интерес Пастернака к Шекспиру вырос из его собственной поэтической практики, из его желания увести новое искусство от поверхностных одноцветных и однолинейных построений к серьезным драматическим мирам, к характерам и ситуациям, вовлекающим современного читателя и зрителя в большие, нет, грандиозные задачи. Шекспир привлекал Пастернака мощным своим реализмом, опирающимся не на рассуждения о необходимости правды жизни и верности правде чувств, а на самое пристальное изучение неприкрашенной повседневности и истории. Это путь от принципов реализма к самому реализму...» Это относится ко всей пастернаковской работе над Шекспиром. Но начало было положено «Гамлетом», и сказанное в значительной степени распространяется на него, а в каком-то плане даже наиболее близко ему, сокровенно. Работа над «Гамлетом» была начата в пору, когда многие трагические коллизии, связанные с роковым отступлением от норм социалистической нравственности и социальной морали, от ленинских принципов социалистического народоправия и законности, при всей неизбежной разнице между субстанционными и имманентными свойствами различных эпох и общественных формаций не могли не вызвать ассоциаций и аналогий, в силу которых, говоря по-нашему, морально-этическая проблематика «Гамлета» приобрела особое звучание. В условиях, когда «дней связующая нить» оказалась под угрозой, когда «форме» грозила «порча» («форма же есть органический ключ существования, формой должно владеть все живущее, чтобы существовать, и, таким образом, искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования»), в обстановке, когда, несмотря на разницу, предопределяемую «величием дня», «надежда славы и добра» столкнулась все же с «тупиком при встрече с умственной ленью», как некогда мысль датского принца не пожелала «мириться со знакомым злом», чтобы не обречь себя на «бесплодье умственного тупика», когда «принципы» и «принципы» оказались произвольно оторгнутыми друг от друга и возобладало хоть в какой-то сфере, пусть узкой, но тогда довлеющей, «свинство мнимых сфинксов», в этой атмосфере искусство пыталось «служить красоте», ибо «красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования». Это тоже было «второе рождение» и осуществление завета Маяковского:

Я знаю силу слов. Я знаю слов набат.

Они не те, которым рукоплещут ложи.

От слов таких срываются гроба

Шагать четверкою своих дубовых ножек.

041935940
3032010033

Имя и слово Маяковского и здесь возникают с повелительностью истины и закона. Шекспир жил и в Маяковском, прогремев в этих последних его стихах поистине набатным голосом. Первым на это обратил внимание Борис Пастернак, как раз завершивший работу над «Гамлетом» и отдавшийся «Ромео и Джульетте». Об этом есть стенографически точное свидетельство П. Gladкова: «Лучшая моя работа — «Гамлет», я это знаю, что бы мне о нем ни говорили... У Шекспира это субъективнейшая из трагедий, поскольку трагедия может быть субъективной. Другое дело — «Ромео и Джульетта»... Я нашел в тексте «Ромео и Джульетты» много почти дословных сходств с образной системой Маяковского (и в том числе даже «любвоную лодку», натолкнувшуюся на быт, — финальные реплики Ромео). Здесь сходство настолько близко, что мне пришлось даже его уничтожить, чтобы оно не бросилось в глаза. Для меня несомненно, что Маяковский читал и учился у Шекспира. Есть у обоих поэтов и природное, так сказать, врожденное сходство, например, в типе их остроумия... У Маяковского литературная родословная гораздо сложнее, чем принято считать. Я воспринимаю его как продолжение Достоевского. Его ранние стихи могли бы написать младшие герои Достоевского, молодые бунтари типа Ипполита, Раскольников и героя «Подростка». Все лучшее, что им сказано, сказано навсегда, прямолинейно и непримиримо, и даже не столько сказано, как с изумительным размахом брошено обществу, городу, пространству...»

Надо ли напоминать, что названная выше «любвонная лодка», которая «разбилась о быт», была из второго, посмертно прозвучавшего вступления «Во весь голос», так потрясшего и Пастернака, писавшего в «Охранной грамоте» о том, как он «в слезах» услышал Маяковского, «когда он во весь голос о себе напомнил, как бывало, но уже из могилы». А ведь «любвонная лодка» впервые появилась у Маяковского в «Про это»; и там же он сам себя назвал Раскольниковым: «Не молкнет в сердце боль никак, кует к звену звено. Вот так, убив, Раскольников пришел звенеть в звонок». И так же, как «Про это» подхватывало «из-за семи лет» голос, раздавшийся в «Человеке», через семь лет после «Про это» «любвонная лодка» появилась в последних стихах поэта. А за «любвонной лодкой» следовали слова, где у юного Ромео брал, подхватывал слово всевозрастный Гамлет:

Ты посмотри, какая в мире тишь.
Ночь обложила небо звездной данью.
В такие вот часы встаешь и говоришь
Векам, истории и мирозданию.
Я знаю силу слов. Я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба —
Шагать четверкою своих дубовых ножек.
Бывало выбросят, не напечатав, не издав,
А слово мчится, подтянув подпруги,
Звенит века, и подползают поезда
Лизать поэзии мозолистые руки.
Я знаю силу слов. Глядится пустяком,
Опавшим лепестком под каблуками танца,
Но человек душой, губами, костяком...

Этими незавершенными, на полуслове оборвавшимися строками заканчивал великий артист Владимир Яхонтов одну из своих композиций по Маяковскому, с конгениальной Пастернаку интуицией и прозорливостью монтируя эти стихи с текстами из Достоевского, «продолжением» которого воспринимался Маяковский обоими.

Что касается «природного, врожденного сходства» Маяковского с Шекспиром, угаданного Пастернаком, то здесь у Маяковского был еще один могучий союзник и, я бы сказал, посредник — тот самый, с которым у него была «в запасе вечность» и которому он признался как-то на Тверском бульваре — «вот когда и горевать не в состоянии — это, Александр Сергеевич, много тяжелей», хотя и оговаривался при этом: «Нет, не навяжусь в меланхолишке черной, да и разговаривать не хочется ни с кем. Только жабры рифм топырит учащенно у таких, как мы, на поэтическом песке».

Шекспир — Пушкин — Маяковский... Академик М. Алексеев в своем обзоре и анализе первого, естественно, «двучлена» этого ряда, помимо всего прочего (и главного к тому же), оттачивает на сближающей Пушкина с Шекспиром метафорической структуре некоторых его поэтических построений позднего периода. Он пишет:

«В связи с этим еще и И. С. Тургенев (в письме к П. В. Анненкову от 2 (14) февраля 1853 г.) сделал очень тонкое наблюдение: он процитировал из монолога Скупца стихи о соевести, которые, по его мнению, «носят слишком резкий отпечаток нерусского происхождения»:

Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц, и могилы
Смущаются и мертвых высылают...

и прибавил: «Чистая английская, шекспировская манера». В подкрепление этого суждения Н. О. Лернер привел действительно ряд сходных мест из произведений Шекспира, например, мрачную картину могил, извергающих мертвецов, которая встречается у него неоднократно, что и заставляет думать, что она внушена Пушкину Шекспиром... Н. О. Лернер напомнил прежде всего слова, сказанные Макбетом, когда он видит дух убитого Банко: «Если склепы и наши могилы высылают назад тех, кого мы похоронили, то наши памятники должны быть утробами коршунов»; ту же картину восстания мертвых из могил он находит в словах Просперо в «Буре». Гамлет спрашивает призрак отца: «...Отчего гробница, где мы в покое видели твой прах, разжала с силой челюсти из камня, чтоб выбросить тебя?». В одном из монологов Гамлета упоминается та «пора ночного колдовства», когда «скрипят гроба»¹... «Воображение Пушкина, — замечает по тому поводу Н. О. Лернер, — восприняло это создание Шекспирова воображения. Наш поэт обогатил пленивший его образ одною деталью, еще живее и еще мрачнее: у него могилы «смущаются».

Конечно, все отмеченные выше аналогии следует рассматривать не как примеры обычного литературного влияния или тем более невольных реминисценций (не те, так сказать, партнеры!), но в свете социально-исторического контекста, который определен самим М. Алексеевым так: «Пушкин предлагал своему другу А. А. Дельвигу взглянуть на восстание декабристов на Сенатской площади с той же широтой взгляда на исторический процесс, с тем же пониманием социальных конфликтов и неизбежности жизненной борьбы, какое, с его точки зрения, всегда отличало Шекспира. «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики, — писал Пушкин, — но взглянем на трагедию взглядом Шекспира»... Таким образом, Шекспир переставал быть источником только литературных или театральных воздействий; он становился теперь также мощным импульсом идейных влияний, проблемой мировоззрения, со-

¹ Все цитаты из Шекспира, приведенные М. Алексеевым и Н. Лернером, даются нами в переводах Б. Пастернака (Г. М.).

действовал выработке представлений о ходе истории, о государственной жизни и человеческих судьбах... На примерах произведений Шекспира Пушкин задумался над тем, как история — не когда решала актуальные и для России его времени проблемы узурпации власти, соотношения народа и правителей, преступления и наказания, индивидуальной больной совести и общественного блага, любви и ненависти в различной социальной среде и т. д. Не подлежит сомнению, что с особым вниманием Пушкин читал и перечитывал в эти годы «Гамлета» и «Макбета», «Ричарда III» и ряд исторических хроник Шекспира».

И вот вступает в силу в первой трети двадцатого века «природное, врожденное сходство» Владимира Маяковского с великими пращурами. Возрождается шекспировский могучий метафоризм, обогащенный пушкинским восприятием. Даже если ограничиться вышеприведенным отрывком из монолога Скупого рыцаря со сказавшейся в нем «шекспировской манерой», то тут же придут на память и выстроятся в генетический или хотя бы типологический ряд с «когтистым зверем, скребущим сердце, совестью» — «скребущейся ревности времен троглодитских тогдашнее чудище» или «сквозь первое горе бессмысленный, ярый, мозг поборов, проскребается зверь» из «Про это» Маяковского, а с той же «совестью»... «ведьмой, от коей меркнет месяц, могилы смущаются и мертвых высылают» — конечно же, в первую очередь, неоднократно вспомнутая нами «сила слов», от которых «срываются гроба шагать четверкою своих дубовых ножек». Более того, даже «поезда», которые «подползают... лизать поэзии мозолистые руки», при всем несоответствии характеру транспорта в шекспировские времена — по природе и по породе своей могут быть отнесены к тому же ряду, так же, как и «улиц забитый булыжником труп» или «никто не мешал могилами спать кудроголовым волхвам» или «послушай, все равно не спрячешь трупа, страшное слово на голову лавь...», и там же во «Флейте-позвоночнике» — «ямами двух могил вырылись в лице твоём глаза». Ряд этот можно длить и длить (и не обязательно привлекая «замогильные» образы). Отметим лишь одно еще свидетельство «шекспировских истоков» метафоризма Маяковского. Заглянем опять-таки в «Гамлета». Принц Датский протягивает приставленному к нему наушничать Гильденстерну флейту, просит его сыграть на ней что-нибудь и на возражение последнего, что тот не знает, как ею пользоваться, обрушивает на него речь, полную брезгливого сарказма: «Вы собираетесь играть на мне. Вы приписываете себе знание моих клапанов. Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тай-

ны... Что ж вы думаете, что со мной это легче, чем с флейтой? Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя». Смысл этой реплики Гамлета в том, что на таком «инструменте», как человеческая душа, может «играть» только сам обладатель этого инструмента. Так вот Маяковский именно этот образ и берет за основу в своей «Флейте-позвоночнике», объявив во вступлении к ней: «Я сегодня буду играть на флейте. На собственном позвоночнике». Добавим к этому, что первая же строфа вступления к «Флейте-позвоночнику», как близнец, напоминает шекспировскую мизансцену Гамлета с черепом «бедного Йорика»:

Как чашу вина в застольной здравнице
Подъемлю стихами наполненный череп.

И такова уж закономерность: между Шекспиром и Маяковским должен возникнуть Пушкин. И как заранее предсказанная и оставленная вакантной ячейка в таблице Менделеева, приходят пушкинские строки, искомым элементом восполняя эту ячейку:

Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу,
Изделе гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсару подражай
И скандинавов рой воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Баратынский,
Над ним задумчиво мечтай...

Как видим, оба первоисточника блистательной метафорической контаминации Маяковского не только явны, но и далеко не случайны в свете всего вышеизложенного и открытого вещим ключом пастернаковского прозрения. На таком прочном основании уже и случайные, на первый взгляд, детали или по иному поводу оброненные крупички наблюдений «льются на ту же мельницу». Вот одна из таких крупичек.

«Гамлет» Пастернаком давно переведен, но споры вокруг текста перевода продолжаются в связи с готовящимся его пе-

реизданием. И Борис Пастернак, 15 июля 1942 года отвечая своему редактору М. М. Морозову, пишет, в частности, и о следующем: «Машина» значит именно то, что Вы хотите: тело и пр. Машина, как и *machina*, одного греческого происхождения... и английская и русская судьба этого слова одинаковы. Помимо технического смысла у него есть значение глыбы, громадины. «Что может хотеться этаким глыбе? А глыбе многое хочется». Маяковский. «Старое «машина» сохранило только тот народно-фигуральный смысл. Так может о себе сказать увалень или английский Пьер Безухов — Гамлет (о если б этот куль мясной...), либо как толстяк, очень скульптурно видящий себя сверху, либо просто как через край одухотворенный человек, привыкший говорить о себе с шутиливой объективностью...».

Кстати, о «шутливой объективности». Как мы помним, высказав мысль о «природном, врожденном сходстве» Маяковского с Шекспиром, Борис Пастернак в качестве одного из примеров этого сходства указал на «тип их остроумия». В этом отношении ирония и сарказм монологов и реплик Гамлета, особенно в их противостоянии миру Клавдия и исполнителей его воли, дает благодатный материал для сравнения. Вообще, полемическая стихия в поэзии Маяковского, там, где она носит гротескно-драматический или даже трагический характер, чрезвычайно близка гамлетовской иронии и сарказму. Даже чередование прозаических и стихотворных «пассажей» в «Человеке» Маяковского обнаруживает признаки такого родства. Исходя из этого и имея в виду это, Борис Пастернак в той же беседе дал и чрезвычайно глубокую оценку вообще «эстрадной», «трибунной» стороне деятельности Маяковского при всем при том, что он оговаривал в отношении лично себя право на совершенно иные пристрастия, склонности, позицию и даже манеру. Тем значительнее и весомее его рассуждения и выводы: «Однажды, в начале двадцатых годов, явившись на очередное поэтическое ристалище внутренне несобраным, недовольным собой, потерянным и недостойным чьего бы то ни было внимания, я, выйдя на эстраду Политехнического, был встречен громкими аплодисментами. В эту минуту я почувствовал, что стою перед возможностью рождения второй жизни, отвратительной по дешевизне ее мишурного блеска. И тогда меня навсегда отшатнуло от этого пути эстрадного и почти балаганного разврата. Я предпочел поездкам поэтов на читки своих произведений поездки, которые совершали Пушкин, Лермонтов и Тютчев по своим книгам, и я все силы своей души отдал трудностям этих поездок, навсегда меня пленивших, так непохожих на легкость пое-

здешних эстрадных... Вы говорите о Маяковском? Я стал удивляться его гениальности раньше большинства, клянущегося сейчас ему в верности, и долго любил его до обожанья. Но Маяковский на эстраде был такой живой и потрясающей истиной и давал так много, что на несколько поколений вперед оправдал это для него одно бесспорное поприще и тем самым искупил вперед грехи будущих героев поэтического мюзик-холла, в своем развитии дошедшего до дикарства». Но как бы ни разграничивал Борис Пастернак свои и Маяковского «поездки» — в обоих случаях это была «езда в неизвестное», говоря о которой, Маяковский требовал у «фининспектора»: «Выправьте в НКПС на бессмертье билет и, высчитав действие стихов, разложите заработок мой на триста лет!». В эти «поездки» в обоих случаях входило, конечно, и противостояние «пошлине бессмертной пошлости» — в разных формах — и в прямой, беспощадной, не на жизнь, а на смерть, с нею борьбе, как в случае с Маяковским, и просто «световым ливнем» своих книг, как в случае с Пастернаком. Но обнаруживались и непосредственные точки соприкосновения, подмеченные еще в пору «Сестры моей — жизни» все той же ясновидящей Мариной Цветаевой: «Многое тут можно было бы сказать — рвется! — но уступим дорогу еще более рвущемуся из меня: самому Пастернаку:

...Он видит, как свадьбы справляют вокруг,
Как спаивают, просыпаются,
Как общелягушечью эту икру
Зовут, обрядив ее, — пакусной».

Как видим, Марина Цветаева цитирует строки из того самого «Послесловия», начальные строки которого нам довелось сопоставить раньше с «Про это» Маяковского. (Пастернак: «Когда любит поэт... хаос опять выползает на свет, как во времена ископаемых... Он кажется мамонтом», и Маяковский: «Скребущейся ревности времен троглодитских тогдашнее чудище» — напоминавшее нам образы «Скупого рыцаря» и «Гамлета»). Но продолжим прерванную нами цитацию. Итак, поэт видит:

Как жизнь, как жемчужную шутку Ватто,
Умеют обнять табакеркою,
И мстят ему, может быть, только за то,
Что там, где кривят и коверкают,
Где лжет и кадит, ухмыляясь, комфорт,
Где трутнями трутся и ползают,

Он вашу сестру, как вакханку с амфор,
Подымет с земли и использует.
И таянье Андов волеет в поцелуй,
И утро в степи, под владычеством
Пылающих звезд, когда ночь по селу
Белеющим бляньем тычется.

А комментарий к процитированному у Цветаевой таков: «Прозаизм Пастернака, кроме природной зоркости — это святой отпор жизни — эстетству: топору-табакерке. — Ценней ценного. Где на протяжении ста тридцати шести страниц вы найдете хоть одну эстетствующую запятую? Он так же свободен от «общепэстетических» лун-струн, как от «крайне-индивидуальных» зубочисток эстетства. За сто верст на круг обойден этой двойной пошлостью. Он человечен — Durch. Ничего, кроме жизни, и любое средство — лучшее. И — не табакерку Ватто он топчет, сей бытовой титаненок, а ту жизнь, которую можно вместить в табакерку.

Пастернак и Маяковский... Смотрите конец:

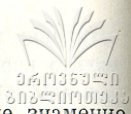
И всем, чем дышалось оврагам, векам,
Всей тьмой ботанической ризницы,
Пахнет по тифозной тоске тюфяка
И хаосом зарослей брызнется.

Вот оно — Возмездие! Хаосом зарослей — по разлагающемуся тюфяку эстетства!..».

«Пастернак и Маяковский» — сказала и здесь Марина Цветаева, имея в руках пока только «Сестру мою — жизнь» первого и «150.000.000» второго. Но сравните «Послесловие» Пастернака с «Про это» Маяковского и убедитесь, что метафорическую повесть Пастернака про то, как «любит поэт», можно было бы взять эпиграфом к поэме Маяковского, поведавшего нам так же «про это». И вот где «подключается» — еще так рано! — Борис Пастернак к единому в «пространстве времени» хороводу, где Ромео и Гамлет охотно уступают слово Владимиру Маяковскому, богатому еще и пушкинским наследием и гордому поэзией Пастернака, его отношением и к слову и к любви, ставящему его в пример своим поэтическим собратьям: «Отношение к строке должно быть равным отношению к женщине в гениальном четверостишии Пастернака:

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспинову,

Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

И разве не высший знак тайного родства и не знамение «шекспировской» вечности в том, что в 1915-м же году, когда был написан (напечатанный два года спустя) «Марбург» Пастернака (откуда и эти строчки), Маяковский родил в своей «гамлетической» «Флейте-позвоночнике» столь же гениального близнеца этой строфы:

А я вместо этого до утра раннего
В ужасе, что тебя любить увели,
Метался и крики в строчки выгранивал,
Уже наполовину сумасшедший ювелир.

Весь этот крепчайший узел родства и сообщничества поэтов, пролагающих «воздушные пути» через границы эпох и стран, через «головы поэтов и правительств», и имел в виду Борис Пастернак, говоря о «природном, врожденном сходстве Маяковского с Шекспиром».

Заканчивая это отступление, добавим, что пастернаковская зоркость тем зорче, что он, говоря о родственных узах, соединяющих Маяковского с Шекспиром, имеет в виду близость лирического поэта к драматургу через специфический ряд героев последнего. И так же, как в случае сближения Маяковского с «младшими героями Достоевского», он мог бы сказать, что в монологах Маяковского ему слышится голос Гамлета.

Все эти сближения не только не произвольны, но природа их лежит гораздо глубже, чем это может предполагаться примерами конкретных совпадений. Вот почему Борис Пастернак, устраняя «бросающиеся в глаза» черты близости Шекспира и Маяковского, не снимал, а углублял проблему, перенося ее в сферу «природного, врожденного сходства». Тут вступало в силу то свойство гения, которое делает его универсальным, всечеловечным», а «лучшее, что им сказано — сказанным навсегда с изумительным размахом брошенным обществу, городу, пространству», как сказал Пастернак о Маяковском, и «векам, истории и мирозданию» — как сказал сам Маяковский. А в этом **пространстве времени**: Шекспир, Пушкин, Достоевский, Важа Пшавела, Маяковский — это один поэт. Кстати, само понятие «всечеловечности» — и именно в применении к Пушкину — было выдвинуто как раз Достоевским в его эпохальной речи о Пушкине, с такой глубиной постижения подхваченной в новую эпоху Александром Блоком. В контексте же

нашего обзора мы уже были свидетелями того, каким мудрым сигналом и «широчайшим обобщением» раздался голос Пушкина «столетье с лишним» спустя, когда он выступил в удивительном дуэте с нашим современником. А этот современник — Борис Пастернак — в том же году, когда писал это провиденциальное стихотворение, рядом же, на страницах прозы своей — «Охранной грамоты» — заканчивая знакомую нам главу о Маяковском, касаясь той струны, которая зазвучала у него «во весь голос», и обстоятельств и атмосферы, в которой струна эта издала свой предсмертный, посмертный и бессмертный звук, вспомнил, назвал «всечеловечного» Пушкина и вновь поставил рядом разделенных столетьем поэтов: «Но кто поймет и поверит, что Пушкину восемьсот тридцать шестого года внезапно дано узнать себя Пушкиным любого, — Пушкиным девятьсот тридцать шестого года? Что настанет время, когда вдруг в одно перерожденное, расширившееся сердце сливаются отклики, давно уже шедшие от других сердец в ответ на удары главного, которое еще живо, и бьется, и думает, и хочет жить. Что множившиеся все время перебои наконец так учащаются, что вдруг выравниваются и, совпав с содроганьями главного, пускаются жить одною, отныне равноударною с ним жизнью... И вместе с сердцем смещаются воспоминания и произведения, произведения и надежды, мир созданного и мир еще подлежащего созданию... Но разве бывает так грустно, когда так радостно? Так это не второе рождение? Так это смерть?..».

И среди «смещенных воспоминаний и произведений, произведений и надежд» всплывают и кристаллизуются строки — Пушкина, Маяковского... «Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего», или — «Вам я душу вытащу, растопчу — чтоб большая — и окровавленную дам, как знамя» — писал он, казалось, недавно, в «Кофте фата» и «Облаке в штанах» и отозвалось это позднее в «Про это» — «лишь на Кремле поэтовы ключья сияли по ветру красным флажком», и там же двумя-тремя минутами раньше — «я, скажем, медведь, выражаясь грубо... Но можно стихи... Ведь сдирают шкуру?! Подкладку?! Подкладку из рифм поставить — и шуба!..» А в 1835 году Пушкин эпиграфом к своим «Египетским ночам» (присочиненным Брюсовым «продолжением» которых так возмутился в свое время Маяковский) привел обрывок такого разговора: «— Что это за человек? — О, это великий талант, из своего голоса он делает все, что захочет. — Ему бы следовало, сударыня, сделать из него штаны». А проза «Египетских ночей» была «инкрустирована» гениальными стихами:

Поэт идет — открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его...
«Скажи: зачем без цели бродишь?
Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь смутно;
Бесплодный жар тебя томит;
Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит.
Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет».
— Зачем крутится ветр в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру, и орлу,
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего.

Вот и вновь врывается Шекспир в бьющиеся в унисон сердца поэтов. А Пастернак о свободных душах Отелло и Дездемоны скажет так, оставив на их долю лишь одну несвободу — верность собственной натуре и сущности: «У Отелло и Дездемоны все без примеси — настоящее. Когда их полнота и правда сталкиваются с поддельным и выдуманым миром Яго, они погибают от избытка своей подлинности, от своего внутреннего богатства. Вместо Яго-злодея можно было бы себе представить

другого Яго, который действительно был бы тем нелицемерным доброжелателем, каким он себя изображает. И все равно он был бы проклятием Дездемоны и Огелло и орудьем их гибели. Важно не то, что Яго — клеветник и преступник, а то, что он — гаситель жизни, что по соседству с полыхающим горнилом самобытности он угрожающе бесплоден и бездарен».

«Прохожий», который «дергает» поэта и дает ему свои советы, конечно, не Яго, но он тоже «гаситель жизни», «угрожающе бесплодный и бездарный». О сколько раз он описан и Шекспиром, и Пушкиным, и Маяковским! Это и Полоний, и Розенкранц с Гиндельстерном, это и Чернь из «Поэта и толпы», и Толпа из обращения «Поэту», и Булгарин — Видок Фиглярин, и Сенковский, и Смотрители ночные из «Не дай мне бог сойти с ума», и Мирская власть из одноименного стихотворения 1836 года, и Безносые гении да обитатели Мелких пирамид на столичном кладбище из стихов того же года о двух кладбищах, и Александрийский столп, и Глупец, и Жестокий век из «Памятника», это и «целая лента типов», которая «тянется» у Маяковского от Лысого в «Человеке» — до Фининспектора, от Быта, о который разбилась «любовная лодка» в «Про это» — до тех, кто «бывало выбросит, не напечатав, не издав» слово поэта, звенящее набатом, от Профессора с очками-велосипедом — до апостолов Позорного благоразумия... И поэт 1836 года пишет свое знаменитое «Из Пиндемонти», чтобы «через головы поэтов и правительств» говорить «векам, истории и мирозданию»:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова,
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
...Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.

И тут же, в стихотворении, написанном вслед этому, как бы предвосхищая столетие спустя вырвавшееся у собрата — «надеюсь, верую вовеки не придет ко мне позорное благоразумие» — он твердит одну-единственную любезную его душе молитву:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей!

Дух празднословия. «Слова, слова, слова». Опять Шекспир рвется из двуединого сердца Поэта. Вслед за Ромео, Отелло и Дездемоной — Гамлет «повернул глаза зрачками в душу». Еще одно сердцебиенье выравнивается и в равноударной пульсации сливается с теми, чтобы «ломать своего Шекспира» (как не вспомнить это выражение из последнего Тицианова письма к нему, Пастернаку!). Поднимается занавес. Говорит Гамлет:

Гул затих. Я вышел на подмости,
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, авва отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

И вот — перевод «Гамлета». И через три года, в разгар работы над «Ромео и Джульеттой», неотступные мысли о Шекспире, записанные благодарным и внимательным собеседником, знакомые нам уже отчасти. А беседа длится: «— Я хотел поделиться с вами наслаждением, которое я получаю от чтения книги Гюго о Шекспире. Я читаю ее понемногу. Она возбуждает столько мыслей, что большими порциями читать ее просто невозможно. Это сокровищница мыслей, и не только о Шекспире, но и об искусстве вообще. Читая ее, чувствуешь себя мальчиком... Не могу удержаться, чтобы не сказать вам кое-что... (Он читает, тут же сразу переводя текст). «Дать каждой вещи столько пространства, сколько ей нужно, ни больше, ни

меньше — вот что такое простота в искусстве. Простота — это справедливость. Таков закон истинного вкуса. Каждая вещь должна быть поставлена на свое место и выражена своим словом. При том единственном условии, что будет существовать некое скрытое равновесие и сохраняется некая таинственная пропорция, самая величайшая сложность, будь то в стиле, или в композиции, может быть простотой...». Борис Леонидович останавливается и с торжеством глядит на меня, как бы предлагая разделить свое восхищение. Я хочу что-то сказать, но он меня прерывает: «Нет, подождите, это еще не все. Вот слушайте... «Простота поэзии подобна ветвистому дубу. Разве дуб производит на нас впечатление чего-то византийского, или утонченного? Его бесчисленные антитезы: гигантский ствол и крошечные листья, твердая кора и бархатистый мох, свет, выпиваемый им, и отбрасываемая им тень, ветви, венчающие героев, и плоды, питающие свиней, — неужели это все признаки надуманности, манерности и плохого вкуса? Не слишком ли дуб остроумен? Быть может, он смешной жеманник? Страдает горором и важностью? Или принадлежит к упадочной школе? Неужели же простотой имеет право называться лишь кочан капусты?...». Остановившись и передохнув, Борис Леонидович продолжает: «У Шекспира нет сдержанности, нет умеренности, нет границ, нет умолчаний. Что же у него есть? У него есть все. У него отсутствует только отсутствие. Он ничего не бережет про запас. Он не постится. Он не знает преград, как буйная поросль, как набухшие семена, как утренний рассвет, как пламя. Если вам холодно, вы можете погреть руки у этого пожара. Он отдается, он щедро раздает себя, он щедро наделяет собой и все-таки не исчерпывается. Он просто не может быть опустошенным. В нем есть все и нет одного — dna. Он наполняет себя и растрчивает, он разбрасывает себя пригоршнями и лопатами и опять начинает сначала. Это какая-то дырявая корзина духа из волшебной сказки... В глубине его смятения — спокойствие, потому что его смятение — это человечность... — Вы знаете, с тех пор, как я работаю над переводами Шекспира, мне хочется написать что-то о нем. Нет, вернее, мне хотелось, пока я не прочел эту книгу Гюго. Теперь я просто не смею. Подумайте только, она у нас не переведена... Нет, послушайте еще. Я вам не надоел? Ну, хорошо... «Гамлет прикидывается помешанным не для того, чтобы ему было удобнее выносить план мести, а для того, чтобы не быть убитым. Поэт — в то же время прекрасный историк, знающий нравы этих злоецих королевств. В те времена было горе тому, кто узнавал про

преступление, совершенное королем. Вольтер предполагает, что Овидий был сослан из Рима за то, что знал что-то страшное про Августа. Знать, что король — убийца, само по себе было государственным преступлением. Человек, подозреваемый в подозрении, мог считать себя погибшим...»

Он пересказывает наблюдение Гюго о «двойном действии» Шекспира. Говорим о его переводах...»

Переводы Бориса Пастернака в 30-х годах... Они начинаются «Змееедом» Важа Пшавела на пороге этой поры и заканчиваются «Гамлетом» на ее исходе. Судьбе или случаю было угодно свести эти две трагедии (не по жанру, так по сути) в творчестве и чудотворстве Бориса Пастернака. А до этого такое сближение было традицией в учебниках грузинской литературы — Миндия и Гамлет там, как правило, соседствовали. Две трагедии долга и прозрения, выбора и совести, «смятения — в основе которого человечность», две трагедии, судьбою и гибелью своих героев призванные восстановить нарушенную связь времен, «дней связующую нить». Прозрение к обоим пришло сверхъестественным способом. Об этом мотиве в случае с Гамлетом — но это вполне применимо и к Миндии — исчерпывающе сказал Борис Пастернак: «Гамлет» — не драма бесхарактерности, но драма долга и самоотречения. Когда обнаруживается, что видимость и действительность не сходятся и их разделяет пропасть, не существенно, что напоминание о лживости мира приходит в сверхъестественной форме и что призрак требует от Гамлета мщения. Гораздо важнее, что волею случая Гамлет избирается в судьбы своего времени и в слуги более отдаленного. «Гамлет» — драма высокого жребия, заповеданного подвига, вверенного предназначения. Роль призрака в судьбе Миндии играет — испитая им чаша — волшебное змеиное зелье, приготовленное чудовищами-дэвами (дивами). Но стоило ему отведать этого «запретного плода» —

И небо окинуло дол
Глазами в живом повороте.
Он новую душу обрел,
Очнулся под новою плотью.
Прозрел он, и точно замок
С очей и ушей его взломан.
Все слышно ему и вдомек:
И птичий напев, и о чем он,
Крик счастья и лепет истом,
Зверей и растений усилья,

Все, созданное творцом.
С душой ли оно, без души ли,
У всех есть особый язык,
Особые установленья.
И пленник, попав в их тайник,
Дивится своей перемене.
Теперь ему ясно, что змей
Нарочно придумали дивы,
Чтоб тайна была их тошней
Душе человека брезгливой.
..Лес, небо, что ни попади —
Теперь с ним в беседе совместной.
И в Миндиевой груди
Лишь зло не нашло себе места.
Все прочее их существо
Впитал он и духом воспрянул.
Не страшно ему ничего,
Хотя бы и гром даже грянул.

Но гром грянул. Бесстрашие Миндии не было поколеблено. И трагедия разыгралась как трагедия человечности. Гамлет медлил с возмездием не из робости и мягкотелости, а из человечности и стремления к истине. Гамлет пожертвовал Офелией, не предвидя ее конца, а Миндия решил пожертвовать своим ясновиденьем, не сумев пожертвовать Мзией. Тогда гром настиг его, ибо он оказался исполнителем воли, «постигшей в жизни не долг, а средство к самоуслаждению»:

Для вас и для ваших затей
Я делать пошел, что не надо.
Я стал дроворуб, зверолов,
Как будто убийство — забава.
Зато и не слышу цветов
Оглохшей душою лукавой.
Я мудрость и мощь растерял,
Чтоб только живот ваш раздулся..

Не выполнив до конца «вверенного предназначенья», совершив вынужденную сделку с совестью, Миндия обрушил тем самым несчастье и на свой народ, упований которого он не смог уже оправдать как его предводитель. Миндия оставил себе единственный путь к духовному очищению и спасению — право обрушить возмездие на себя, пока он жив и не моща, пока о нем не пожалели; как о ничтожестве, присвоившем себе пра-

во дерзать за всех и без всех. И это была единственно оправданная искупительная жертва, жертва, которая превращает жестокую и банальную драму эгоизма и мании величия в трагедию «высокого жребия, заповеданного подвига, вверенного предназначенья»:

Что ж видит он, впиваясь во мрак?
С какого ни глянь поворота, —
В селеньях пожары. Их знак
Он понял и без звездочета.
Стал бледен он как полотно.
Слез нет для такого несчастья.
Страдание утаено.
Лишь хрустнули руки в запястье.
Нет слов, челюстей не разжать.
Меч сам запросился из ножен,
Лишь тронули за рукоять,
И кончиком к сердцу приложен.
Мгновение — и крови волна,
И с гор, из обители турьей,
Пришедшая плакать луна
По самоубийце хевсуре.

И только поэтому — это не конец. Лаэрт, умирая, протягивает Гамлету руку. Буря вторит буре в душе Лира, ибо мир един — от мира человеческой души до космического миропорядка. Важно не просто отомстить, а восстановить гармонию там, где она нарушена. Миндия возродил ее в себе и поэтому —

Крылатый летел ветерок,
Летел беззаботный и сладкий,
Задел за клинка язычок,
Торчавший из левой лопатки.
Язык весь был выкрашен в сок
Пурпурного сердца мужского.
И в лес упорхнул ветерок,
Беспечный, живой и бедовый.

В начале тридцатых годов, начав со «Змеееда», вовлекая в этот круг своего переводческого — сотворческого — вдохновения поэзию Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и их современников, через опыт и искуc «Волн», «Тифлиса», «Гражданской триады», «Художника», «Путевых записок», первых страниц и глав своей новой прозы, вобрав в себя «не принятые на веру»,

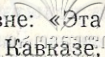
а испытанные лично или через судьбы ближайших друзей «примеры Дантов и Торкват», в конце 30-х годов Борис Пастернак приходит к своему «Гамлету». Круг как бы замыкается, чтобы дать жизнь новому звену в цепи судьбы и творчества. Весь 1940 год проходит в хлопотах и страстных мечтах увидеть «Гамлета» поставленным на сцене. Надежда мечется от МХАТа к тогдашнему театру Революции. Борис Леонидович пишет Нине Табидзе: «Ко мне пришел актер театра Революции, желавший играть Гамлета и давно на меня обидевшийся за то, что я сдал его в Худож. театр... А это (Астангов) Гамлет великолепный, каких нет в Художественном... Едете ли Вы в Москву или нет? Решите это и немедленно известите меня, потому что мне бы не хотелось оставлять каких-то попыток отн. Тициана, и нам надо повидаться. Так что, если Вы не собираетесь сюда, придется мне съездить к Вам, и мне надо это знать заблаговременно. В таком случае я приму участие в собраниях, посвященных юбилею А. Церетели, а для более удобной формы причастности (говорить мне бы не хотелось) переведу две-три его вещицы. Имейте в виду, что единственная цель поездки это Вы, так что если есть хотя бы малейшая надежда на Ваш приезд сюда, я прошу Вас предупредить меня. Появиться в Тифлисе мне будет очень тяжело, скрывать своих чувств я не буду, притворяться не способен. Со всех перекрестков нахлынут, вероятно, воспоминанья, и я с новой остротой почувствую, кого меня лишили и как обессмыслили мою жизнь. Но в конце концов это все литература. Мне надо знать, приедете ли Вы с Нитюю или нет, чтобы знать что делать мне самому...

А в общем, я, конечно, с нетерпением думаю о свидании и страшно волнуюсь при мысли, что, может быть, если богу угодно, увижу и услышу Вас.

Если я поеду, то главное конечно будет не на Пленуме. Я постараюсь устроить платное открытое чтение «Гамлета»... И отниму у Вас на несколько дней все время.

У меня опять какая-то буря в душе, много надежд и планов, и новая жажда жить и действовать. Тициана мне надо до зарезу, как-то физически, у меня за ним тянутся руки, и мне верится в его оправданье в силу непобедимости, сопровождающей это желание».

«Новая жажда жить и действовать», исподволь возникшая у Бориса Пастернака, сопровождалась переживаниями и раздумьями, которые должны были определить его личное душевное состояние в условиях, когда надежда на возвращение Тициана становилась все более иллюзорной. Мы ведь помним од-

ну из таких самооценок в письме к Нине Александровне: «Эта горечь дисциплинировала меня. Если бы это было на Кавказе, я бы сказал, что складочка мстительности легла на мое лицо и чуть подсушила его. Но так как я другой и по роду своей деятельности сам нахожусь под действием смягчающей силы, учащей всепрощенью, то наоборот. Допущение этой утраты прибавило мне еще какой-то вершок нравственного роста и сделало молчаливым и деятельным, точно я сделался чем-то вроде «брата милосердия», поглощенного работою...». В одном из следующих писем эти мысли развивались и это состояние закреплялось: «Друг мой Нина, что я могу еще сказать сверх того, что сказал всеми долгими годами своего горького отчуждения от всех или большинства... Нужно как-то выплакать эту боль, чтобы, если возможно, принести Вам облегчение и утишить упрек и жалобу этой тени, удовлетворить ее беззвучное напоминание, ее справедливый иск. Все это делается не в письме. все это, может быть, когда-нибудь сделается. Когда в редкие, почти не существующие моменты я допускал, что Тициан жив и вернется, я всегда ждал, что с его возвращением начнется новая жизнь для меня, новая форма личной радости и счастья. Оказалось, в этом нам так страшно отказано. Все остается по-старому. Тем осмотрительнее внутри своей совести, тем прямее и непримиримее надо быть нам, наученным таким страшным уроком. Я говорю о нас самих, а не о возмездии кому-то другому...»

«Упрек и жалоба этой тени», «ее справедливый иск» — о каком Призраке это сказано? И если это на этот раз не тень отца, а брата по духу, то разве меньшим должен быть нравственный подвиг, призванный внести в жизнь мотив спасительной гармонии? А разве не мог бы он адресовать в свое время Тициану слова гамлетовского обращения к Горацио: «Блажен, в ком кровь и ум такого же состава. Он не рожок под пальцами судьбы, чтоб петь, смотря какой откроют клапан». А у Тициана Табидзе были стихи, где он сравнивал себя с тростниковой свирелью, поющей сама собою, без прикосновения чьих-либо губ, разве что непосредственно — без чьего бы то ни было посредничества — губ возлюбленной родины. Это и есть «флейта-позвоночник» — пока она такова, а не послушный инструмент в руках Гильденстерна. Ведь Миндии, например, стоило податься доброжелательной и благоразумной, казалось бы, воле любимой, как инструмент расстроился, музыка оглохла и лишь высшая мера самоосуждения смогла ее хотя бы посмертно воскресить. А ведь «искусство, в том числе и трагическое, есть

рассказ о счастье существования»? Но это уже значит, что во-прос, раньше звучавший так — «но разве бывает так грустно, когда так радостно? Так это не второе рождение? Так это смерть?» — мог быть задан теперь и иначе: разве бывает так радостно, когда так грустно? Так это не смерть? Так это вто-рое рождение?.. Вот почему «опять какая-то буря в душе, мно-го надежд и планов, и новая жажда жить и действовать».

...В этих двух, приведенных выше, письмах Нине Табидзе — отзвук нравственного кодекса Бориса Пастернака, объясняю-щего нам то ощущение счастья, которое вопреки всему назре-вало в нем и внушило памятное, хотя на первый взгляд нео-жиданное восклицание в письме конца 1940 года: «Дела в 41 году пойдут лучше, вот увидите!». В одном из более поздних писем Борис Леонидович касался еще одного источника этих ощущений: «Ясность линий и цели все мне облегчает, я ко все-му наперед готов и за все судьбе и небу скажу спасибо». И еще: «...Мне же вести себя по-другому нельзя, и эта неотмени-мость преисполняет меня счастьем».

* Опубликовано часть труда, начало которого было напе-чатано в № 11 за 1972 г. Публикация была прервана.

Полностью труд входит в книгу, готовящуюся к печати в издательстве «Мерани».

ГРУЗИНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

КУЛЬТУРНЫЕ и творческие связи Грузии с представителями различных стран имеют многовековую историю.

Как известно, первые письменные источники, упоминающие Грузию и древние грузинские племена, относятся к IX веку до н. э. В сочинениях греческих и римских авторов — Гомера, Гесиода, Геродота, Ксенофонта, Страбона, Цицерона, Плиния, Тацита, Плутарха и других — содержатся сведения о жизни грузинских племен, их обычаях и нравах, войнах, которые они вели. Эти описания не потеряли своего научного значения и по сей день.

Интересу к жизни грузинского народа в значительной степени способствовали путешествие аргонавтов в Колхиду за золотым руном, а также трагедия Еврипида «Медея», героиня которой представлена автором сильной и бесстрашной личностью. В мифическо-фантастических красках изображает тогдашнюю Грузию Аполлоний Родосский в своей «Аргонавтике», рассказывающей о племенах, проживавших на территории Колхиды, и их высокой культуре. Трагическая история любви Ясона и Медеи, реальность и миф, связанный с ней, с древних времен до наших дней занимали не одного писателя. Но об этом ниже.

Иноземные завоеватели испокон веков зарились на Грузию, на ее богатства. Западноевропейский читатель ознакомился с Грузией и с жизнью проживавших на ее территории людей по древнегреческим легендам, по произведениям греческих, римских и арабских авторов. После крестовых походов и войн интересные сведения о грузинах и их героических подвигах в битвах с монголами, турками-сельджуками стали поставлять в Европу послы, миссионеры, купцы и путешественники. Однако многие из этих сведений носят случайный, иногда неправдоподобный и, конечно же, ненаучный характер.

О знании географического расположения Кавказа свидетельствует англосаксонский героический эпос «Беовульф», в котором описаны события, происходившие в VII веке. Правда, этот эпос относится к староанглийской литературе, но в нем сохранены все черты древнегерманского героического эпоса.

Не лишено интереса наблюдение выдающегося датского этнографа и историка Акселя Ольрика, высказанное им в труде «Рагнарек, сказания о конце мира» по поводу неоднократно упоминаемого в «Беовульфе» слова «антикаи» (то же, что и «адиге»), которое должно означать «античный» и относительно оружия подразумевать «кавказское», так как в то время в Северной Европе было распространено именно кавказское оружие. Эту мысль разделяет и грузинский ученый Александр Никурадзе. Исходя из этого, можно предположить, что переселившиеся в Германию и осевшие там готы многое знали о Кавказе, что впоследствии нашло свое отображение в англосаксонском эпосе «Беовульф».

Уже с начала второй половины XII века в европейских легендах, хрониках и романах встречаем имя царя Иоана Хуцеси (Иоанн Пресвитер), который, по мнению специалистов, должен быть грузинским царем Давидом Строителем. В этих источниках достойно восхваляются героические дела грузинского царя.

Упомянутая в исландской саге XIII века («Ингвар-сага») восточно-христианская царица, по предположению шведского историка Карла Гримберга, является царицей Тамар.

В древних германо-исландских сказаниях «Младшей Эдды», собранных поэтом и прозаиком XII—XIII веков Снорри Стурлусоном, наше внимание привлекли материалы, связанные с Кавказом и с людьми, проживавшими в это время на его территории. А полная удивительных приключений жизнь одного из главных героев — Лока напоминает мифы об Амирани и Прометее.

Некоторые древние скандинавские мифы и героические сказания «Старшей Эдды» (староисландские песни о богах и героях) связаны с Кавказом и бытом людей, обитавших недалеко от Кавказа. В них нашла отражение веками накопленная мудрость, рассказана легенда о начале и конце света.

Об интересе, проявляемом к Кавказу в начале средних веков, свидетельствуют рыцарские романы Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» и «Виллехальм», Вирнта фон Графенберга «Вигалуа или рыцарь с колесом», Альбрехта фон Шарфенберга «Младший Титурель», известные памятники немецкого героического эпоса «Ортнит», «Райнфрид Брауншвайгель» и «Народная книга о докторе Фаусте» XVI века.

Если в раннюю пору сведения о Кавказе и Грузии носили опи-

сательный характер, то начиная с XVII века их можно назвать «научно-популярными». Появляются записки побывавших в Грузии путешественников и миссионеров, в которых содержатся интересные эпизоды из истории Грузии, рассказывается о нравах и обычаях грузин и т. д.

Из немецких писателей и ученых Кавказ, Грузию и грузин упоминают известный поэт средневековья Освальд фон Волькенштайн, писатель и путешественник той же эпохи Иоганн Шильтбергер, Себастьян Франк — автор «Вселенской книги», летописцы и дипломаты Соломон Швайгер и Адам Олеариус, известный прозаик Ханс Якоб Гриммельсхаузен, историк искусства и археолог Иоганн Винкельман, Лессинг, Гете, Гердер, Виланд, Кант, Гегель, Густав Шваб, Франц Кафка, Стефан Цвейг, Ханс Фаллада, Райнер Мария Рильке, Оскар Мария Граф, Рольф Хохут, Бернгард Келлерманн, Лизелотте Вельскопф-Генрих и многие другие.

Сказания об аргонавтах, мифы и легенды о золотом руне, историко-мифологические повествования о Колхиде, неиссякаемая фантазия о прекрасной, мудрой и любящей колхидской деве Медее были и будут неисчерпаемой темой мирового искусства. В истории западноевропейской литературы трудно найти художественный образ, который претерпел бы столь многообразную трактовку, как Медея. Аргонавтика стала бродячим сюжетом мировой литературы. После выдающихся греческих и римских мастеров слова наиболее широко его, на наш взгляд, использовали немецкие писатели и переводчики.

Впервые этот сюжет в Германии был использован в первой половине XIII века придворным писателем Гербертом фон Фритцларом в романе «Песнь о Трое», а также дидактиком, поэтом-эпиком Конрадом фон Вюрцбургом. Среди создателей образа Медеи в западноевропейской литературе следует упомянуть представителя периода «бури и натиска» XVIII века Фридриха Максимилиана Клингера («Медея в Коринфе», 1786 и «Медея на Кавказе», 1791), выдающегося австрийского поэта и драматурга XIX века Франца Грильпарцера (пьеса «Золотое руно», состоящая из трех частей: «Добрый гость», «Аргонавты» и «Медея», 1818—1821), австрийского писателя XIX века Франца Дингельштедта (сатирический роман «Новые аргонавты», 1839), прозаика и драматурга XX века Ханса Хенни Янна («Медея», 1926), Элизабет Лангессер («Путешествие бранденбургских аргонавтов», 1950), Марию Луизу Кашниц (радиопьеса «Последняя ночь Ясона», 1952 и рассказ «Ночь Арго», 1975), Матиаса Брауна («Медея», 1958), Штефана Хермлина («Аргонавты», 1974) и др.

Несколько слов о «Золотом руне» Франца Грильпарцера — од-

ном из значительных памятников, созданных на эту тему. Пьеса эта ставилась неоднократно на сценах театров разных стран мира. Премьера ее состоялась 25 марта 1821 года в Вене и принесла автору большую популярность. Особая заслуга в создании образа Медеи принадлежит замечательной актрисе Кларе Циглер, которая 300 раз сыграла эту роль на сценах 60 австрийских городов в 1863—1890 годах. Известный австрийский прозаик и драматург Генрих Лаубе возродил эту забытую в свое время драму. В немецкоязычных странах «Золотое руно» часто ставилось в двадцатых годах нашего века.

Перу драматурга Андреаса Грифиуса (1616—1664) принадлежит трагедия «Катарина грузинская, или испытанная стойкость», в основу которой положена жизнь царицы Кетэван, замученной в Ширазе в 1624 году. Сведения о подвиге царицы Кетэван привез в Европу итальянский миссионер Пьетро де Ла Вале.

«Катарина грузинская» — типичная трагедия в стиле барокко. Она написана шестистопным александрийским стихом. Язык ее изобилует эпитетами, непонятными словами и фразами, слог отличается высокопарностью и патетичностью. Грифиус предстает перед нами мастером так называемого стиля «высокого барокко». Действия героев доведены до минимума, первостепенное значение придается слову, монологу, завуалированным высказываниям автора. Главная героиня трагедии отвергает домогания жестокого шаха, который предлагает ей переменить веру и выйти за него замуж. Она предпочитает умереть, чем изменить веру. Стойкая духом женщина одерживает моральную победу, воодушевив своих соотечественников на подвиги во имя родины, внушив им веру на века.

Опечаленный тяжелой судьбой своей родины, разочарованный в личной жизни, поэт, создавая мужественный образ грузинской царицы и воспроизводя ужасные картины многострадальной Грузии, призывал к борьбе разоренный 30-летней войной немецкий народ, стремился вселить в него веру и надежду.

Писатель и ученый XVII века Эберхард Вернер Хаппель (1647—1690) за свою недолгую жизнь успел написать тридцать два объемистых тома, в том числе двенадцать романов, девять исторических или этнографических трудов научно-популярного характера. Хаппель всю жизнь интересовался Грузией. Это нашло отражение как в его художественных произведениях, так и научных трудах. Хаппель обнаруживает хорошее знание источников и в то же время критически относится ко многим существовавшим до него ошибочным представлениям о Грузии, хотя он сам никогда не бывал в нашей стране. Благодаря своей эрудиции и силе воображе-

ния Хаппель в основном правильно представлял себе грузинскую действительность. Грузинские герои его романа отличаются особенной любовью к своей родине, гостеприимством, верностью данному слову, взрывным темпераментом и т. д., что, по наблюдениям венгерского картвелолога Лайоша Тарди, соответствует действительности.

О Грузии идет речь в романах Хаппеля «Азиатский Оногамбо» и «Европейский Тороан». В последнем описывается борьба грузинских княжеств с мусульманскими государствами. Тут же изложена история мученичества царицы Кетэван, о которой впервые упоминает Андреас Грифиус.

В романе «Немецкий Карл» одно из мест действия — Грузия, а главная героиня — грузинская княгиня Дареджан (в романе — Дарегам). Грузины упоминаются также в романе «Оттоманский пацц». Особый интерес представляет пятитомное произведение «Роман о венгерской войне». Можно сказать, что Хаппель в свое время вызвал живой интерес к Грузии и грузинам у немецкого читателя.

Великий немецкий поэт Фридрих Хельдерлин (1770—1843) в стихотворении «Странствие» в прекрасной форме выразил свое отношение к Кавказу, к Грузии, к нашему народу и его старинной культуре. Часть стихотворения повествует о том, как в древние времена немецкое племя целиком снялось с насиженных мест, поплыло вниз по Дунаю и прибыло к Кавказскому побережью Черного моря, к детям солнца. Жители Колхиды вначале с недоверием отнеслись к пришельцам, но потом гости и хозяева с любовью протянули друг другу руки, обменялись оружием и побратались.

Популярный поэт, ученый и известный переводчик Фридрих Боденштедт (1819—1892) больше года пробыл в нашей стране. Свои впечатления от пребывания в Грузии он выразил в стихах и в прозе: «Тысяча один день на Востоке» (1849—1850), «Кавказские народы и их борьба за свободу против России» (1848), «Песни Мирзы Шафи» (1851). Интересные эпизоды из жизни кавказских народов описаны в поэме «Лезгинка Ада» (1853), в «Маленьких историях далекой страны» (1872), «Из моей жизни» (1879) и «Воспоминаниях из моей жизни» (в двух томах: 1888—1889), где автор рассказывает и о своем пребывании в Грузии.

Как в стихах, так и в прозаических произведениях Боденштедт говорит о красоте природы Кавказа, о привлекательности стройных грузинских девушек, рассказывает о мужестве и верности грузин, знакомит с древнейшей культурой грузинского народа, с его обы-

чаями, нравами, литературой, архитектурными памятниками, с легендой о золотом руне и др.

В изучение грузинской культуры и ее пропаганду за границей большой вклад внесли австрийские писатели, супруги Берта (1843—1914) и Артур Гундакар (1850—1902) фон Зутнеры. Автор нашумевшего на весь мир романа «Долой оружие» Берта фон Зутнер вместе со своим мужем девять лет (1876—1885) прожила в Грузии у царицы Мегрелии Екатерины Чавчавадзе, с которой Берта сблизилась еще во время пребывания в Париже. В опубликованном литературном наследии Зутнеров, в которое входят беллетристические, публицистические, критические и исторические очерки, рассказывается о Грузии, в частности о Мегрелии восьмидесятых годов прошлого века, даются литературные портреты грузинских писателей и общественных деятелей, картины жизни городов Тбилиси, Кутаиси, Зугдиди. Эти сочинения имеют сегодня для нас историко-этнографическое значение. Грузинская тематика прослеживается и в творчестве Артура Зутнера. Он издал несколько романов и повестей: «Дареджан», «Дворяне», «Черкесы», «Шамиль» и сборник рассказов «Кавказские дети», в которых изображена грузинская действительность второй половины XIX века.

Для популяризации Грузии в Германии, Австрии и Польше многое сделал искренний друг грузинского народа Артур Лайст (1852—1927), который более половины жизни провел в Грузии и своим неустанным трудом сделал немало для знакомства Европы с древнейшей культурой нашей страны.

А. Лайст впервые приехал в Грузию по приглашению Ильи Чавчавадзе в 1884 году. Вернувшись на родину через год, он опубликовал свои воспоминания под заглавием «Колхида», завершил первое большое историко-географическое и этнографическое обозрение «Грузия. Природа. Население и обычаи». После этого он продолжил работу над книгой «Грузинские поэты», вышедшей в Лейпциге в 1887 году. Дополненное издание этой книги было выпущено в свет в 1900 году, предисловием к ней предпослан очерк о грузинской литературе и истории.

С непосредственной помощью И. Чавчавадзе и И. Мачабели А. Лайст перевел на немецкий язык и издал в Дрездене в 1889 году «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Этот перевод сыграл большую роль в деле ознакомления Европы с шедеврами грузинской литературы.

С 1892 года А. Лайст навсегда обосновывается в Грузии — своей второй родине и вместе с грузинскими деятелями неустанно трудится на ниве грузинской культуры. Он вдохновенно работает во многих сферах, стремясь сделать духовное богатство грузинской культуры доступным для европейцев.

зин доступным европейским народам. А. Лайст был в дружественных отношениях с представителями грузинской театральной и литературной общественности, а также с иностранными учеными, которые проявляли интерес к Грузии. Он сохранил исключительно интересные сведения о Зутнерах, Шухардте, Боденштедте, Мерцбахере, Абихе, Карле Лемане Гаупте, Гольдаке и др.

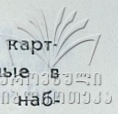
В 1900 году А. Лайст опубликовал две книги: «Грузинские пословицы» и «Грузинский театр». В 1903 году издал в Дрездене довольно большой труд под названием «Грузинский народ». Затем — «Дневник путешественника». В 1923 году в Тбилиси на грузинском языке была напечатана книга А. Лайста «Сердце Грузии», а в 1927 году — вторая книга, в которую вошли рассказы, написанные на грузинские темы, публицистические и критические очерки, воспоминания, статьи.

Переводческая деятельность А. Лайста хорошо известна грузинским германистам, но ныне, наверно, мало кто помнит, что он был автором оригинальных рассказов. В 1888 году в немецком журнале «Ueber Land und Meer» он публикует рассказ «Варо», который, по словам автора, инспирирован прекрасной природой Верхней Имерети, тамошней идиллической жизнью. Из имеретинской жизни взят и сюжет рассказа «Нино Варипанидзе». А. Лайст напечатал его в журнале «Roman Bibliothek» в 1895 году, грузинский перевод которого, выполненный И. Мачабели, был опубликован в том же году в журнале «Моамбе».

Интересно отметить, что в 1906 году в Тбилиси А. Лайст основал еженедельную газету «Kaukasische Post», которая была единственной газетой, выходящей на Кавказе на иностранном языке. В первых трех номерах, которые А. Лайст сам редактировал, публиковался его рассказ «Катастрофа» о разложении и упадке класса феодалов в Грузии.

В 1922 году благодарный грузинский народ отметил 40-летний юбилей литературной деятельности «Або нашего времени» — Артура Лайста. На страницах грузинской прессы можно было прочесть много теплых слов в его адрес. На торжественном заседании юбиляра поздравили В. Гуния, Т. Сахокия, Ш. Нуцубидзе, Т. Табидзе и др.

Среди иностранных картвелологов видное место занимает австрийский ориенталист Роберт Блайхштайнер (1891—1954), который издал немало трудов по вопросам грузинской культуры, этнографии и литературы. Среди них заслуживают внимания следующие работы: «Обзор кавказских народов и языков», «Грузинская литература», «Грузинский народ», «Современные грузинские поэты», «Грузия вчера и сегодня», «Грузинская баллада об Амирани» и др.

Большой вклад внес Р. Блайхштайнер в кавказологию и картвелологию. Его переводческая деятельность, опубликованная в австрийской и немецкой периодической печати интересные публикации о грузинской литературе и отдельных писателях почти не изучены нашими литературоведами. Те несколько статей общего характера, которые были напечатаны у нас в последние десятилетия, конечно, не дают полного представления о творчестве этого австрийского ученого, труды по кавказологии и картвелологии которого получили мировое признание.

Известный немецкий драматург XX века, поэт, прозаик и режиссер Бертольт Брехт (1858—1958) — автор знаменитой теории эпического театра. Большой интерес для нас представляет его пьеса «Кавказский меловой круг», в которой большинство имен действующих лиц и географические названия — грузинские. Действие пьесы разыгрывается на фоне жизни средневековой Грузии. Драматург убедительно изобличает негативные стороны грузинского феодального общества, с присущим ему едким сарказмом бичует князей-тунеядцев, царских прислужников. Произволу церковнослужителей и сумасбродству, эгоистичности и бесцельной жизни представителей аристократии противопоставляется бедственное положение и моральная чистота трудящихся. Все должно принадлежать достойному человеку, честному труженику, тому, кто своими добрыми делами заслуживает это. Такова основная идея этого произведения.

Пьеса имела большой успех не только в немецкоязычных странах, но и во всем мире.

Австрийский поэт и переводчик Хуго Хупперт (1902—1982) почти одинаково известен как у себя на родине, так и в ГДР и Грузии. Он перевел «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, изучил историю многовековой культуры Грузии. В 1950 году приехав в Тбилиси, Хупперт в течение четырех лет наблюдал за жизнью Советской Грузии. Поэт посвятил ей искренние строки. Его сборник стихов «Грузинский посох» состоит из двух частей: первая носит название «От края и до края», а вторая — «За пределами». В отличие от тех иностранных авторов, которые при описании Грузии опираются в основном на письменные источники, стихи Хупперта «Весна Закавказья», «На проспекте Руставели», «Руставский металлургический завод», «В Алазанской долине», «Максим Горький в Грузии», «Ушба — обитель Прометей», «Вардзия» и др. — суть непосредственное воплощение увиденного и пережитого поэтом. Основное достоинство стихов Хупперта именно в том, что они дают иностранному читателю истинное представление о культуре современной Грузии.

В 1976 году в Дрездене была опубликована книга известного немецкого поэта и переводчика Адольфа Эндлера (род. в 1930 году) «Два очерка о Грузии», состоящая из двух частей: «Я вам расскажу о Грузии» и «Тбилисские зарисовки». Автор рассказывает о своих собственных впечатлениях и наблюдениях с учетом всего того, что было написано до него.

А. Эндлер дает общий обзор грузинской литературы, начиная с эпохи Руставели и до наших дней, находит новые параллели с современными грузинскими поэтами и, в отличие от наших критиков, ставит новые акценты, с которыми, возможно, наши критики и литературоведы не согласятся. В оценке грузинской поэзии он обнаруживает объективность и наблюдательность истинного литератора. Так, например, он находит родственные мотивы в творчестве Давида Гурамишвили и Франсуа Вийона, а также немецкого лирика конца XVIII века И. К. Гюнтера.

А. Эндлер кратко, но профессионально рассматривает произведения грузинских современных поэтов и классиков Г. Табидзе, Г. Леонидзе, И. Гришашвили, Т. Табидзе, П. Яшвили, С. Чиковани, А. Каландадзе, давая иностранному читателю определенное представление об их творчестве.

Об образе жизни грузин, их обычаях и нравах рассказывают в своих стихах И. Бехер («Застольная»), Герман Буддензиг («Руставели»), Куба («Тбилиси»), Гельмут Прайслер («Виноград созрел», «С вершин»), Ева Штриттматер («Письмо из Гагры», «Тоска по югу», «Шиомгвиме»), Райнер и Зара Кирш, Ханс-Ёрг Роттер, Аксель Шульце, Мартин Бухорн и др.

Свои впечатления и воспоминания о Грузии опубликовали Эгон Эрвин Киш, Людвиг Ренн, Альфред Курелла, Луиза Ринзер, Харальд Хаузер, Гюнтер Штайн, Хайнц Калов, Бено Плудра, Рихард Крист, Эльке Эрб и многие другие.

Современный австрийский писатель Роберт Нойман (роман «Власть») и немецкий драматург Карл Георг Эгель (телепьеса «Доктор Шлютер») вывели грузин основными действующими лицами своих произведений.

Таково далеко не полное обозрение творчества немецкоязычных писателей и деятелей о Грузии и Кавказе.

НА ПОПРИЩЕ РОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Время, история не знают снисхождения. Но многое зависит от самих людей. Очень важно дать справедливую оценку прошлому и не забыть о тех не поднятых на пьедестал скромных тружениках, благодаря труду которых развивалась культура народа, двигался прогресс.

Именно к таким личностям принадлежит Николай Георгиевич Бердзнишвили (Берзенов) — видный этнограф, историк и публицист, журналист, литературный критик и писатель XIX века, один из первых грузинских разночинцев, истинный патриот своей страны, внесший значительный вклад в развитие русско-грузинских культурных взаимосвязей.

Его трудами, его деятельностью на поприще грузинской литературы восхищался Илья Чавчавадзе, который, несомненно, близко знал его. В 1874 году уже после смерти Н. Бердзнишвили в газете «Дроэба» (№ 444) была опубликована статья «Несколько слов о Николозе Берзенове», подписанная псевдонимом «Х» (икс), в которой с большой скорбью говорится о постигшей грузинскую литературу утрате. Автор прямо указывает, что другого такого деятеля, как покойный Николай Бердзнишвили, «среди нас почти нет», вся его подвижническая деятельность является примером для подражания, и призывает сотрудников «Дроэба», всю грузинскую молодежь равняться на него. На основе текстологического анализа грузинские ученые Ш. Гозалишвили и В. Сидамонидзе неопровержимо доказали, что автором этой статьи является Илья Чавчавадзе.

В грузинском литературоведении Николай Бердзнишвили известен как выдающийся деятель грузинской культуры, критик реалистического направления, идеи которого были подхвачены грузинскими шестидесятниками. Большой вклад в изуче-

ние критического наследия Н. Бердзнишвили внесли ученые С. Хуцишвили, Дж. Чумбуридзе, И. Богомолов. Произведениям Бердзнишвили, касающимся осетинской этнографии, посвящен обширный труд А. Магометов. Оценка его литературного наследия содержится в трудах В. Шадури, в диссертации Д. Канделаки.

Но в целом многостороннее творчество Н. Бердзнишвили еще не нашло своего освещения. Обнаруженные нами архивные материалы помогают уточнить некоторые стороны его жизни и творчества. До сих пор идут споры о дате рождения писателя и ученого. В Грузинской Советской Энциклопедии указан 1829 год, но по свидетельствам современников — на основе некрологов, опубликованных после смерти писателя в газетах «Тифлисский вестник», «Кавказ» и «Дрозба», рапорта П. И. Иоселиани (ЦГИА СССР, ф. 4, оп. 5, д. 421) — установлено, что Н. Бердзнишвили родился в 1831 году. В этой же Энциклопедии день его смерти — 4 сентября — ошибочно указывается как день его рождения.

Родился Н. Бердзнишвили в селе Ардон Терской области Северной Осетии. Отец его Георгий был грузинским священником. Долгие годы он служил в Ардоне, где и прошли детские годы Николая; впоследствии отец стал деканом в Душетском уезде. Умер он в глубокой старости на посту настоятеля Хирского монастыря в Кахети. Маленький Николай часто ездил с отцом в осетинские селения, где священник Георгий вел строительство церквей и занимался вопросами восстановления христианства в Осетии. Николай приезжал сюда и после того, как стал учиться в Тбилиси, особенно хорошо он был знаком с жизнью осетин Алагирского и Дидгорского ущелий, о которых впоследствии много писал.

Юноша получил русское образование, при этом он блестяще владел грузинским и осетинским языками. Николай окончил Владикавказское духовное училище, а в 1849 году — с отличием Тбилисскую духовную семинарию. Во Владикавказе, а затем в духовной семинарии он учился с будущим деятелем осетинской культуры Василием Цораевым и замечательным грузинским писателем Даниилом Чонкадзе. Вскоре Николай вышел из духовного звания и в 1850 году поступил канцелярским служащим в Грузино-Имеретинскую синодальную контору. В 1852 году, согласно рапорту П. И. Иоселиани — редактора газеты «Закавказский вестник», заместителю М. С. Воронцову, Н. Бердзнишвили был определен в помощники (заместители) редактора этой газеты. Начиная с этого време-

ни он активно сотрудничает в газете «Кавказ», помещает в ней этнографические (позже литературно-критические) статьи, в том числе по грузинскому и осетинскому фольклору, который с увлечением изучает. С 1855 года он уже старший помощник редактора «Кавказа» Е. Вердеревского, действительный член Кавказского отдела Русского географического общества. В 1853 году совместно с М. К. Ломидзе — редактор «Записок» этого общества. В 50-х годах Н. Бердзнишвили принимал активное участие в литературном кружке Д. Чонкадзе, где знакомился с произведениями революционных демократов Герцена и Чернышевского.

В том, что в дореформенной России «Кавказ» был одной из лучших газет, немалая заслуга Н. Бердзнишвили. Он работал в «Кавказе» при редакторах — И. Сливцком, Е. Вердеревском, Ф. Бобылеве, Э. Шварце. В апреле 1864 года он уволился из газеты по болезни и был причислен к Главному управлению наместника Кавказского. С учреждением в 1864 году под председательством видного кавказоведа А. П. Берже Кавказской Археографической Комиссии Н. Бердзнишвили был назначен ее постоянным членом и оставался на этой должности до конца своей жизни.

Свою литературную деятельность Н. Бердзнишвили начал с литературно-этнографических очерков. Кроме «Кавказа», они печатались и в «Санктпетербургских ведомостях», в «Закавказском вестнике», в журнале «Русское слово» и «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений». Статьи ученого по этнографии Осетии были использованы в монографических трудах профессора М. Ковалевского, академика В. М. Миллера, доктора права В. Б. Пфафа, известного историка Н. Дубровина и других кавказоведов. Грузинский ученый был в этой области непререкаемым авторитетом.

Он был также крупным специалистом по этнографии Грузии, им было опубликовано огромное количество работ (значительно больше, чем по Осетии), посвященных разнообразным вопросам этнографии и истории Грузии. Высоко оценивал эти работы М. О. Косвен.

Интерес к этнографии определил и содержание первых прозаических опытов писателя, обративших на себя внимание правдивой передачей местного колорита, меткостью языка; в них он выступает последователем натуральной школы — реалистического направления в русской литературе. Наибольший интерес представляет рассказ «Осетинская Сафо», в основе которого — трагедия влюбленных, вызванная обычаем кровной

места. Произведение было напечатано в альманахе «Зурна» (1855), о котором с похвалой отозвался Н. Г. Чернышевский. По типу физиологического очерка построено и другое произведение Бердзнишвили — «Иванэ», напечатанное в альманахе «Пешкеш» (1857), в котором он дает колоритный образ тифлисского нищего. Оно отличается пристальным вниманием и сочувствием автора к тяжелой жизни городских низов. Написанное позже (в 1863 г.) произведение И. Чавчавадзе «Рассказ нищего» по форме напоминает рассказ Н. Бердзнишвили, но отличается от него тем страстным социальным протестом, который лишь намечен у Бердзнишвили. В некоторой степени к «Иванэ» ближе по духу стихотворение Григола Орбелиани «Муша Бокуладзе». Знаменательно, что эту тему в грузинской литературе — тему исповеди бедняка и труженика, замученного жизнью, к которой в дальнейшем обращались многие выдающиеся грузинские писатели, одним из первых использовал Н. Бердзнишвили.

В дальнейшем социальная тема становится направляющей в его произведениях. Затрагивает он ее и в своих литературно-критических статьях «Обзор грузинских периодических изданий» (1868), «Несколько слов о грузинской литературе» (1857), «Грузинская литература» (1857) и др., подчеркивая просветительскую и социальную роль литературы в общественном развитии народа, рассматривая вопросы реализма и проблемы перевода.

Одним из первых среди грузинских критиков Бердзнишвили высоко оценил поэзию молодого И. Чавчавадзе. В обзоре грузинской литературы 1857 года Н. Бердзнишвили дает анализ его стихотворения «Птичка». А в критическом обзоре 1868 года («Кавказ», № 11) блестяще разбирает «Сцены первых времен после освобождения крестьян» И. Чавчавадзе, опубликованные в «Цискари» анонимно. Приводя их почти полностью в своем переводе, он высоко оценивает сатирическую, антикрепостническую направленность этого произведения, его высокие художественные достоинства.

Многое сделал Н. Бердзнишвили для издания памятников древнегрузинской литературы, таких, как «Калмасоба», произведения Д. Гурамишвили. Его издание «Иадигар дауди» высоко оценил выдающийся грузиновед М. Броссе. Он проделал огромную работу по переводу памятников древнегрузинской литературы на русский язык. В 1867 году Николай перевел отрывки из книги П. Иоселиани «Жизнь царя Георгия XIII».

Многие годы своей жизни Н. Бердзнишвили посвятил ре-

дакторской деятельности. Он являлся редактором книги С. Пена «Кер-Оглы, восточный поэт-наездник» (1856), получившей всеобщее признание; путевых заметок А. Дюма «Кавказ» (1861), которые он снабдил своими комментариями, и др. Совместно с ученым и ближайшим своим другом Д. Бакрадзе Н. Бердзнишвили издал на русском языке монографию «Тифлис в историческом и этнографическом отношении» (1870), которая и поныне не потеряла своего значения.

Памятником неустанной деятельности Н. Бердзнишвили на поприще родной культуры явились «Акты археографической комиссии», издававшиеся с целью обнародования наиболее важных исторических материалов, хранящихся в кавказских правительственных архивах. С 1866 по 1885 год было напечатано 11 томов, в которых отражены материалы с 1801 по 1855 год. «Акты» были очень высоко оценены как современниками, так и последующими поколениями ученых. Руководил изданием «Акт» А. П. Берже (1828—1886), внесший значительный вклад в изучение этнографии и истории Грузии и Кавказа, в расширение Тбилисской публичной библиотеки, издание «Кавказского календаря» и многих древних рукописей, укрепление русской типографской базы на Кавказе. «Акты» — это образец и полиграфического мастерства.

Н. Бердзнишвили принадлежит особая роль в издании первых томов «Акт», но заслуги его в этом деле, по нашему мнению, недостаточно оценены. Ему выпала нелегкая участь — приходилось вести почти одному напряженную работу по переводу на русский язык, редактированию, корректированию огромного количества гуджаров (грамот) и других архивных материалов, входящих в «Акты», руководить их печатанием, литографированием, вести все денежные и другие текущие дела. Д. Бакрадзе писал: «Акты Кавказской Археографической Комиссии аккуратностью своей корректуры и редакции весьма много обязаны Н. Берзенову». Первый том «Акт» был почти полностью подготовлен им, об этом говорится в предисловии к нему. Таким образом, рядом с именем Берже в качестве издателя первых томов «Акт», по нашему убеждению, следует называть и Н. Бердзнишвили. Сам он никогда не выставлял своих заслуг, т. к. был необыкновенно скромным человеком, хотя, по словам Д. Бакрадзе, «своим знанием Кавказа и своим симпатичным характером он был самой замечательной среди нас личностью».

Несмотря на необыкновенную скромность и застенчивость, главной чертой характера Н. Бердзнишвили было чувство соб-

ственного достоинства, гордость. Он не терпел искательства ни в себе, ни в других.

Найденные нами личные письма Н. Бердзнишвили, адресованные в основном А. П. Берже, свидетельствуют, что между ними существовали близкие, дружеские отношения, но иногда чувство собственного достоинства делало нестерпимыми для Бердзнишвили отношения начальника и подчиненного, что нарушало ровность этих отношений. А. П. Берже занимался организационными вопросами и часто уезжал, предоставляя своему подчиненному отчитываться перед ним о проделанной работе. Так, в письме от 28 августа 1864 года (л. 143), посланном из Тбилиси в Петербург, отражена та огромная работа, которую вел Бердзнишвили по изданию «Актон». Н. Бердзнишвили приходилось одному вести все дела. Он посылает Берже деньги, полученные от продажи «Актон», подробно отчитывается перед ним, что он сделал с остальными деньгами — кому сколько отдал по распоряжению Берже, но в конце пишет: «Пора кончать с этой денежной историей» (л. 68). Ему неприятно заниматься денежными делами. Но будучи честным, порядочным человеком, точным и пунктуальным, он отчитывается перед Берже в каждой копейке, не беря себе денег даже за отсылку их Берже — пишет, что посылает деньги за свой счет, хотя сам терпит постоянную нужду.

Из писем 1871 года видно, что, несмотря на свое нежелание, Н. Бердзнишвили продолжает вести все денежные дела Комиссии, различные организационные дела, все поручения и всякого рода задания Берже.

Лейтмотивом почти всех его писем к Берже являются жалобы на сильную нужду, которая всю жизнь преследовала семью Бердзнишвили. Он неоднократно обращался к начальству (т. е. к Берже) с просьбой «несколько улучшить положение единственного члена Комиссии», но все просьбы оказались тщетными.

В одном из писем 1872 года он писал: «Слухи о том, что пересмотр штатов отложен до 1873 года, подтверждаются, и это обстоятельство крайне меня сокрушает. Поверите ли, добрейший Адольф Петрович, мною овладевает истинное уныние и разочарование при мысли о том, что я долго еще буду терпеть лишения в самом необходимом. И никакого нет исхода из

¹ Институт рукописей им. К. Кекелидзе АН ГССР, фонд Е. Вейденбаума, д. 1723.— В дальнейшем везде цитируется это дело, листы дела указаны в тексте в скобках.

этого горемычного положения? Жена все продолжает болеть дети по-прежнему тянут ляжку в ожидании вакансий, на которые они зачислены назад тому четыре года, а какой из этого прок? Неужели не могли сделать исключения для нашей неустанно работающей Комиссии, чтобы хоть несколько улучшить положение единственного ее члена. Если в Комиссии, разбирающей архив губернского правления, попросили прибавку сумм еще осенью, то чем согрешили мы, труженики в полном смысле этого слова? Будьте так милостивы, обратите на это обстоятельство Ваше начальническое внимание и помогите. Время не терпит, а нужды и лишения растут при больном расстроенном семействе» (л. 75—75 об.).

Но положение его не улучшается. Впрочем, заслуги его замечены правительством — после года службы в Комиссии он награжден бриллиантовым перстнем. По выслуге лет получил чин надворного советника, но жалованья ему так и не повысили.

В одном из писем А. Берже, вероятно, чем-то обидел Н. Бердзнишвили, и он, человек чести, обладавший огромным чувством собственного достоинства, обращается к нему в совершенно ином тоне — уже не «добрейший Адольф Петрович», а «Ваше превосходительство!» В письме от 5 января 1871 года он пишет: «Напрасно Ваше превосходительство беспокоило себя, написав в таком суровом тоне последнее письмо ко мне от 21 декабря. Бумаги Базунову и Битенажу (владельцы книжных магазинов — Р. А.) еще до получения мною этого письма были написаны и отправлены. Из всех Ваших поручений, записанных мною на память, числом 13 (нехорошее число!) только одно замешкалось — и вот Вы уже сердитесь на меня. Без сомнения, Вы еще более прогневаетесь, если упомянутые злополучные бумаги замедлятся в дороге по милости подлеjších завалов и иных случайностей, неизбежных с зимою» (л. 81).

Как видно из писем, Н. Бердзнишвили был милым, спокойным и доброжелательным человеком и совсем не льстецом. Он пишет далее: «Я даже боюсь, как через это не нарушилась бы Ваша слишком 20-летняя приязнь ко мне, в которой Вы меня постоянно доселе уверяли. Примите во внимание, Ваше превосходительство, что мне пошел уже 5 десяток, — значит, слава Богу, я уже не школьник, и потому не подобало бы стращать меня ни за что ни про что. И ради кого? Ради подлеца-книготорговца, которому Комиссия за Вашею же подписью, а за моею скромной двухкратно адресовала самые категориче-

ские требования насчет посылки денег и передачи книг другому; а он себе и в ус не дунул, даже после отношения нашего с Канцелярией Кавказского Комитета. В виду всего этого я не понимаю: что может сделать бумага за одною моею подписью, когда Вы сами — председатель Комиссии — находитесь лично там и имеете такое же право требовать и книг, и денег» (л. 82).

Как видно, после этого письма Берже извинился перед ним за свой тон, а может быть, у Бердзнишвили был отходчивый характер, но через некоторое время письма вновь стали дружелюбными. В день рождения Берже он вместе со своей женой шлет ему поздравления и посылает подарок его супруге (л. 82).

Письма Н. Бердзнишвили интересны и тем, что раскрывают нам подлинную жизнь эпохи, истинные характеры и отношения людей того времени. Он был разночинцем и, несомненно, в борьбе «отцов и детей» того времени примыкал к лагерю «детей», т. е. в общественной жизни Грузии 60—70-х годов стоял на стороне новых демократических сил — грузинских шестидесятников, выступавших против дворянских привилегий «отцов». В письмах подчеркнута его демократическая, разночинная позиция. Недаром он интересуется книгой Н. Добролюбова — одного из радикальнейших критиков того времени — и просит А. Берже достать ее в Петербурге (л. 72).

Н. Бердзнишвили проявил определенную смелость, когда писал в 1864 году А. Берже: «Н. И. Барский — ваш благодетель, наложивший свою начальническую руку и на календарь, и на газету, и на типографию, и на библиотеку, и сильно желающий наложить таковую и на новорожденную Археографическую Комиссию...» (л. 143). Как нам удалось установить, он имеет в виду действительного статского советника Николая Ивановича Барановского, который с 1860 года служил вице-губернатором генерал-адъютанта князя Г. Д. Орбелиани. С 1861 года он стал членом-распорядителем комитета Кавказского отдела русского географического общества. К 1872 году к его званиям прибавились — член Главного комитета о конских скачках по управлению коннопроизводства на Кавказе и за Кавказом, действительный член Тифлисского благотворительного общества и действительный член Тифлисского общества сельского хозяйства. Н. И. Барановский, фактически ничего не смысля в кавказских делах, благодаря своим личным связям начал занимать все важные посты, становясь в Тбилиси влиятельным лицом. Об этом и пишет Н. Бердзнишвили,

Из писем ясно, что в тот период в Тбилиси существовало два враждебных лагеря: те, кто примыкал к разночинцам, т. е. к демократической группе, куда входил и Бердзнишвили; и партия «Жел. и К°», относившаяся к высокопоставленной аристократической группе. Нам удалось расшифровать, что партия «Жел. и К°», о которой Бердзнишвили в письмах к Берже неоднократно упоминает, это люди, близкие к Барановскому и Владимиру Ивановичу Желиховскому, который в 1864 году был заведующим учебной частью Тифлисского учебного заведения святой Нины. Начальницей этого заведения была его мать — вдова полковника А. Ф. Желиховская, а помощницами — его сестры. В. И. Желиховский занимался литературной деятельностью. К 1871 году он был уже коллежским советником, директором Тифлисской классической гимназии, членом распорядительного комитета и действительным членом Кавказского отдела русского географического общества. Благодаря связям своей жены он принадлежал к аристократии Тбилиси. Н. Бердзнишвили в своем письме высмеивает его: «Наш обер-классик захотел отличиться на поприще публичного чтения: затеял лекцию о Мамуке Джамбакур-Орбелиани, и она провалилась, главными слушателями были экзарх и городское духовенство» (л. 69). В 1872 году В. И. Желиховский на основе своей лекции издал в Тбилиси книгу «Русский — грузинам» по случаю смерти Макара Фомича Джамбакур-Орбелиани. В этой шикарно изданной книге есть льстивое посвящение Григолу Орбелиани. Н. Бердзнишвили, конечно, претило такое подобострастное отношение Желиховского к одному из самых знатных князей Грузии, который одно время исполнял должность наместника Кавказского. Сам Н. Бердзнишвили глубоко уважал Г. Орбелиани, но прежде всего как выдающегося грузинского поэта. Об этом свидетельствует его письмо от 9 декабря 1871 года, в котором он пишет Берже, что послал ему посылку с первой книжкой нового грузинского периодического издания «Кребули», в которой помещена поэма Г. Д. Орбелиани «Заздравный тост». И тут же спрашивает: «Неизвестно почему эти стихи называют «Песнь во стане русских воинов»? В эту ошибку Вас ввели или Броссе, или, вероятно, библиографическая заметка Иоселиани, напечатанная в «Кавказе», где произведение князя Орбелиани названо подражанием стихотворению Жуковского» (л. 77). Бердзнишвили справедливо возмущается подобной путаницей, т. к. это, по его мнению, совершенно самостоятельное произведение.

В 1872 году Бердзнишвили посвятил статью другому пи-

сателю — князю Александру Вахтанговичу Джамбакур-Орбелиани, которая была напечатана в московской «Иллюстрированной газете» (6 июля 1872). Н. Бердзнишвили — замечательный знаток истории — приводит в статье родословную карталинских и кахетинских князей, пишет о древности рода Орбелиани, о родстве его с грузинским царствующим домом. Знаменательно, что, приводя материалы о знатности рода писателя, Бердзнишвили пишет о такой его черте: «Он был человек небогатый и не искательный (это так соответствовало нравственному облику самого Н. Бердзнишвили!), но его знал и любил народ». И далее он пишет: «Все свое состояние и доходы он раздавал бедным, довольствуясь весьма скромною и уединенною жизнью». Сообщает, что собирается издать его сочинения. В заключение говорит: «В следующих номерах мы представим краткий очерк грузинской литературы для ознакомления с нею наших читателей». Это был прекрасный почин, с помощью столичной газеты он знакомил русскую общественность с грузинской литературой. В № 28 от 28 июля 1872 года этой газеты была напечатана статья Бердзнишвили «Грузинская литература и ее представители до XIII столетия», в которой в основном говорится о Шота Руставели.

В своих письмах к Берже Бердзнишвили часто высмеивает представителей аристократического круга.

Видно, поэтому — из-за разницы социального и служебного положения — а также и возраста, сложились холодные, официальные отношения между Н. Бердзнишвили и М. Б. Туманишвили (1818 — 1875), впрочем, в письмах чувствуется глубокое уважение Н. Бердзнишвили к старшему товарищу — писателю. Об этом свидетельствует его письмо от 25 мая 1856 года, когда он исполнял обязанности редактора газеты «Кавказ». Н. Бердзнишвили извиняется перед М. Туманишвили за то, что писец не сумел вовремя переписать его статью, и кончает словами: «С совершенным к Вам почтением и преданностью честь имею быть Н. Берзенов» (Ин-т рук. АН СССР, ф. М. Туманишвили, д. 645). В своих письмах к А. П. Берже Н. Бердзнишвили очень сдержанно отзывается о М. Туманишвили, который в то время был крупным чиновником.

С большим уважением Н. Бердзнишвили относился к Д. И. Кипиани (1811—1887), известному писателю и общественному деятелю, также принадлежавшему к лагерю «детей». После судебного процесса Д. Кипиани с «известной особой», Н. Бердзнишвили пишет, что достал для Берже книгу об этом деле. Эта книга — «Заседание Тифлисского окружного суда

по делу князя Николая Мингрельского с действительным статским советником Дмитрием Кипиани», составил ее А. А. Авалов (Тифлис, тип. Меликова и К°, 1871). В ней описывается суд под председательством Н. Д. Чавчавадзе. Д. Кипиани был опекуном имения Е. Чавчавадзе и ее сына Николая Дадзиани Мингрельского. После смерти матери Николай Дадзиани через суд потребовал у Кипиани деньги, якобы присвоенные им. Но суд оправдал Д. Кипиани, и Н. Дадзиани пришлось платить издержки.

В письмах подтверждается большая дружба, связывавшая Н. Бердзнишвили с известным ученым-академиком Д. З. Бакрадзе; из них явствует, что в этот период не прекращалось сотрудничество Н. Бердзнишвили и с П. Иоселиани. В письмах говорится о многих современных Н. Бердзнишвили деятелях: о литераторе П. Роборовском, переводчике книги А. Дюма «Кавказ», о М.-Ф. Ахундове, которого автор писем высоко ценил как выдающегося писателя, драматурга и своего сотрудника по «Актам». Ему он посвятил свою статью в «Закавказском вестнике» (1853, № 34).

В 1871 году И. Сливичкий — замечательный литератор, большой патриот Грузии, в течение многих лет сотрудник и редактор «Кавказа», много писавший о Руставели, — был отстранен от редакторства, и этот пост занял Е. А. Сталинский, который был редактором газеты до 1876 года. Н. Бердзнишвили, отошедший в эти годы от газеты, живо интересуется ее делами. В борьбе из-за газеты он — на стороне И. Сливичкого, который был очень к нему расположен. Н. Бердзнишвили с сочувствием пишет, что Сливичкий от отчаяния скупил всю бумагу в Тифлисе и Сталинский просит Берже для издания газеты купить для него бумагу в Петербурге (л. 69). Далее Н. Бердзнишвили сообщает, что «партия «Жел. и К°» (куда, несомненно, входил и Н. И. Барановский — Р. А.) хотела захватить газету «Кавказ», но опростоволосилась. Редактором стал Сталинский, и она вопиет, что это немцы одержали верх». В связи с этим Н. Бердзнишвили отмечает: «Пусть одерживают, лишь бы победа была разумная и дельная» (л. 69). В этом выражается здравомыслие Н. Бердзнишвили, который сумел подняться выше узконациональных и личных интересов.

Многолетняя изнурительная работа сначала в газете, а затем в Комиссии подорвала здоровье Н. Бердзнишвили. В 1874 году он серьезно заболел и скончался 4 (16) сентября в расцвете творческих сил, не достигнув 43 лет. Д. Бакрадзе, знавший его с детства, написал скорбный некролог об этом

«скромном труженике пера» («Кавказ», 1874, № 121). Н. Бердзнишвили оставил после себя немалое литературное наследство, которое до настоящего времени полностью не изучено. Многие из написанного им, очевидно, потеряно навсегда, а многое разбросано по разным изданиям. Сразу после его смерти было принято решение собрать все его произведения и издать в виде собрания сочинений. За это в первую очередь ратовал Д. Бакрадзе. В 1874 году после смерти Н. Бердзнишвили газетой «Тифлисский вестник» была издана брошюра Д. З. Бакрадзе «Н. Г. Берзенов и его литературная деятельность», на обложке которой было напечатано объявление, что «сумма, вырученная за продажу брошюры, предназначена на покрытие расходов по изданию полного собрания сочинений Н. Г. Берзенова». Но, к сожалению, эта благородная цель не была осуществлена. Более того, имя этого в свое время известного литератора, этнографа, критика и историка, как ни странно, забыто.

Нам думается, настала пора собрать произведения замечательного писателя и ученого, рассеянные по различным периодическим изданиям прошлого века, и издать их отдельным сборником. Это было бы новым стимулом для изучения как творчества Н. Г. Бердзнишвили, так и разнообразных аспектов русско-грузинских культурных взаимосвязей.

Леван МАЧАИДЗЕ

БЕСЦЕННЫЙ ДАР— В ДОБРЫЕ РУКИ

Все мы, живущие, в ответе
за природу перед потомками,
перед историей.

М. С. Горбачев.

Стихия — это стихия. Силу ее мы ощутили в этом году на себе, непосредственно соприкоснувшись с бедствиями, обрушившимися на Грузию. Бушующие, выходящие из берегов горные реки, могучие грязевые потоки, многочисленные оползни, сносящие дома и хозяйственные строения... Все это мы видели не только воочию, но и по телевизору, обо всем этом читали в газетах и журналах. И сегодня еще ее последствия дают знать о себе.

В борьбе со стихией благодаря огромным усилиям множества людей принимаются самые серьезные меры предупреждения и помощи, не будь которых, жертв оказалось бы гораздо больше.

И в этой трагедийной ситуации особенно ярко высветилось горячее чувство братства советских людей. Наверное, не осталось ни одного уголка Советского Союза, откуда не пришла бы помощь — материальная и моральная. Помогали кто чем мог. И тысячи рублей от коллективов, и сотни, поступившие от отдельных граждан, и рубли от школьников слились на специ-

альном счете в Госбанке СССР в миллионные средства. Вместе с основными расходами, которые несет государство, они стали большим подспорьем в финансировании крупномасштабных восстановительных работ, ведущихся в районах бедствия для оказания неотложной помощи пострадавшим от стихии — людям и природе.

Со временем все будет подсчитано: и ущерб, нанесенный стихией, и суммы, израсходованные на восстановление разрушенного. Но уже сегодня можно подвести итог другому: как же мы сильны, когда все вместе, едины, словно пальцы, сомкнутые в сжатый кулак, которому во сто крат прибавляется силы в этом могучем единстве.

И как слабы, когда бездумно, неосмотрительно ведем хозяйство: беспечно и безграмотно рубим лес (а ведь он первым берет на себя удары снежных лавин, предотвращает оползни, сдерживает селевые потоки), браконьерствуем на реках, незаконно выбирая легкодоступный гравий и тем самым нарушая трудновосстанавливаемый, а чаще — невозможный режим рек, строим дома будто на один день, когда словно в насмешку над сегодняшними строителями среди развалин построенных ими жилищ монолитами возвышаются многовековые башни. Далекие предки, не имевшие дипломов инженеров, много веков назад и место им выбрали и «угол атаки» стихии предусмотрели (все башни стоят именно углом к горам — наиболее сильной частью строения), и мастерски уложили камни, скрепив их раствором, рассчитанным на века.

Удивительное рядом. Наспех построенное — это уже в наше время, в наши дни, то, что создавалось руками дипломированных специалистов. Они, казалось бы, могли — и обязаны были — учесть и опыт, и интуицию дедов и прадедов. А нет! Строятся дома, которые валятся при первом же прикосновении стихии... Да и всюду, пройдя по ее следам, мы не можем не увидеть удивительную нашу безалаберность, бесхозяйственность, стремление любыми средствами, даже противозаконными, достичь лишь сиюминутного «успеха», отрапортовать о выполнении плана, нередко во вред качеству.

Глядя на безлесые горы, изуродованные берега рек, развалившиеся дома, разрушенные, а подчас и вовсе не построенные, не вступившие в строй дамбы, очистные сооружения, на которые выброшены на ветер миллионы, невольно задумываешься: неужели все это — дело рук выпускников наших вузов, этих «троечников с натяжкой», по протекции или каким-либо иным незаконным путем получивших не знания, а лишь дип-

ломы?! Горький это вопрос, тяжелым бременем лежит на душе.

Все эти грехи видны, как на ладони. Долгие годы застоя их замечали, но не видели, не хотели видеть, равнодушно надеясь на авось. Между тем природа при всей своей доброте и щедрости не терпит к себе равнодушного отношения. Она мстит за себя в пользу будущих поколений, жестоко напоминая людям об уважении к себе, о необходимости быть настоящим, рачительным хозяином и воспитывать будущих хозяев земли нашей, всей окружающей среды такими, как она сама — добрая, сильная, бескорыстная. Сегодня нельзя не сказать о тех фактах бесхозяйственности, бездушия, безответственности, недисциплинированности, отсутствия элементарной предусмотрительности и заботы о завтрашнем дне, которые высветились во время сурового экзамена, преподнесенного нам природой, экзамена, который по предварительным подсчетам обойдется в 350 миллионов рублей. А ведь были и человеческие жертвы!

Весьма серьезные выводы из всего происшедшего надо делать всем, и особенно тем, кто имеет непосредственное отношение к природопользованию, добыче и эксплуатации природных богатств, к строительству.

Ведь вполне понятно, какая опасность подстерегает населенные пункты в горных районах, где на окружающих горах бездумно рубится лес. Достаточно сказать, что там, где он сохранился нетронутым, напор стихии был значительно ослаблен, и бед она причинила тоже меньше, так как сила первого удара обрушилась на лес. Там, где на реках своевременно были построены продуманные берегозащитные укрепления, стихия была усмирена, но и тут она сурово и беспощадно «ревизовала» качество строительства, знания и совесть строителей — сплошь и рядом дамбы, возведенные ими по принципу «тяп-ляп», прорывались бушующими потоками, и если бы не дополнительные усилия спасателей, работавших в экстремальных ситуациях, размер бедствия был бы еще более катастрофическим.

Конечно, при полном подсчете потерь, которые можно было предусмотреть, виновные понесут соответствующие наказания — будь то выговор, штраф или более серьезные административные взыскания. Но даже в сложившейся тяжелой экономической ситуации главное все же не в этом.

Чтобы наперед ослабить ущерб, наносимый грозной стихией, от которой человечество никогда не было застраховано, надо с детства, с самых ранних лет воспитывать в подрастающем поколении любовь к природе, умение не покорять ее, что

поощрялось многие годы и десятилетия, засоряя сознание людей, а, изучая ее законы, разумно взаимодействовать с ней, сотрудничать, оберегая и приумножая ее богатства на основе новых, проверенных практикой научных знаний. Это огромная наша сегодняшняя забота во имя завтрашнего дня.

И отраднo, что, ясно видя эту важнейшую общечеловеческую задачу, такая авторитетная международная организация, как ЮНЕСКО, взяла на себя решение проблемы улучшения всего природоохранного образования и просвещения в мире.

Первая межправительственная конференция по образованию в области окружающей среды, в которой приняли участие 265 делегатов 66 государств и 65 представителей и наблюдателей из других стран, проходила в 1977 году в столице Грузии, где была принята так называемая Тбилисская Декларация, получившая широкую известность во всем мире.

В августе нынешнего года в Москве состоялась очередная представительная международная Конференция ЮНЕСКО по вопросам экологического образования и просвещения, подведшая итоги работы, проделанной за десятилетие.

Многое сделано в этой области во всем мире, в нашей стране. В Грузии, в частности, создана стройная система экологического образования и просвещения.

Ее первые этапы связаны с экологическим просвещением самых маленьких, еще в детском саду, где они получают первые навыки контактов с живой природой, затем детей в средней школе, подростков в профессионально-технических и специальных технических училищах, юношей и девушек в 28 высших учебных заведениях республики, где вопросы охраны природы уже включены в программы всех преподаваемых дисциплин и преподносятся целенаправленно, углубленно.

По инициативе и при непосредственном участии Госкомитета по охране природы Грузии в пяти вузах республики созданы и успешно функционируют пять кафедр охраны природы и экологии — в Тбилисском университете, Грузинском политехническом институте, сельскохозяйственном и зооветеринарном, в вузах Кутаиси и других городов. Наряду с этим во всех высших учебных заведениях созданы кружки по изучению экологии, организованы курсы по повышению квалификации преподавателей в области охраны природы, в том числе и инспекторов Госкомприроды, а также работников республиканского добровольного Общества охраны природы Грузии.

Заметно активизировалось внешкольное экологическое просвещение. Ведется оно и среди взрослого населения как в

быту, так и на предприятиях, в домах отдыха, санаториях, туристских организациях, культурно-просветительских и общественных учреждениях, в органах массовой информации. Большая просветительская и практическая работа осуществляется в 467 школьных лесничествах, в многочисленных добровольных детских объединениях «голубых» и «зеленых» патрулей, в детских здравницах.

В республике функционируют 27 народных университетов и 2 народные академии, изучающие природоохранные проблемы. Этим же целям служат экологические экспозиции 70 районных музеев, на базе которых регулярно проводятся школьные уроки.

В настоящее время во всех районах намечено также создать молодежные центры экологического просвещения, работой которых будет руководить, согласно Положению Госкомитета Грузинской ССР по охране природы, и республиканское добровольное общество такого же назначения.

Большую методическую помощь этим центрам будет оказывать и строящийся в пионерском городке Мзиури (Солнечный) республиканский центр экологического воспитания, который и возьмет на себя роль координатора и куратора деятельности всех районных экоцентров.

Наряду с этим не лишне сказать и о том, что в Грузии около двух миллионов членов республиканского добровольного Общества охраны природы, большинство из которых безвозмездно высадило миллионы деревьев, по своей инициативе создало парки, сады, аллеи. Итоги их патриотической деятельности ежегодно подводятся на республиканских слетах друзей-защитников природы, где отличившиеся в торжественной обстановке награждаются Почетными грамотами, памятками, нагрудными медалями «Друг природы». В прошлом году наши друзья-защитники природы проявили благородную инициативу — четыре дня в году безвозмездно работать на природу. Инициатива повсеместно широко поддержана. Восемь лет подряд проводятся у нас посвященные международному Дню охраны природы месячники, в которых активное участие принимает все население. В этот период определяются основные загрязнители окружающей среды, проводятся меры по искоренению негативных явлений, организуются научно-практические конференции в вузах, на предприятиях и в организациях, в совхозах. Стали традиционными и недели экологических фильмов.

Более 25 тысяч наших мелких рек, в основном горных, нуждаются в постоянном присмотре — расчистке, обустройстве, проведении облесения и укрепления берегов. Вот уже два

года во всех семидесяти районах республики регулярно представители всех трудовых коллективов совместно с учащимися выходят на воскресники и субботники. Только за прошлый год 50 тысяч добровольцев расчистили 300 малых рек. В нынешнем году эта работа велась еще интенсивнее. Итоги ее, по предварительным данным, намного превысят прошлогодние. Отрадно, что пусковой механизм, уже давший ощутимый толчок всему движению, направленному на благо природы, с каждым днем наращивает темпы.

В настоящее время новые, переработанные учебные программы высших и средних специальных учебных заведений намного полнее отражают накопленный ими богатый опыт, на основе которого выработаны новые формы и методы природоохранного обучения и воспитания.

Этот учебно-воспитательный процесс предусматривает значительное увеличение мероприятий, обеспечивающих усиление природоохранной подготовки студентов и учащихся как стационарных, так и вечерних, а также заочных отделений.

Но главное внимание сначала же было обращено на повышение квалификации самого профессорско-преподавательского состава буквально всех дисциплин, для которых организованы постоянно действующие курсы.

Даже в программах математиков и физиков нашлось место для введения в их курсы элементов природоохранного содержания, не говоря уже о предметах, прямо и непосредственно освещающих экологические проблемы. Особенно серьезное внимание обращено на преподавание таких актуальных народнохозяйственных проблем, как ресурсосбережение, малоотходные и безотходные производства, обратное водоснабжение и др.

Новые учебные программы четко работают на развитие у учащейся молодежи критического мышления и навыков решения этих проблем в духе высокой гражданской ответственности. Этому же эффективно способствует увеличение продолжительности производственной практики студентов и учащихся с целью приобретения ими практических навыков для решения на практике реальных природоохранных задач.

Ныне контингент всех высших и специальных учебных заведений Грузии широко привлекается к научно-исследовательской деятельности, к непосредственным исследованиям, к участию в сборах, выставках, конкурсах, конференциях... Характерно, что на первой же межвузовской конференции студенты подготовили 160 научных докладов, высоко оцененных на кафедрах.

Решением Министерства высшего и среднего специального образования республики на заседаниях коллегии и специально созданного межведомственного научно-методического совета по экологическому образованию регулярно заслушиваются отчеты ректоров вузов и директоров техникумов о реализации комплексного плана непрерывного обучения и воспитания молодежи в области экологии, рационального природопользования и охраны окружающей среды.

В деле неформального экологического просвещения и пропаганды среди населения природоохранных проблем большую помощь оказывают населению средства массовой информации.

В тесном содружестве с Госкомитетом в республиканских редакциях телевидения, радио, газет, журналов в разных формах и жанрах идет планомерная работа по систематическому освещению природоохранных проблем, направленная на различные возрастные группы.

Большую плодотворную работу в этом направлении ведут 100 городских и районных газет, а также местных радиоузлов, в большинстве редакций которых созданы нештатные отделы охраны природы, ведущие свои постоянные рубрики типа «Природа и мы». Они широко информируют читателей и радиослушателей об экологической ситуации в регионе, дают соответствующие рекомендации по устранению обнаруженных негативных явлений, сообщают данные о нарушителях, публикуют отчеты с заседаний народных судов, принявших меры против нарушителей природоохранного законодательства.

Особенно следует отметить активность, проявляемую такими общественными профессиональными организациями, как творческие союзы — писателей, композиторов, художников, архитекторов, кинематографистов, журналистов, общество «Знание».

Например, итогом одного из контактов Госкомитета ГССР по охране природы и Союза композиторов республики явилось создание «Гимна природе Грузии». Природе же за последние годы был посвящен также ряд книг, брошюр, документальных фильмов, красочных плакатов, сувенирных значков и т. д.

Несколько месяцев назад силами молодых специалистов организован вокально-инструментальный ансамбль «Природа Грузии», вся творческая деятельность которого нацелена на природоохранную пропаганду. Первая его программа состоит из фольклорных музыкальных произведений, которые, любя природу, народ многие века хранил в сокровищнице своей памяти.

Следует сказать и о выставке работ художников — друзей природы, создающих свои необычные произведения из оригинального природного материала.

В «Московской правде» от 22 августа нынешнего года сообщалось о том, что сотни зарубежных и советских участников нынешнего конгресса ЮНЕСКО в Москве смогли ознакомиться с экспозицией грузинских любителей природы. Посетивший выставку генеральный директор Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры М. М'Боу оставил такую запись в книге посетителей: «Я с большим интересом ознакомился с выставкой работ художников-любителей Грузии, талант которых равен лишь богатству их вдохновения и воображения. Они позволили увидеть нам искусство, которое я назвал бы экологическим, так как при создании своих замечательных произведений они используют только природный материал.

Это искусство способствует охране и защите окружающей среды, а его создатели являются истинными пионерами в этой области».

Таковыми же вдохновенными словами проникнуты и другие записи в книге.

Конечно, приятно слышать подобные оценки в адрес своей республики, своего народа. Да, в отношении природоохранного образования и просвещения сегодня у нас делается немало, все это «задел на завтра». Но ведь рядом с нами, у нас на глазах все еще нарушается природоохранное законодательство, о чем откровенно говорится во всех органах массовой информации.

Правда, заметно меньше, и право же к лучшему, стало вокруг так называемой наглядной агитации — облезлых и пожелтевших, бескрылых лозунгов, призывающих «догнать и перегнать», стремиться «вперед и выше», «равняться на передовиков», бороться за звание «лучшего по профессии», быть «ударником», «маяком», «поднимать производительность труда»... И все это массовыми тиражами рождалось и цвело в период застоя и рутины, красовалось там, где планы не выполнялись, равняться было не на кого, поднимать производительность нечем.

Слова, даже правильные, не подкреплялись делом, и лозунги-призывы, отдавая фальшью, не «работали» на дело.

Перестройка, охватившая все сферы народного хозяйства страны, культуру, образование, пропаганду, решительно и бесповоротно стрелку нашего движения перевела на новые рельсы: в первую очередь — дело. Дело надо делать! Каждому на

своем участке труда. И начинать каждому лично с себя, не кивая на соседа. Сегодня — это истина, не требующая доказательств.

Не сосчитать, сколько призывов на всевозможных щитах и транспарантах мы выставляли на природе. Они информировали, предупреждали, воспрещали, звали любить природу, как Отечество, хранить, как «зеницу ока». А в это время ей наносился и наносится пока непоправимый урон, нарушаются законы об охране природы, процветает браконьерство, выходят из сельскохозяйственного оборота еще вчера плодородные земли, губятся реки — страдает фауна и флора, меняется окружающая среда.

В чем же дело? Почему все природоохранные усилия далеко не всегда достигали цели ни с помощью увещеваний, ни с помощью штрафов и других более суровых санкций?

Здесь на первый план выдвигаются наши промахи воспитательного плана. Принимая немалые административные меры, мы все долго и наивно надеялись на то, что грамотный человек прочтет лозунг и не сломает ветку, не срубит дерево, не затопчет газон, не устроит свалки мусора, прекратит браконьерство, не будет сбрасывать неочищенные сточные воды в реку, из которой сам же пьет воду.

А ведь яснее ясного, что любовь к природе надо прививать человеку еще задолго до того, как он научился грамоте — еще в детском возрасте, буквально так, как это делается сегодня в разработанной системе экологического образования.

Когда мы многократно устно и письменно вещаем о том, что «непрестанно и неутомимо боремся за здоровье природы ради потомков», чтобы вручить им ее еще более богатой, прекрасной, чем она виделась нам, и нашими неутомимыми усилиями приумноженной, мне каждый раз кажется, что мы фактически, как в старом автомобиле по бездорожью, буксуя и трясясь на ухабах, стараемся, наверное, надеясь на библиотеки, архивы и компьютерную память, предстать перед своими внуками и правнуками в гораздо лучшем свете, чем на самом деле.

Наверное, в нашем, еще не написанном, но искреннем послании в будущее, через века, тем самым потомкам, о которых печемся часто только на словах, было бы, пожалуй, честнее написать: простите нас — нерадивых, незадачливых, ленивых, безответственных. Это мы клялись в любви к вам и беззастенчиво в то же время грабили то, что по праву принадлежит вам, будущему. Мы не берегли по-хозяйски природу и, лишь громко возвещая об этом, безжалостно надругались, брали

у нее все, что успевали. Даже когда она упорно сопротивлялась, грубо выворачивали ей руки, как садисты. ломали ей ребра. Когда же она пыталась дать нам достойный отпор, наносили удар «ниже пояса» или профессионально нокаутировали, а потом, как рефери на боксерском ринге, спокойно открывали счет «до девяти». Из последних сил она каждый раз поднималась, ей, как побежденному боксеру, делали примочки и наклейки, давали немного передохнуть. А потом новое поколение, глядя на нас, все начинало сначала, действуя новыми, более усовершенствованными временем и техническим прогрессом приемами.

Но природа тоже не оставалась равнодушной. Мы ежедневно теряли земли, равные по количеству территории одного района Грузии. Эрозия, сели, камнепады, снежные лавины, наводнения приносили много бед, которых было бы значительно меньше, будь мы настоящими друзьями природы.

Наши внуки и правнуки должны знать обо всем этом.

А сегодня нельзя об этом говорить без горечи и боли. Миллионные средства выделялись на мощные очистные сооружения. А они годами стоят памятниками преступной бесхозяйственности. Продолжается хищническая добыча инертных материалов, разрушающая берега рек, на восстановление которых впоследствии нужны будут новые миллионы и миллиарды народных денег. Как не сказать о таких руководителях, которые, выполняя план любой ценой, загрязняют окружающую среду, губят зеленые насаждения, отравляют атмосферу, воду, землю и... ходят в победителях. А ведь в основе этой беды — экологические бескультурье, незнание, забвение, пренебрежение природоохранным законодательством.

Теперь их уже надо не учить, а переучивать, что намного сложнее. Да простят меня те, кого это не касается, но многие, очень многие руководители, ведущие за собой большие коллективы, тоже все еще страдают экологической глухотой, экологической слепотой, что выражается не только в их словах, но чаще — в поступках. Из этого следует делать безотлагательные выводы всем.

Энтузиазм перестройки растет с каждым днем. Люди не хотят мириться со вчерашними мерками, оценками их работы. Они все смелее вмешиваются в дело, все активнее проявляют себя, выходя в свободные дни на оказание бескорыстной помощи природе, участвуя в воскресниках.

Восьмой традиционный месячник охраны природы нынешнего года показал, что его участники все глубже вникают в при-

родоохранные проблемы и своим добровольным личным участием приносят природе значительную пользу. Рамки месячника, традиционно приуроченного поначалу к Международному дню охраны природы — 1 июня, с каждым годом существенно расширяются.

Практика показала, что энтузиазм участников еще долго не затухает и работа по спасению малых рек продолжается вплоть до ненастных дней. Так, например, в Абхазской зоне в расчистке и обустройстве малых рек общей протяженностью 155 километров участвовало более 25 тысяч человек. Особенно отличились в этом работники культурно-просветительских учреждений Абхазии, в частности, коллектив Государственной республиканской универсальной библиотеки имени И. Г. Папаскири (директор Э. В. Бжания) и сотрудники ее отдела массовой работы, которым руководит А. И. Пашченко.

Они организовали 6 различных выставок, посвященных охране окружающей среды, тематический вечер о зеленых насаждениях с участием видных деятелей науки, литературы, искусства.

Сухумский городской Совет народных депутатов в местном парке культуры и отдыха провел интересный тематический вечер «Человек и природа» и Праздник цветов, привлекая широкую аудиторию, в парке имени Руставели.

Не остались в стороне от общего направления месячника и работники кинофикации, организовавшие в этот период широкий показ фильмов экологического содержания.

Однако все эти мероприятия просветительского характера, как это ни огорчительно, никак не смогли ликвидировать связанные с грубым нарушением природоохранного законодательства негативные явления, которые были выявлены в ходе проводимых по всей автономной республике рейдов представителей природоохранных служб и общественности.

Протекающие по территории Сухуми речки Беслетка, Гнилушка (название точно соответствует содержанию) и Сухумка основательно загрязняются неочищенными промышленными и хозяйственно-бытовыми стоками. Сухумский райпромкомбинат на протяжении ряда лет, несмотря на многочисленные санкции, по-прежнему беззастенчиво сбрасывает в Беслетку отходы своего кирпичного производства и различный мусор. Нет у райпромкомбината и очистных сооружений.

С частыми перебоями функционируют созданные на территории Сухумской бальнеолечебницы «Абхазкурортсовета» со-

оружения биологической очистки, из-за чего неочищенные стоки прямо поступают все в ту же Беслетку.

Руководство Сухумского межхозяйственного свинооткормочного предприятия до сих пор не приводит в порядок давно заброшенные и не эксплуатируемые очистные сооружения. В результате неочищенные сточные воды предприятия серьезно загрязняют реку Келасури. А ведь ниже по ее течению находятся водозаборные сооружения города-курорта Сухуми.

Проверка показала, что интенсивным загрязнителем водоемов продолжает оставаться и Сухумская птицефабрика, где также по причине не работающих очистных сооружений ее необезвреженные стоки без очистки сбрасывают в многострадальную Беслетку.

В Гудаутском районе рейдовая бригада обнаружила вопиющие факты интенсивного загрязнения водоемов свинооткормочными комплексами, действующими без очистных сооружений и навозохранилищ.

Серьезную угрозу возникновения болезней среди населения вызывает и беспроектная городская мусоросвалка, образовавшаяся непосредственно в пляжной полосе, у моря.

В городе Ткварчели участники рейда зафиксировали интенсивное загрязнение реки Галидзга сточными водами расположенной здесь ГРЭС. Дело в том, что построенный несколько лет назад золотоотвал стоимостью 4 миллиона 485 тысяч рублей из-за дефектов и недоделок постоянно выходит из строя, а в итоге река приобрела черно-буро-коричневый цвет.

Отметили проверяющие и то, что вступившие в строй еще в 1978 году сооружения биологической очистки поселков Джантуха—Акармара—Махме работают лишь на половину своей мощности, что объясняется значительным отставанием строительства канализационных сооружений шахтерских поселков.

Выявлены серьезные нарушения водных ресурсов на чайных фабриках Гальского и Очамчирского районов, на животноводческих фермах Гагрской зоны и Гульрипшского района.

Предметом обсуждения бюро ЦК Компартии Грузии стал вопрос о вопиющем преступлении на Сухумской нефтебазе, где была допущена утечка мазута в объеме 71 тонны, из коих около 20 тонн попало в море. Еще до окончания следствия Госкомитет СССР предъявил Сухумской нефтебазе иск за нанесенный природе ущерб в размере 439 тысяч рублей.

Все вышеизложенное рассматривается в Совете Министров Абхазской АССР для принятия неотложных мер.

К сожалению, таких фактов, которые требуют принятия срочных мер, немало.

Ускорению этого процесса помощи природе все еще мешает разобщенность множества природоохранных служб, а ведь прошло уже больше года со дня правительственного постановления, предложившего создание такой новой объединенной структуры. Этот орган должен обладать абсолютной независимостью по отношению к ведомствам, использующим природные ресурсы, и правом принятия решения по их охране. С этим надо торопиться. Ждать больше нельзя.

Сегодня борьба за мир и сохранение одной единственной на всех природы, цену которой не сосчитать в рублях, как и человеческих жизней, втянутых в мировой пожар, — лежат в одной плоскости. Они равнозначны и требуют напряжения всех сил — моральных и физических, чтобы загрязненное сознание людей высветлить, очистить от равнодушия, нацелить на эту священную борьбу за выживание человечества, за чистое небо для внуков и правнуков, которым и продолжать жизнь в нашем единственном общем для всех доме — планете людей Земля.

АРИСТОТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В СЕНТЯБРЕ 1987 года в Тбилиси, а затем в районном центре Цалка, где живет много греков, проходила научная конференция, посвященная проблемам античной философии, — так называемые «Аристотелевские чтения». Проводимые уже в четвертый раз с интервалом в три года, они стали традицией.

В организации «чтений» вместе с Тбилисским университетом, Грузинским отделением Философского общества СССР и руководящими органами Цалкского района активно участвовали редакции журналов «Вопросы философии» и «Философские науки».

На пленарном заседании в актовом зале Тбилисского университета были прослушаны доклады профессоров Ш. В. Хидашели, Ф. Х. Кессиди и Г. Г. Майорова. Секционная работа развернулась по следующим проблемам: «Аристотель в истории философии», «Теория познания и проблемы конкретных наук», «Этика, эстетика и политика», «Аристотель и проблемы художественной культуры».

В докладах грузинских философов наряду с освещением отдельных проблем классического наследия широко были представлены новые перспективы исследования взаимосвязи грузинской философии и греческой культуры; было обращено внимание на вопросы философских текстов и художественного перевода, сущность Ренессанса и т. д. Был рассмотрен также спектр современных актуальных проб-

лем литературы, культуры, религии, мифологии и, естественно, философии.

В Цалке состоялась церемония торжественного открытия памятника Аристотелю.

Участники конференции стали гостями народного праздника дружбы народов — «Триалетоба».

Работа конференции продемонстрировала возможность осмысленного слияния старых традиций и новаций, классического наследия и современности.

Мери ЧЕЛИДЗЕ.

«ПОВСЮДУ И ВСЕГДА Я, ГРУЗИЯ, С ТОБОЙ!»

В БАТУМИ в торжественной обстановке был открыт памятник великому грузинскому писателю и общественному деятелю Илье Чавчавадзе.

У здания Государственного театра имени И. Чавчавадзе состоялся митинг, посвященный этому важному событию в культурной жизни горсда.

Красную ленту перерезал секретарь ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе, и перед собравшимися предстал величественный образ Ильи — духовного пастьры народа, воплощенный в бронзу.

Авторы памятника — лауреат Государственной премии СССР и премии имени Ш. Руставели, народный художник Грузии, скульптор Элгуджа Амашукели и лауреат Государственной премии СССР архитектор, профессор Вахтанг Давитая.

Для И. Чавчавадзе родина была святая святых. «Повсюду и всегда я, Грузия, с тобой!» — эти его слова начертаны на памятнике.

ДРЕВНЮЮ Грузию многие представляют себе как страну, не знакомую с морским делом, а грузин — народом, никогда не занимавшимся мореходством.

Считалось, что в грузинских источниках почти не сохранилось сведений о мореплавании грузин. Как ни странно, вне поля зрения историков оставалось то немаловажное обстоятельство, что по памятникам средневековой грузинской литературы можно восстановить древнегрузинскую морскую терминологию — важнейший для истории морского дела Грузии источник.

В грузинской литературе морские термины зафиксированы еще в XI—XII вв. Грузинские переводчики нередко в самом тексте перевода или в примечаниях на полях объясняли значение и происхождение отдельных иностранных морских терминов, встречавшихся в оригинале, и давали соответствующие грузинские эквиваленты.

Сравнительно хорошо представлена морская терминология в грузинско-итальянском словаре 1629 г., вышедшем в Риме, в издании которого большую роль сыграл видный грузинский политический деятель Никифоре Ирбахи.

Первым, кто положил основу для изучения средне-

Тамаз БЕРАДЗЕ

И НА ВЕСЛАХ, И НА ПАРУСАХ

вековой грузинской, в том числе и морской, терминологии явился знаменитый грузинский ученый и политический деятель Сулхан-Саба Орбелиани (1658—1723 гг.), автор первого грузинского толкового словаря «Ситквис кона». Значительный материал по грузинской морской терминологии имеется в заметках и других грузинских лексикографов XVIII—XIX вв. Множество морских терминов содержится и в некоторых памятниках средневековой грузинской литературы — как светских, так и церковных.

Они свидетельствуют о давности и сравнительно высоком уровне мореплавания в Грузии. До нас дошли наименования разных судов, их отдельных частей и членов экипажа. Известны термины, относящиеся к морской географии, названия рыболовных снастей.

В одном исследователи все-таки правы: в грузинских нарративных и документальных источниках сохранились слишком скудные сведения о мореплавании грузин, и историкам приходится обращаться к иноязычным источникам. Античный период грузинского мореплавания представлен древнегреческими и латинскими авторами; VI—VIII вв. отражены в работах византийских историков; сведения об истории мореплавания Грузии в XV—XVIII вв. встречаются в записях западноевропейских миссионеров, дипломатов и путешественников, в сочинениях турецких историков. О грузинском мореплавании значительный материал хранится в архивах Турции. К сожалению, на сегодняшний день опубликована лишь небольшая его часть.

В грузинском приморье, в неолитических селищах, расположенных непосредственно у моря, археологи обнаружили множество глиняных грузил для рыболовных сетей. По-видимому, жители этих селищ ловили рыбу в море, используя при этом примитивные суда. Следовательно, истоки грузинского мореходства берут начало уже в неолите.

Древнегрузинские племена, по-видимому, довольно успешно освоили азы мореплавания. В VII—VI вв. до н. э. они уже были широко расселены на морском берегу Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, что было бы невозможно без широкого применения средств передвижения по морю.

Первыми морскими судами на грузинском приморье были однодревки как малых, так и сравнительно больших размеров.

Малые однодревки, или «нуша» («ниша»), как их называли древние грузины, могли брать на борт всего несколько человек, и ими пользовались для путешествий на сравнительно короткое расстояние. В раннеантичную эпоху такие суда имели.

например, моссиники — племя явно западногрузинского происхождения. По свидетельству Ксенофонта, приблизительно в 400 г. до н. э. они на трехстах однодревках, в каждой из которых было «по три человека», пришли на помощь греческим наемникам, возвращавшимся в Грецию после неудачного похода Кира-младшего, брата и соперника персидского царя.

Однодревки являлись основным средством передвижения по болотистой Колхидской равнине в Западной Грузии. «Они мало ходят пешком, — писал Гиппократ о жителях этого региона, — только в городе или на рынок, а обыкновенно разъезжают на однодревках по каналам, которых у них множество».

Такие малые однодревки имелись у жителей приморской Грузии в античную эпоху и средневековье.

У античных авторов мы находим сообщения о далеких морских походах представителей некоторых племен Восточного Причерноморья. Среди них были и гениохи, которых многие исследователи считают писменем грузинского происхождения. Впервые об их походах сообщает греческий историк Диодор Сицилийский (I в. до н. э.). Рассказывая об одном боспорском царе, правившем в конце IV в. до н. э., греческий историк пишет: «Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством — гениохами, таврами, ахейцами».

Более подробно о морских набегах ахейцев и гениохов пишет Страбон: «Эти народности живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью до 25 человек, редко — до 30; у греков они называются «камарами»... Снаряжая флотилии таких «камар» и атакуя то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки и рынок для сбыта добычи. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на своих плечах переносить «камары» в леса... Когда же наступает время плавания, они снова несут свои лодки к берегу».

«Жители Боспора», упомянутые в приведенном отрывке, — это жители Боспорского царства, занимавшие Крым и все Северное Причерноморье. Можно предполагать, что гениохи совершали свои набеги как на берега Восточного Причерноморья, так и на берега Северного и Западного Причерноморья. Об этом вполне определенно пишет знаменитый римский поэт Ови-

дий Насон, который последние годы своей жизни провел в ссылке в г. Томы (совр. Констанца): «Как бы сильно ни лаяли свирепые чудовища у обрубленного паха Сциллы, все же суда гениехов больше причиняют вреда морякам. Ты не можешь также сравнивать Харибду с жестокими ахейцами, хотя она извергает трижды поглощенную морскую воду. Хотя эти народы свободно бродят по правой стороне Понта, но тем не менее не оставляют в безопасности и здешние берега».

Знаменитый римский историк Тацит в связи с восстанием в I веке против римского господства в Причерноморье упоминает местное морское военное судно, называя его также «камарой». Это были суда «с высокими бортами и широким дном, сколоченные без медных или железных скоб». При сильном волнении на море борт судна наращивали досками — получался фальшборт, не позволявший волнам перехлестывать через борт. Нос и корма Тацитовей «камары» были одинаковой формы и грести на ней можно было в любую сторону, а причаливать к берегу — обоими концами.

В античную эпоху у берегов Западной Грузии плавало много местных судов. Поэтому жителей этого края античные авторы иногда называли «камаритами».

«Камара», упомянутая Страбоном, — большая однодревка. У Тацита же этим термином обозначено другое местное судно — «олечкандэри».

«Олечкандэри» обозначает «окованный». Это название судно получило благодаря своей конструкции. Вначале основу такого судна составляла однодревка, к которой прибивались специальные доски. Во времена Тацита «олечкандэри» представляли собой уже дощанники.

В позднее средневековье абхазские и черкесо-адыгейские пиратские суда назывались в Грузии по старой традиции «олечкандэрами». По описанию, это были плоскодонные одномачтовые дощанники. Для такого судна четырехугольный парус имел только вспомогательное значение. Основным двигателем были 12 пар весел. Нос судна обычно был украшен стилизованным изображением какого-нибудь животного. Такие «олечкандэри» были рассчитаны на 80—100 человек. Они не имели специальных гребцов и гребли на них все находившиеся на борту по очереди.

В VII—II вв. до н. э. Западная Грузия была объединена в Эгрисское или Колхидское царство, которое, по-видимому, имело свой морской флот. Косвенное доказательство такого

предположения можно найти в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (III в. до н. э.), согласно которой колхи имели многочисленный флот, состоящий из быстроходных парусных судов. Несомненно, описание колхидского флота относится к эпохе поэта, а не ко второй половине II тысячелетия до н. э., то есть ко времени создания мифа об аргонавтах. Наше предположение о существовании флота Эгрисского (Колхидского) царства подтверждается и Страбоном.

Античные традиции морского дела в Западной Грузии продолжались и в первые века средневековья, о чем свидетельствуют некоторые византийские источники.

Византийский историк VI в. Агафий Миринейский особо отмечает, что «...в настоящее же время колхи совершают морские путешествия».

Колхами византийский историк называет подданных Эгрисского (Лазского) царства, которое в то время объединяло Западную Грузию. Между этим царством и Византийской империей в VI в. была расположена своего рода буферная зона — Чанети, и ее жители, по сведению другого византийского историка Прокопия Кесарийского, не являлись подданными ни Эгрисского царства, ни Византийской империи. Они стремились быть с обоими в мирных и дружеских взаимоотношениях и «всегда соглашались проводить послов одного царя, идущих к другому царю». По-видимому, чаны поступали так не совсем добровольно: перевозка византийских императоров и эгрисских царей была своеобразной морской повинностью, которую они обязаны были нести в пользу своих сюзеренов.

Выясняется, что в VI в. «морскую повинность» в пользу Византийской империи несло и Эгрисское царство, которое наряду с Херсонесом и Боспором должно было поставлять византийскому флоту морские суда и их оснастку. Сведения о такой повинности сохранились в новелле (декрете) 575 г. византийского императора Тиберия, изданной в связи с восшествием на престол.

Естественно, что такую повинность в пользу византийского флота могли нести страны, имевшие развитые традиции мореходства. В VI в. такой страной являлась Лазика (Западная Грузия). Поставкой морских судов и их оснасткой занимались местные власти, что, в свою очередь, указывает на определенную централизацию морского дела в Эгриси. Не исключено, что это царство имело свой государственный флот.

О мореходстве в Западной Грузии в VII—VIII вв. почти

ничего не известно, за исключением сообщения хронографа Феофана Исповедника о том, что в 717 году Лев Исавр, который вскоре стал императором Византии, для возвращения из Западной Грузии на родину воспользовался, по всей вероятности, местным морским судном.

О мореходстве грузин в VIII — XV вв. прямых сведений почти не сохранилось. Но это не означает наступления «кризиса» мореходства. Доказательством обратного служит древняя грузинская морская терминология, созданная в основном именно в эти века. Оригинальная грузинская морская терминология не могла быть создана в стране, в которой не было развито мореходство. В противном случае грузинские переводчики были бы вынуждены оставлять без изменения иноязычные морские термины или же, из-за незнания морского дела, переводить их неправильно. А таких ошибок в грузинских текстах почти нет. Ясно, что грузинским переводчикам морские термины, встречавшиеся в текстах, были не в диковинку.

О мореходстве Грузии XII—XIII вв. представление дает поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Море для героев поэмы — такая же привычная стихия, как и суша. Фридон — владетель города Мулгазанзари, в гавани которого бросали якорь суда многих стран. Еще более важным морским пунктом была Гуланшаро, столица «морского царства», управляемая «владыкой моря» Сурхави. Главную героиню поэмы Нэстан-Дареджан увозят с родины морем, и Тариэл ищет ее в течение целого года, бороздя морские просторы. Он же однажды оказывает помощь Фридону в морском бою; Автандил, побеждая корсаров в открытом море, овладевает их судном. Главные герои поэмы Тариэл, Автандил, Фридон и Нэстан-Дареджан попадают в Гуланшаро морем и возвращаются оттуда на большом парусном корабле.

Шота Руставели четко различает парусные торговые суда «хомалди» от гребных военных галер — «катарга». В поэме довольно подробно описано судно корсаров, «снабженное тараном с железным наконечником для пробивания кораблей». В поэме упоминается черный флаг пиратов, дается живая картина нападения корсаров на торговый корабль. Шота Руставели употребляет исключительно грузинские морские термины. В «Витязе в тигровой шкуре» своеобразно отразилось состояние морского дела в Грузии, достигшее довольно высокого уровня в XII—XIII вв.

1 июля 1474 г. судно с направлявшимся в Иран венециан-

ским послом Амброджио Контарини бросило якорь в устье реки Риони. «Мы подошли к устью Фассо. К кораблю подплыла барка... Мы спустились с корабля и в этой лодке вошли в устье реки... Утром мы поплыли на той же барке вверх по реке и дошли до города, именуемого Фассо (Поти)», — пишет венецианский посол.

Барка — небольшое морское судно для каботажного плавания. В XV в. такая барка перевозила около двадцати четырех тонн груза. Это были одномачтовые, сравнительно быстроходные суда. Так что у жителей Западной Грузии в XV в. имелись современные суда для торгового плавания на Черном море.

Приведенное высказывание Амброджио Контарини является единственным дошедшим до нас сообщением о мореходстве грузин в XV в. О мореплавании грузин в XVI—XVIII вв. известно гораздо больше. Дошедшие до нас сведения в первую очередь освещают ту перманентную морскую войну, которую вела Грузия в целях защиты своих границ.

Со второй половины XIV в. адыгейские племена, которых грузины называли джиками, стали совершать морские набеги на грузинское приморье. В ответ на это Западная Грузия периодически организовывала морские походы к берегам Джикети с целью уничтожения пиратских судов на месте.

В январе 1533 г. несколько сот грузинских гребных судов приблизились к берегам Джикети. Время было выбрано удачно, так как джики не ожидали нападения грузин зимой. Грузины высадились на берег, не встретив сопротивления, но флот неожиданно предательски покинул высадившиеся войска, потерпевшие сокрушительное поражение. На этом грузинско-джикский конфликт не закончился. В 1557 г. одишский (мегрельский) владетель Леван I Даддани специально отправился морем в Стамбул, чтобы просить у султана военные галеры для борьбы с джиками. Одишский владетель нуждался только в судах, моряков у него было достаточно. Получив от султана галеры, Леван I Даддани возобновил морскую войну против джиков, а в 1560 г. заключил с ними мир, выгодный для грузин, после чего пошли на убыль набеги джиков.

Конфликт с джиками на море был только частью борьбы, которую вела Грузия на море для защиты своих границ. Основными врагами ее на Черном море в XVI—XVIII вв. были турки. Каждая агрессивная акция турок в грузинском приморье, как правило, вызывала соответствующую реакцию со стороны грузин.

В 1461 г. Турция захватила Трапезундскую империю и стала непосредственным соседом Грузии в Причерноморье. С этого года начались набеги грузин на Анатолийское побережье. С 1461 года турецкому правительству пришлось в Трапезундской гавани держать специальную флотилию, которая защищала юго-восточное Причерноморье от нападения грузин.

В первой половине XVI в. Турция пыталась аннексировать южную часть грузинского приморья — Чанети. В отражении этой агрессии участвовали и грузинские военные суда. Для отражения грузинских набегов со стороны моря турецкому правительству приходилось прибегать к особым мерам. Оно даже создало специальное вспомогательное войско из местных жителей, которым вменялось в обязанность защищать безопасность побережья страны на своих судах. Вскоре выяснилось, что эта мера не дала ощутимого эффекта. Грузинские корсары по-прежнему продолжали ежегодно нападать на турецкие берега. Временами они создавали непосредственную угрозу и для турецкого военно-морского флота.

В 1547 г. османы окончательно заняли Чанети и приступили к сооружению крепости на правом берегу р. Чорохи. Владетелю Гурии удалось изгнать турок с правого берега реки, но у него не хватило галер и других судов, чтобы, переправив войска на левый берег, изгнать турок из Чанети. Он обратился за помощью к правителям Имеретии и Мегрелии. Мегрельский владетель собрал в помощь свой флот, который стал на якорь в устье Риони, но на этот раз организовать на море отпор османам не удалось, и флот Левана I Дадиани вскоре покинул устье Риони.

В 1548-56 гг. у берегов Грузии фактически идет необъявленная война между турецким флотом и военными судами одишского князя. Война идет с переменным успехом, так что в 1556 г. турецкому правительству пришлось специально предупредить трапезундского санджакбея, чтобы он принял меры для отражения возможных морских набегов из Западной Грузии.

Набеги грузин на турецкое побережье временно прекратились в связи с заключением в 1557-59 гг. морского союза мегрельского владетеля с Турцией против джиков. После заключения мира между Одиши и джиками набеги возобновились с новой силой, так как грузины пытались вернуть Гонийскую крепость и изгнать турок из Чанети. Так, например, в 1560 г. грузинский флот из пятнадцати судов напал на Гонийскую кре-

пость и с большими трофеями возвратился назад. Турецкие правители остро отреагировали на это, издав специальное распоряжение о постройке и оснастке боевых судов для отражения таких нападений в будущем.

В турецких документах имеются сведения о боевых действиях жителей Западной Грузии против турок на Черном море в 1571 г. Вначале на приморские пункты Турции дважды совершил набег на пятнадцати судах одишский князь. Затем абхазы — на четырех, а в другой раз на двух судах. Во всех случаях нападающие брали большой полон и трофей. Во второй половине 1571 г. турецкому правительству стало известно, что в Мегрелии для набегов на турецкое побережье было построено дополнительно шесть судов, вооруженных артиллерией. Турецкое правительство вновь прибегло к чрезвычайным мерам для защиты своих берегов. Было решено ежегодно устраивать морские походы, чтобы на месте уничтожить военные суда Одиши и Абхазии. Кроме того, османам удалось натравить бывших союзников друг на друга. Турецкие морские власти вооружили гурийские и мегрельские галеры против абхазов и черкесов. В результате значительно сократились набег на турецкое побережье.

В 1578-1579 гг. турецкие войска заняли Батуми, Сухуми, Поти и на короткое время почти полностью взяли под контроль грузинское приморье. Не удивительно, что активность грузин на море резко упала. Борьба их на море приняла характер партизанской войны. Для подавления такого сопротивления на море османское правительство еще в 1579 г. создало в Поти специальное «капитанство», которому было подчинено довольно сильное соединение турецких кораблей. Это морское соединение, безусловно, имело большое значение, если учесть, что в XVI в. Турция не держала на Черном море постоянного флота и военные корабли посылались туда только в особо важных случаях.

В 90-е годы XVI в. турки были вынуждены оставить большую часть грузинского приморья, захваченного ими в 1578-79 гг. Только после этого прекратилось патрулирование грузинских вод.

Сведений о грузино-турецких столкновениях на Черном море в XVII в. почти не сохранилось. Единственным исключением можно считать сообщение знаменитого турецкого путешественника Эвлии Челеби о появлении в 1647 г. грузинских судов у Гонийской крепости, пришедших на помощь казакам, отбивав-

шим турецкую осаду. По свидетельству турецкого путешественника, грузинская помощь запоздала, и «непокорные мегрельские азнауры» появились на своих 50 судах у крепости тогда, когда она уже была захвачена турками. Османы открыли огонь по приближавшимся судам. «Бой продолжался до вечера», турки захватили «47 судов, и в руки мусульман попала большая добыча».

Мегрельские «непокорные азнауры», спешившие на своих судах на помощь казакам, были посланы владетелем Мегрелии. Появление 50 судов у Гонийской крепости свидетельствует о том, что к тому времени у правителя Мегрелии было несколько сот боевых судов. Это предположение подтверждается и сообщением Вахушти Багратиони о том, что правивший тогда этим грузинским приморским княжеством Леван II Дадзиани (1611-1657) имел значительные морские силы и «сильную разбогател, занимаясь разбоем на море». Неудивительно, что Левана II Дадзиани его грузинские современники называли «владыкой морей».

До нас дошло сравнительно много интересных сведений о торговом мореплавании грузин в XVII веке.

Письменные источники свидетельствуют о том, что мореплавание было привычным занятием для жителей грузинского приморья. Каботажное морское сообщение в Западной Грузии было довольно оживленным. Суда ходили в любое время года, в любую погоду, днем и ночью. По-видимому, в античную эпоху и в средние века прибрежные регионы Грузии гораздо теснее были связаны между собой морем, нежели сухопутными дорогами.

В XVI—XVII вв. грузинские мореходы совершали и сравнительно далекие плавания. Так, например, в 1557 г. на своем судне из Грузии в Стамбул прибыл Леван I Дадзиани. Английский посол в Стамбуле в 1620-26 гг. Томас Рей сообщал своему правительству, что запорожские казаки «защищали и буксировали суда грузинские, плавающие в Черном море». Приблизительно в те же годы то же самое писал знаменитый Пьетро де Ла Валле. Естественно, грузинские торговые суда не нуждались в чужой охране у своих берегов. Казаки не могли защитить такие суда и у Анатолийского побережья, так как в этом регионе сами избегали встреч с турецкими военными судами. Томас Рей и Пьетро де Ла Валле, должно быть, имеют в виду прибрежные воды Крыма и соседних с ним стран, где в 20-е годы XVII в. запорожские казаки являлись фактическими

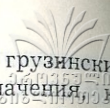
хозяевами. Это свидетельствует о том, что грузинские торговые суда достигали Северного Причерноморья. Грузины плавали на своих судах и в южном направлении, до Стамбула. В альбоме итальянского миссионера Кристофора Каstellи изображено одномачтовое беспалубное судно с латинским парусом и двумя парами весел, с одинаковыми высоко поднятыми носом и кормой. Из подписи под рисунком и из книги о Мегрелии, написанной другим миссионером, Арканджело Ламберти, выясняется, что судно было построено в грузинском приморье и итальянские миссионеры на нем «ловили рыбу, а также доставляли из Константинополя продовольствие, посылаемое... по велению папы Урбана».

В 1831-34 гг. Крым и Закавказье посетил швейцарский ученый и путешественник Дюбуа де Монпаре. Знаменитый швейцарец наряду с подробными заметками оставил большой альбом своих рисунков. Здесь наше внимание привлекло изображение расположенной у самого моря усадьбы абхазского феодала. На рисунке изображены деревянные постройки, а также вытасченное на берег морское судно, которое ничем не отличается от судна миссионеров из альбома Каstellи. Такое совпадение не может быть случайным. И у Каstellи, и у Дюбуа де Монпаре изображен один и тот же тип судна, на котором плавали жители Западной Грузии.

Поскольку суда такого типа использовались не только для торговли и перевозок, но и для рыболовства, им больше всего соответствует название «очхомели» (букв. «рыболовное»), которое в средние века обозначало грузинское морское судно определенной конструкции.

В двадцатых годах нашего столетия в Трапезундском порту все еще причаливали местные небольшие морские суда — «грипарионы», которые, судя по сохранившимся фото, ничем не отличались от грузинского морского судна, изображенного в альбоме Каstellи. Впрочем, совпадают не только конструкции этих судов. Греческое слово «грипарион», так же как и грузинское «очхомели», обозначает «рыболовное».

С XIII в. слово «грипарион» в Трапезундской империи обозначало рыболовное или торговое судно каботажного плавания. Судя по описанию, это было судно с гладкой обшивкой, одномачтовое, с латинским парусом. Корма у него была необычной формы, что позволяло вытаскивать его на берег кормой вперед, как вытаскивали древнегреческие галеры. Для разгрузки таких судов с кормы спускались сходни.

Такая же конструкция, несомненно, была и у грузинских «очхомели». Это было судно универсального назначения, на нем плавали и в море, и на больших реках, ловили рыбу, перевозили пассажиров и груз.

«Очхомели» строили в Западной Грузии не только в XVI—XVII вв. Суда эти, сравнительно несложной конструкции, не нуждались в хороших гаванях, что было очень важно для грузинского приморья, где почти не было удобных бухт. По-видимому, такие суда в Грузии строились на протяжении всего средневековья. Они строились местными судостроителями, как правило — ремесленниками разного профиля. Одни заготавливали лес, другие — специальные гвозди для судов. Некоторые строили только корпуса судов, а другие устанавливали на них парусное снаряжение.

Ловля рыбы на море и вообще морской промысел играли важную роль в жизни грузинского приморья.

Ловлей рыбы на море в Западной Грузии стали заниматься еще в неолите. В энеолите и в бронзовом веке морское рыболовство уже было на сравнительно высоком уровне. Археологи считают, что в античную эпоху Западная Грузия, равно как и страны Северного Причерноморья, экспортировала соленую рыбу в Грецию. Традиции морского рыболовства в Грузии продолжались и в средние века.

В Грузии умели хранить живую рыбу. Обычно ее держали в специальных садках с проточной водой.

Мелкую рыбу обычно не потрошили, а выдержав некоторое время в соленой воде, вялили на солнце. Более крупную рыбу резали на длинные куски, клали в бочки с рассолом, затем сушили, после чего обычно коптили на специальных устройствах. Занимались и производством ворвани из морской рыбы, в Грузии ворванью пользовались в лечебных целях. Из осетровых рыб получали икру высшего качества. Рыбаки использовали в рыбе все, кроме чешуи. Даже мягкий спинной хрящ осетровых рыб шел в дело. Его сушили и хранили, а на великий пост из него готовили вкусное блюдо. Из внутренностей рыбы в средние века варили клей.

В XIV—XVII вв. западногрузинские рыбаки за право ловить рыбу в море платили специальный налог владельческим князьям Гурии и Мегрелии. Известно, что владельцы Мегрелии часть этого дохода уступали Хобскому монастырю, в казну которого в XIV—XVII вв. местные рыбаки должны были вносить определенное количество воска и серебряных монет.

Трудно что-либо сказать о том, сколь велик был морской промысел в Западной Грузии в античную эпоху или в средние века. По-видимому, он все-таки был немалым. Так, например, в 1576 г., когда прибрежной полосой между реками Риони и Чорохи на короткое время завладели турки, турецкие власти предполагали получить 100 тысяч ахче дохода только за выдачу разрешения на ловлю рыбы в устьях этих рек. Безусловно, общая стоимость ежегодно вылавливаемой рыбы в этих местах была гораздо больше.

В средневековой Грузии рыбаки составляли особую категорию зависимых крестьян. Такие крестьяне были как у светских, так и у церковных феодалов. Рыбаки несли повинность «метэвзоба» — то есть они были обязаны ловить определенное количество рыбы для своих феодалов.

В налоговых реестрах у рыбаков наряду с повинностью «метэвзоба» очень часто фигурирует и повинность «менавтоба», или «навтоба». Эта повинность была связана с мореходством, о чем свидетельствует сама этимология этого слова. Грузинские термины «навтоба» и «менавтоба» происходят от греческого «наутос» («моряк»), заимствованного приблизительно в VI в., когда жители Западной Грузии несли, как мы уже отметили, морскую повинность в пользу Византии. Тогда этот термин обозначал службу в византийском военно-морском флоте. Впоследствии «навтоба», или «менавтоба», обозначал обязанность служить на морских судах.

В 1703 г. в приморье Грузии начался новый этап османской агрессии. Турки стали занимать приморские крепости, пытаясь отрезать страну от моря.

Османские гарнизоны в приморских крепостях снабжались всем необходимым из Турции по морю. Грузины неоднократно пытались парализовать морские коммуникации противника и принудить их оставить эти крепости. Уже в сентябре 1704 г. османскому правительству доносили, что в устье реки Ингури грузины блокировали крепость Анаклия и со стороны суши, и с моря и заставили турок сдаться. Об этом выступлении грузин турецкое правительство узнало раньше, чем донесение дошло до места назначения. Еще в июле 1704 г. против восставших были посланы боевые корабли. Когда число кораблей оказалось явно недостаточным, турецкие власти к началу навигационного сезона 1705 г. послали к берегам Абхазии и Мегрелии еще одну эскадру, в которую были включены и десять специальных легких судов для преследования противника в прибрежных водах. Они, без сомнения, предназначались специально для борь-

бы с грузинскими легкими судами. Турецкому правительству приходилось ежегодно посылать к берегам Грузии специальные соединения своих боевых судов. Несмотря на это, турецкий флот не сумел окончательно подавить сопротивление Западной Грузии на море. Наоборот, как выясняется из жалоб, поступавших к турецкому правительству, к 1714 г. плавание у берегов Грузии для турецких судов стало очень опасным. В сравнительной безопасности турки чувствовали себя только на больших боевых кораблях-фрегатах.

В 1721-22 гг. приморские княжества Грузии одновременно выступили против турок. Военные суда грузин блокировали занятые турецкими гарнизонами крепости и начали разорять прибрежные турецкие поселения. Сухопутное турецкое ополчение, спешно собранное по приказу властей, не справилось с оставшими. Грузины добились полного господства на море. Грузинские морские суда вновь безнаказанно совершали набеги на турецкие прибрежные поселения и разоряли их. В августе 1722 года командующему османским флотом было приказано послать к берегам Грузии соединение из десяти фрегатов. Ему же были поручены постройка и вооружение легких судов, укомплектование их экипажем. В кратчайший срок пять таких легких судов, вооруженных артиллерией, были посланы к берегам Грузии.

В 1723 г. турки овладели почти всей прибрежной частью Грузии, лишив тем самым грузинских мореходов своей базы. Тем не менее, сопротивление на море против турецкой агрессии продолжалось еще некоторое время. По этой причине турецкие власти еще долго держали у берегов Грузии часть своего военно-морского флота. Лишь в 50-е гг. XVIII в. сопротивление грузин на море было окончательно подавлено, и турецкие военные суда почти полностью покинули прибрежные воды Грузии.

Успех Турции в грузинском приморье имел катастрофические последствия для морского дела Грузии. Почти полностью были забыты богатые традиции судостроения и судоходства. В стране перестали заниматься морским промыслом, и древние традиции морского рыболовства тоже стали забываться.

Тем не менее в 1804-1810 гг., когда Западная Грузия присоединилась к России, в грузинском приморье все еще строили (правда, немного) малые плоскодонные морские суда. В основном такие суда строились в Мегрелии.

Войдя в состав Российской империи, Мегрельское княже-

ство до 1857 г. сохраняло свою автономию. Здесь при владетеле Леване V Дадияни предпринимались кое-какие шаги для поддержки местного мореходства, не были забыты ремесла еудоостроителей. Так, например, приблизительно в 1816 г. местными мастерами было построено несколько небольших морских судов для снабжения русского гарнизона, расположенного в приморском местечке Гудава.

При Леване V Дадияни в 1833 г. было построено сравнительно большое морское судно «Хопская Божья Матерь», водоизмещением приблизительно 240 т., которое делало рейсы в Одессу, а также в порты Средиземноморья.

Такова вкратце история морского дела в Грузии, которая пока еще требует серьезного исследования.

Елена СЕХНИАШВИЛИ

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНЬЕ

В октябре нынешнего года в Телави проходил фестиваль-семинар камерной музыки «Дар лозе». Этот праздник музыкального творчества, инициатор и истинная душа которого — выдающаяся пианистка Элисо Вирсаладзе, проводится у нас уже в третий раз.

В последнее время количество музыкальных фестивалей в Грузии резко возросло, расширилась и их география. Это фестивали оперного искусства в Кутаиси и Батуми, «Ночные серенады» на Пицунде, Горийский фестиваль хоровой музыки. Однако «Дар лозе» — явление уникальное. По своей подлинно просветительской миссии он существенно отличается от всех музыкальных форумов Советского Союза и главной задачей, и общей рабочей программой, выдвинувшей проблему реорганизации функционирующей системы музыкального образования и воспитания молодежи. Его организаторами преследуются не только эстетические, но и нравственно-этические цели.

Телавский фестиваль — это не просто многообразно подобранные концертные программы в исполнении музыкантов высочайшего класса, но и семинарские занятия, и открытые уроки ведущих педагогов страны, на которых студенты консерватории и музыкальных училищ республики имели возможность познать великое множество разнообразных музыкальных явлений и значительно обогатить свой профессиональный кругозор.

«То, что музыкант приобретает в познании, высказывается им в творчестве или исполнительстве». Эти слова одного из

основателей советской пианистической школы Г. Г. Нейгауза, чьей памяти и посвящен «Дар лозе», воспринимаются своеобразным эпиграфом телавского форума.

Необычайно тонко чувствуя духовные запросы молодых музыкантов, Генрих Густавович «не только превосходно учил их, но и возбуждал их ум и фантазию, развивал скрытые в них силы, делал их более чуткими, страстными, мыслящими, более устремленными, честными, стойкими, более преданными своему делу» (Я. Мильштейн).

Заветы Нейгауза, особенность его педагогического метода получили творческое продолжение на фестивале в Телави, выдвинувшем идею преодоления замкнутости современного педагогического процесса, придания ему большей свободы и открытости общения. Осуществление же этой задачи стало возможным лишь при верно избранной, своеобразной «трехслойной» форме: с одной стороны — концертные выступления, с другой — открытые уроки-семинары и с третьей — культурно-познавательная программа, включающая знакомство с древними историческими памятниками Алаверди, Шуамта, Греми, академией Икалто. Специально к этим дням была подготовлена и выставка полотен Елены Ахвледиани, а в фойе Драматического театра экспонировались работы молодых художников Грузии, фотоматериалы и документы, рассказывающие о прошлых фестивалях. Особое внимание привлекла выставка «Г. Г. Нейгауз и Грузия», на которой демонстрировались портреты Г. Нейгауза кисти Е. Ахвледиани, письма, фотографии, афиши, ноты, книги и грампластинки выдающегося музыканта.

Все эти «слои» органически взаимодополняли друг друга, служа единой цели — научить молодое поколение музыкантов проникать в неисчерпаемые тайны искусства, помочь вобрать в себя его высокий дух, привить навыки к творческой работе.

Полная вдохновения и жажды познания многочисленная аудитория на протяжении девяти дней жила здесь в подлинно музыкальной атмосфере.

По сравнению с предыдущими, нынешний фестиваль был наиболее представительным благодаря приглашению лучших солистов и исполнительских коллективов, искусство которых высоко ценится во всем мире.

Тон выступлениям задавала великолепная тройка музыкантов — пианистка Э. Вирсаладзе и ее соинициаторы по проведению фестиваля — скрипач О. Каган и виолончелистка Н. Гутман.

Наряду с постоянными участниками — старейшиной ле-

нинградской пианистической школы, любимцем телавской публики Н. Перельманом, Литовским камерным оркестром под руководством С. Сондецкиса, Государственным квартетом Грузии в составе К. Вардели, Т. Батиашвили, Н. Жвания и О. Чубинишвили, ленинградской певицей Н. Ли, Хором девушек Телавского музыкального училища под управлением П. Демуришвили, — на фестивале впервые выступили Ансамбль солистов Московской государственной филармонии под руководством Ю. Башмета, кларнетист из Швейцарии Э. Брунер, дуэт скрипача А. Михлина и пианистки Ц. Квернадзе, московский пианист и композитор В. Лобанов, дирижер из Саратова Ю. Кочнев (руководивший выступлениями Камерного оркестра Тбилисской государственной консерватории), фольклорный ансамбль «Мтиэби» под руководством Э. Гараканидзе и Ансамбль старинной музыки из города-побратима Телави — Бибераха (ФРГ).

Подобному составу участников мог бы позавидовать любой международный фестиваль!

При всем разнообразии исполнительских индивидуальностей концертные программы поражали удивительной гармонией, слитностью музыкантов не только друг с другом, но и со всей аудиторией, обусловленными как высочайшим критерием исполнительского мастерства, так и возможностью каждого артиста раскрыть свою творческую потенцию в различных сферах музыкантской деятельности.

Кроме концертных выступлений состоялись уроки по разным музыкальным специальностям, которые проводили известные педагоги из разных консерваторий страны — Н. Е. Перельман, Л. Н. Гинзбург, Б. С. Маранц, А. С. Алексеев, А. Х. Штерн, Н. Гутман, Н. Ли, а также солист Баварского радио Э. Брунер.

Особо следует отметить значение семинара по музыкальной критике, не имеющего аналогов ни на одном из фестивалей страны. Целью семинара является выявление потенциальных возможностей молодых музыковедов и привитие им навыков критического мышления. Руководители семинара (московский критик В. Юзefович и Р. Цурцумия) предоставили возможность студентам-музыковедам вынести на всеобщее обсуждение заранее подготовленные рефераты, а также рецензии на текущие концерты. Студенты консерватории, учащиеся и педагоги училищ, составившие аудиторию семинара, проявляли подлинную заинтересованность в обсуждаемых проблемах. Дискуссии проходили в творческой и деловой атмосфере, стимулировавшей

свободный обмен мнениями. Познавательными были и лекции ленинградского музыковеда Л. Гаккеля, а также беседа В. Юзефовича с участниками музыковедческого семинара о некоторых проблемах современной музыкальной критики...

Программы концертов были необычайно насыщенными и многогранными. За девять дней состоялось девятнадцать концертов, на которых прозвучали сочинения широчайшего стилистического диапазона — от Телемана, Вивальди и Баха до О. Мессиана, А. Шнитке и С. Насидзе.

Особо хочется выделить вечер, посвященный памяти Г. Г. Нейгауза. Весной будущего года состоится 100-летний юбилей прославленного музыканта, и верные заветам мастера ученики собрались в Телави, дабы почтить память своего учителя. В концерте приняли участие Н. Перельман, Б. Маранц, Л. Гинзбург, А. Нижарадзе, Э. Вирсаладзе, вдохновенно исполнившие сочинения Бетховена, Шуберта, Шопена, Рахманинова, Альбенниса и Листа. Подлинной кульминацией вечера стало исполнение Э. Вирсаладзе «Испанской рапсодии» Листа, прозвучавшей необычайно свежо, изобразительно ясно по замыслу и ослепительно по реализации.

Кроме предусмотренных программой концертных номеров, организаторы фестиваля подготовили слушателям много приятных сюрпризов. Именно так воспринимались экспромтом созданные новые творческие коллективы, своего рода «фестивальные ансамбли», возникновение которых стало возможным лишь благодаря созданным здесь подлинно творческим условиям. В их числе дуэты Э. Вирсаладзе и Ц. Квернадзе, Э. Вирсаладзе и Э. Брунера, Н. Гутман и пианистки И. Сухаревской. Одной из вершин концертных программ явилась интерпретация именно таким, крайне непривычным составом исполнителей (I скрипка О. Каган, II скрипка Т. Батишвили, альт Н. Жвания, виолончель Н. Гутман, кларнет Э. Брунер), «Квинтета» Моцарта. Казалось, объединение в одном небольшом ансамбле артистов трех разных исполнительских школ должно было вызвать разноречивую в прочтении моцартовского шедевра. Однако при сохранении исполнительской концепции каждого из музыкантов стройность композиции и гармоничность художественного целого ни на секунду не были нарушены. При этом артисты испытывали ту подлинную радость музицирования, которая столь редка в наши дни и воспринимается слушателями как истинный праздник вдохновения.

Ярко проявилась и разноликость исполнительских пристрастий О. Кагана. В его программы были включены сочинения

Баха и Онеггера, Моцарта и Шнитке, Шуберта и Равеля. Одним из пиков фестиваля стало исполнение им «Партиты» Баха, свидетельствующее о высочайшей художественной зрелости и артистической мудрости скрипача.

Отрадно, что на этот раз организаторы Телавского фестиваля расширили круг участников, пригласив швейцарского кларнетиста Э. Брунера. Музыкант с мировым именем, блестяще владеющий огромным репертуаром, он продемонстрировал необыкновенно богатую палитру своих творческих возможностей.

Еще одним «открытием» стал Ансамбль солистов Московской филармонии, возглавляемый Ю. Башметом. Официальный статус данный коллектив получил всего полгода назад, а сегодня он — один из флагманов советского исполнительского искусства. Выдающийся альтист современности, Ю. Башмет собрал блестящих музыкантов-струнников и создал ансамбль, отличающийся безупречным музыкальным вкусом. Трактовка произведений Телемана, Чайковского, Хиндемита, Шнитке, Шостаковича, включенных в программу, свидетельствовала об искусстве музыкантов «пребывания в верном тоне», подразумеваемом не просто чистоту и отточенность интонируемого материала, а то нечто, что делает музыку Музыкой.

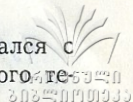
В многочисленном ряду концертов следует отметить и концерт «Первое исполнение». Телавский фестиваль обычно предоставляет сцену юным исполнителям, и на сей раз ученики Тбилисской средней специальной музыкальной школы удостоились чести вести целое отделение на вечернем концерте. Эмоционально и образно было исполнено 13 пьес из фортепианного цикла О. Тактакишвили «Акварели», созданного специально для Телавского фестиваля.

По инициативе организаторов фестиваля впервые состоялись благотворительные концерты, сборы от которых перечислены в фонд музыкального форума. Создание фонда, безусловно, будет содействовать дальнейшему улучшению материальной базы и условий проведения «Дара лозе».

Особое настроение создал выездной концерт, выведший телавский праздник на пленэр. Состоялся концерт в Доме-музее А. Чавчавадзе в Цинандали, где в исполнении Литовского камерного оркестра прозвучали сочинения Вивальди, Моцарта, Шуберта и Россини, естественно вписавшиеся в колорит старинной усадьбы.

Ансамбль «Мтиэби» и Женский фольклорный ансамбль Тбилисской консерватории представили программу, состоящую из песен и плясок различных регионов Грузии в их аутентич-

ном виде. Этот концерт-представление органично сочетался с оригинальным интерьером фойе Телавского драматического театра.

Яркое впечатление произвели грузинские светские и церковные песнопения, прозвучавшие в Храме музыки в исполнении Хора девушек телавского музыкального училища.

Празднично волнующим был и совместный концерт Ансамбля старинной музыки из города Биберах и самодеятельных творческих коллективов Телавского района, представители которых подписали договор о продолжении дружеских и культурных связей между городами-побратимами...

Торжественное настроение не покидало фестивальную аудиторию с первой ноты «Шэн хар венахи», традиционно открывавшего этот праздник, до последнего звука «Мравалжамизэр», дружно подхваченного залом.

Расставаться с телавским праздником Музыки, Вдохновения, Творчества было грустно, но радостно было сознавать, что праздник этот вновь наступит через год и вновь возбудит ум и фантазию, разовьет скрытые силы, сделает всех более чуткими, страстными, мыслящими, преданными своему делу!

ПОСРЕДНИКИ НРАВСТВЕННОГО СОЮЗА

КАК известно, грузино-русские театральные отношения восходят ко второй половине XVII века, когда в 90-х годах в Москве была основана грузинская колония, сделавшая культуру Грузии доступной для русского общества. Именно к тому периоду относится активная деятельность Сандунова (С. Зандукели), сыгравшего важную роль в развитии русского театрального искусства. Позднее на эту стезю вступили Д. Панчулидзе (в Пензе), А. Панчулидзе (в Саратове), Херхеулидзе (в Калуге), Грузинский (в Симбирске), П. Шаликашвили, издававший журнал «Московский зритель».

Наиболее благоприятные условия для развития грузино-русских театральных связей возникли после заключения Георгиевского трактата.

В первой половине XIX века, ввиду отсутствия профессионального театра (придворный театр в Тбилиси прекратил свое существование после нашествия Ага-Магомет-хана в 1795 г.), в Грузии устраивались только семейные представления, для которых переводились и новые пьесы. Находившиеся тогда в России грузинские деятели интересовались русским театром, а в самой Грузии зрела идея возрождения театра.

21 января 1832 года в доме Р. Багратиони на русском языке была разыграна комедия А. Грибоедова «Горе от ума». Русской драматургией заинтересовался великий грузинский поэт Н. Бараташвили, который перевел «Юлия Тарантского» И. Лейбвица.

С 40-х годов XIX столетия в Грузии появились предпосылки для дальнейшего развития литературы и искусства. Колониальную политику царизма наместник М. Воронцов проводил здесь в мягкой форме. С целью внедрения русской культуры он открыл новые русские школы, учредил отделение географич-

ческого общества России, русскую газету «Кавказ», а с осени 1845 года начал работать русский профессиональный театр, которому М. Воронцов придавал особое значение. В одной из докладных царю, сообщая о политических результатах открытия этого театра, он писал: «Я смею думать, что Ваше императорское Величество благоволите признать, что такой результат может иметь самое благотворное влияние на развитие науки и вкуса, на изощрение нравов и на слияние туземцев с русскими» (Театр в Тифлисе в 1845—1856 годах, Тифлис, 1888, с. 134). Однако в действительности русский театр в Грузии послужил иным целям. Именно здесь грузинские зрители увидели воплощенными на сцене комедии «Горе от ума» А. Грибоедова (8 октября 1846 года) и «Ревизор» Н. Гоголя (2 декабря того же года). Таким образом, стимулируя развитие грузино-русских театральных взаимосвязей, этот театр пропагандировал лучшие образцы современной русской драматургии, которые несли зрителям прогрессивные идеи, направленные против политического строя России. Потому-то театр и был закрыт в 1857 году.

В 60—70-е годы XIX века вернувшаяся из России передовая грузинская молодежь встала во главе национально-освободительного движения, вдохновителем которого был И. Чавчавадзе.

Как в России, так и в Грузии общественное движение той поры обусловило формирование демократической культуры на новой эстетической основе. В литературе появляется целый ряд произведений, в которых с большой обобщающей и обличительной силой были воссозданы характеры и картины тогдашнего быта, правдиво отображены явления, характерные для того времени. Пронизанные любовью к родине, эти произведения в то же время показывали несовместимость существующего строя с интересами народа, с идеями свободы и дружбы. В выражении этих воззрений грузинскому театру помогали лучшие образцы русской драматургии.

10 ноября 1874 года на кутаисской сцене впервые в Грузии была поставлена пьеса А. Островского «Доходное место», а в следующем году — его же «Трудом добытый хлеб» (в соавторстве с Н. Соловьевым). Особый успех выпал на долю «Доходного места», шедшего в грузинском театре почти каждый сезон. В приветственном слове выдающегося деятеля грузинского театра Васо Абашидзе, с которым он обратился к прибывшему в Грузию в 1883 году А. Островскому, содержится очень верное объяснение этого успеха: «Когда мы знакомим

наше общество с вашими бессмертными творениями, то чувствуем, что оно рукоплещет не нам, рукоплещет не нашему искусству, а большому драматургу, который оживил свои удивительные творения и осветил лучом гуманной сути и правды, одинаково дорогой для всех народов... Мы, кто пересадили искусство к Востоку, убедились и убедили других, что картины вашей святой Руси могут взволновать сердце и мысль не только русского общества... Я весьма счастлив, что нам посчастливилось через ваши творения быть посредниками нравственного союза между этими двумя народами, у которых есть много общих целей и между которыми существует взаимная любовь и сочувствие».

В том же театре была осуществлена постановка пьесы А. Островского (в соавторстве с Н. Соловьевым) «Счастливый день». Еще популярнее были и чаще ставились «Без вины виноватые».

Столь же значительным явлением для грузинского театра было обращение к произведениям Н. Гоголя. 6 июля 1879 года впервые были представлены «Записки сумасшедшего», которые читал К. Месхи. Особого успеха достиг великий грузинский трагик В. Алекси-Месхишвили, который читал гоголевский текст на русском языке. В апреле 1881 года на грузинской сцене впервые был поставлен «Ревизор». Эта комедия привлекла внимание театральных деятелей Грузии не только своими высокими художественными достоинствами, но и революционизирующим воздействием на массы, в силу чего долго оставалась на сцене дореволюционного театра Грузии. Она прочно вошла в репертуар восстановленного в Тбилиси в 1866 году русского театра, где начинала свою творческую деятельность А. Яблочкина.

С 1884 года в профессиональном грузинском театре играли «Горе от ума» А. Грибоедова.

Драматургия А. Островского, Н. Гоголя, А. Грибоедова с ее прогрессивной идейной направленностью и высокой художественностью стала лучшей школой для грузинского театрального искусства. Выдающиеся мастера грузинской сцены создали в их пьесах замечательные сценические образы.

Наряду с произведениями этих авторов в грузинском театре в разное время ставились «Маскарад» и сцены из «Демона» М. Лермонтова, «Преступление и наказание» (по роману Ф. Достоевского), «Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина.

В грузино-русских театральных отношениях особое место занимают гастроли московского Малого театра и отдельных ак-

теров. Привозя в Грузию произведения передовых русских и иностранных авторов, создавая высокохудожественные реалистические образы, они способствовали развитию национального грузинского театра.

Творчество Максима Горького всегда интересовало грузинскую общественность. 19 декабря 1902 года в Тбилиси, в Артистическом обществе труппа Красова на русском языке сыграла пьесу М. Горького «Мещане». Газета «Иверия», рецензируя ее, писала: «Самым главным в этой пьесе является то, что автор выводит отцов и детей, рисует столкновение старого с новым». Отмечалось также появление человека нового типа — Нила: «Настоящий представитель новой жизни Нил... Автор через образ Нила предлагает свою веру. Нил — тот сильный и свободный человек, который и на развалинах старого вырастит новое...». Позднее, в январе 1910 года, «Мещан» показала и кутаисская труппа в постановке режиссера В. Гуня.

После поражения революции 1905 года, несмотря на строгую цензуру, в пору глухой реакции 4 мая 1908 года тбилисский русский театр сумел поставить «На дне» М. Горького. Небезынтересно, что в декабре 1913 года «На дне» под названием «Опустившиеся» показал и Батумский, как его называли, «железный», театр. Постановку осуществил режиссер Ш. Дадиани, впоследствии — один из крупнейших грузинских советских писателей и драматургов. Рецензий об этом спектакле не сохранилось, но известно, что роль Актера исполнял сам Ш. Дадиани.

Пьеса М. Горького «Последние» в России была запрещена цензурой и до 1919 года не ставилась. Однако 16 октября 1910 года ее поставил Кутаисский театр несмотря на то, что его репертуар по причине цензурных ограничений на современные остро политические и социальные пьесы в основном опирался на классическую драматургию и мелодрамы.

Воспитанный на традициях Московского Художественного театра режиссер М. Корели не случайно выбрал эту пьесу. Его привлекли важный для того времени политический мотив произведения, активная гражданская позиция, а также четкие художественные образы. По его словам, «отношение между действующими лицами, мысли, слова — это был тот материал, посредством которого молодой актер изучал и усваивал технику искусства».

М. Корели создал основанный на принципах работы Московского Художественного театра спектакль, в котором наряду

с художественной обработкой главных ролей большое внимание уделялось ансамблевости.

Спектакль, поставленный за двадцать репетиций, что для того времени представляло большую редкость, получил признание зрителя.

Созданием художественно законченного типажа в спектакле на современную тему группе удалось показать психологически сложные образы, встал вопрос о необходимости работы по новому методу — методу Художественного театра, что, по словам М. Корели, означало «объявление борьбы против существующих условий работы и старого поколения».

Тогдашняя пресса отмечала, что благодаря этой пьесе в грузинский театр ворвался дух демократизма, а это был факт значительный, ибо в то время грузинская сцена предлагала зрителю довольно пестрый репертуар.

Во внедрении принципов Художественного театра М. Корели помогли осуществленные им постановки «Воскресения» и «Живого трупа» Л. Толстого, а также «Дяди Вани» А. Чехова. Стремясь к утверждению психологического реализма, В. Алекси-Месхишвили осуществил постановку «Черного монаха» по рассказам Л. Толстого и А. Чехова.

В поисках нового театрального направления на грузинской сцене обратился к «Ревизору» Н. Гоголя и А. Цуцунава. В связи с этим В. Кикнадзе писал в «Очерках истории грузинской режиссуры», что «эта верность имела тогда принципиальное значение для грузинского театра», поскольку, по мысли В. Кикнадзе, она представляла собой творческую переработку принципов Художественного театра в национальном актерском искусстве, стремление к обновлению грузинского театра и повышению его профессионального уровня.

В 10-х годах XX века из России в Грузию приехали первые грузинские профессиональные режиссеры — М. Корели, А. Цуцунава, В. Шаликашвили, А. Пагава, прошедшие школу Московского Художественного театра и начавшие борьбу за утверждение психологически-реалистического театра. Основательно изучив идейно-художественные принципы и достижения тогдашнего сценического искусства, они постарались соотнести полученные знания с опытом и богатыми традициями грузинского театра. На этой почве стало возможным создание ансамблевого спектакля, соблюдение целостности действия, психологическая обработка ролей. А это в свою очередь обусловило увеличение количества репетиций, рост их значения, дало возможность детальной разработки спектакля, глубокого

раскрытия внутреннего мира как главных героев, так и эпизодических, раскрытия их психологической и социальной сути. Все это позволило создавать современные по своей идейной направленности спектакли. Каждый из этих аспектов являлся важным этапом развития грузинского театра, ибо как раз в тот период была заложена основа синтетической формы спектаклей.

Утверждению новых тенденций в театре во многом способствовало и вторжение психологизма в грузинскую драматическую литературу.

Работа по принципам Художественного театра помогла грузинским режиссерам глубже вникнуть в социально-экономические, политические и культурные изменения, которые диктовало время, что сблизило сцену и зрителя. Как пишет В. Кикнадзе в своих «Очерках истории грузинской режиссуры», «большая традиция общения грузинского и русского театров создавала замечательный исторический фон для развития новых отношений. Эту великую миссию выполнили и грузинские «мхатовцы».

Геннадий ВОЛКОВ

ЦВЕТOK ЛЮБВИ И БЛАГОДАРНОСТИ

В ЧУВАШСКОМ книжном издательстве в 1986 году осуществлено совершенно уникальное издание стихов Нодара Думбадзе для детей под общим названием «Дрозд». Редкий для Чувашии тираж этого поэтического сборника — четыре тысячи экземпляров — разошелся почти мгновенно. Книгу читают, перечитывают, заучивают наизусть целые стихотворения и отрывки из них, делают литературные монтажи по ним как в детских садах, так и в начальных классах школ Чувашии, где мне, москвичу, доводилось выступать с докладами о Н. Думбадзе только во втором полугодии текущего учебного года более двадцати раз.

Страницы этого издания воспроизводились в литературных бюллетенях, в стенных газетах, в клубах интернациональной дружбы думбадзевские стихи декламировались старшеклассниками. На литературном вечере памяти Нодара Думбадзе в Центральном доме работников искусств в Москве один из выступавших, А. А. Оганян, вышел к трибуне с этой книжкой в руках.

Выход этой книги — событие в культурной жизни Чувашии и явление в многонациональной советской литературе.

Открывается «Дрозд» большим фотографическим портретом и краткой биографией писателя, свидетельствующей о его огромной любви к детям. Сказано и об их любви к нему, о присвоении его имени детскому городку «Мзиури».

Нет нужды говорить подробно о содержании книги: оно хорошо известно грузинским читателям — и взрослым, и детям. Отмечу лишь, что были отобраны и вошли в нее лучшие стихи Н. Думбадзе на темы доброты и человечности. Это — «Новогодняя ночь», «Весенний день, прекрасный день», «Заяц», «Доктор», «Игла», «Жеребенок», «Очки», «Курица-наседка», «Обращение Кети к солнцу», «Клятвенное слово», «Нана», «Обида», «Однажды я смотрел кино...», «Гостя Нодарика», перевод которых с предельной

бережностью осуществлен известным чувашским поэтом, лауреатом премии Ленинского комсомола Георгием Орловым. Стремление переводчика к точной передаче поэтического замысла Нодара Думбадзе чувствуется в каждой строке. В этом убеждают не только сравнение подстрочных и поэтических текстов на чувашском и русском языках, но и беседы с грузинскими товарищами, обстоятельно разъяснившими нам особо важные оттенки стиля, смысла, эпитетов, исконных народных духовно-нравственных традиций, включая и фольклор, многие другие национальные реалии.

Особо хочется сказать об энтузиасте этого издания — заслуженном художнике Чувашской АССР Элли Юрьеве, чье имя, кстати, древнечувашского, языческого происхождения, означает «имеющий родину», то есть патриот. Элли Юрьев — патриот особого рода, новейшей эпохи, любовь которого к родному краю согрета чувством братской дружбы к другим народам Страны Советов.

В выходных данных этого своего рода подарка дружбы народов и культур к 70-летию Великого Октября читаем: гарнитура «Думбадзе-чувашская» (рукописная).

«Для «Дрозда» Нодара Думбадзе, — по словам искусствоведа М. Карачарсковой, — Юрьев разработал алфавит для наборного текста, используя пластику рисунка, перекликающегося с современным грузинским шрифтом (а выполнялся он от руки!). Книжка потребовала сложнейшего труда: макетирование, художественное и техническое редактирование, непосредственное оформление и иллюстрация, полиграфическая ретушь (корректировка цветоделения, шрифта, иллюстраций к воспроизведению в типографии), набор текста (с разработанного им же самим алфавита «грузинского» для чувашского текста), разработка орнаментально-го поля с «грузинским» рисунком и его колорита. Каждое из этих ремесел требует специального опыта, знаний, времени».

Элли Юрьев — один из талантливейших чувашских художников, широко известный и любимый не только у себя на родине. В этом году в первом номере журнала «Социалистическая Чехословакия», где печатаются «Страницы из летописи дружбы», посвященные 70-летию Великого Октября, в первом же выпуске «Из истории чешско-русских связей» напечатан портрет Яна Амоса Коменского, выполненный Э. Юрьевым.

В марте этого года я присутствовал на его персональной выставке, где целый зал был отведен произведениям грузинской тематики. Там экспонировались и пейзажи Сванетии, и виды старого Тбилиси, и портреты, передающие характерные национальные черты грузин. Однако самое поразительное — это живописные работы огромных размеров по стихотворениям Нодара Думбадзе.

Так, например, почти целую стену занимает иллюстрация к его стихотворению «Обращение Кети к солнцу». Удивительны и многокрасочные рисунки в самой книжке на страницах 4 и 5. Прекрасна картина «Жеребенок»: Кавказские горы, заходящее солнце на тревожном небе Грузии, далеко-далеко — контуры древнего замка... Детали эти очень характерны. Вообще работы, связанные с детскими стихами Н. Думбадзе, выходят за рамки лишь иллюстрации произведений писателя. Скорее это — проникновенный диалог, единодушное объяснение в любви к Родине грузинского писателя и чувашского художника.

Беседуя с ним о том, что послужило толчком, стимулом, вызвавшим этот благородный душевный порыв, я сказал Элли, что хотел бы назвать свое эссе об этой книжке, проиллюстрированной им, «Букет любви и благодарности».

— Нет, — решительно возразил художник. — Пока далеко до букета. Для меня это — первый цветочек, букет — потом.

Что же касается того, как возникла идея издания такой вот книжки, то обращусь к биографии Э. Юрьева, второго сына из десяти детей известного чувашского писателя и журналиста Михаила Юрьева — Няманя (1910—1980). Эта семья необычайно талантлива, она сплошь состоит из поэтов, писателей, художников. Да и Элли не только художник, но и эссеист, искусствовед, критик.

Ученик народного художника Советского Союза, действительного члена Академии художеств СССР Учи Малакиевича Джапаридзе, в 1958—1964 годах он учился в Тбилисской академии художеств, а до этого в течение шести лет являлся слушателем студии военных художников Тбилисского окружного Дома офицеров. Будучи студентом, принимал участие в конкурсе по промграфике, проводившемся к 40-летию Советской Грузии. Многократно выезжал в отдаленные районы республики на практику, пленэр, на творческие поиски. Изучал грузинский язык, увлекся грузинским искусством — живописью, архитектурой. Встречался с Нодаром Думбадзе, бывал на встречах читателей с ним.

Элли не только с благодарностью говорит о своем учителе, он знакомит школьников с репродукциями его картин, рассказывал о нем и студентам художественно-графического факультета Чувашского педагогического института, где недолго работал, учащимся Чебоксарского художественного училища.

Грузинская школа живописи оказала на него очень сильное влияние. Возможно, духовно-нравственное воздействие грузинской культуры усиливалось дружбой с семьей великого чувашского поэта Педера Хузангая, до последних дней изучавшего грузинский язык и приступившего к переводу «Витязя в тигровой шкуре» с

подлинника. Многие его книги, в том числе включающие и огромное очарования стихи из грузинского цикла, оформлялись Элли Юрьевым, мастером книжной графики, выдвинутым на соискание Государственной премии Чувашской ССР имени Константина Иванова за оформление книг — «Маленькие трагедии» Пушкина, «Нарспи» К. Иванова, «Слово о полку Игореве» в пересказе на чувашском языке Юрия Семендера.

Он поделился воспоминанием о таком интересном эпизоде из своей тбилисской жизни. Дело было в 1964 году. Элли заканчивал свою дипломную работу «Запах земли», посвященную космонавту А. Г. Николаеву. Вернувшийся тогда с заседания президиума Академии художеств СССР Уча Малакиевич рассказал ему, что в парикмахерской гостиницы «Москва» за ним занял очередь Андриян Николаев. Все тут же предложили космонавту пройти вперед, но он категорически отказался. Пока ждали своей очереди, сидели рядом, разговаривали. «Добродушный, скромный, спокойный, умный», — так охарактеризовал его У. Джапаридзе.

— У меня ваш земляк пишет дипломную работу, посвященную вам, — сказал он Николаеву. — Вы с ним и внешне очень схожи. Конечно — не только внешне. Вы — дети одного народа. Народа красивого, замечательного. Доброго и мужественного.

Говоря это, Уча Малакиевич с нежностью смотрел на своего ученика.

Да, межнациональные связи неисчерпаемо богаты. В них много глубоко личного, интимного. Культура национального общения каждодневно обогащается и ими. Все многообразие добрых взаимоотношений между людьми разных национальностей предсказать просто невозможно.

Лучшие книги великого поэта Чувашии Педера Хузангая, особенно юбилейные подарочные издания последнего времени, оформлены Элли Юрьевым. Пламенная любовь к Грузии — и в иллюстрациях произведений, связанных с этой прекрасной страной. И в творчестве Атнара Хузангая — сына поэта, литературоведа, критика, искусствоведа, публициста, грузинская, кавказская тема не иссякает, то и дело возвращаясь неожиданными гранями любви, поклонения, благодарности. Имя Атнара Хузангая вонзилось здесь не случайно. Он — друг Элли. У них немало общих интересов и забот по пропаганде среди своего народа достижений литературы, культуры братских народов.

Уча Малакиевич Джапаридзе — учитель Элли Юрьева, все свое творческое наследие принес в дар родному Тбилиси.

Все лучшее, что создано Элли Юрьевым, 270 работ, экспонировавшихся на его юбилейной выставке, переданы Советскому фон-

ду культуры, откуда поступили в Чувашский государственный художественный музей. «Еще до открытия выставки я не раз задумывался о дальнейшей судьбе произведений, включенных в экспозицию, — говорит художник. — И утвердился в мысли, что, поскольку все они выполнены с целью обогатить культуру республики, то и должны принадлежать и храниться у государства. Окончательным доводом в пользу такого решения явился факт образования Советского культурного фонда. Я посчитал, что, как советский художник и гражданин и как деятель чувашского изобразительного искусства, не могу стоять в стороне от такого патриотического движения, много значащего для дальнейшего развития чувашской советской культуры...» («Советская Чувашия», 1987, 31 января, № 25).

Учитель и ученик... Вряд ли случайно совпадение проявленных ими актов бескорыстия и благородства. Это подтверждает и тот факт, что об учителе и наставнике чувашского художника, о Грузии, грузинском цикле его работ говорилось и на торжественной церемонии передачи произведений Э. Юрьева Советскому фонду культуры. А один из самых авторитетных в настоящее время в Чувашии искусствоведов, каким является М. Карачарскова, прямо указывает: «Ученик последовал примеру учителя, народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР У. М. Джапаридзе, который подарил грузинскому народу в прошлом году все свои произведения».

Она же пишет: «Около трехсот книг оформлено Юрьевым... Сегодня немало молодых художников, интересно и самобытно работающих в чувашской книжной графике. Но Юрьев остается все же непререкаемым авторитетом. Он может то, чего не смогут другие. Что же это такое, чего не смогут сделать другие?»

В витринах под стеклом листы разворотов иллюстраций детской книжки грузинского писателя Нодара Думбадзе «Дрозд»... Здесь же удивительные и самые значительные достижения художника, предшествующие книге «Мехел» П. Хузангая и другим изданиям промграфики к юбилею поэта. И чтобы понять достижения последних лет, надо вспомнить год 1970-й, когда была оформлена книга «Чувашские народные песни в обработке Г. Хирбю», год, когда Юрьев впервые столкнулся с техникой фотографии». По мнению М. Карачарсковой, «Юрьева по праву можно назвать реформатором книжного графического искусства Чувашии».

Бегство из собственного дома

Рюрик Ивнев и Грузия... Эти понятия неразрывны, слиты, неразрешимы. О ней поэт никогда не забывал, она пронзает все его творчество с раннего детства и до глубокой старости. И это не случайно: уроженец Тифлиса, проживший там значительную часть жизни, объездивший все Закавказье, Рюрик Ивнев никогда не порывал связи с Грузией. Он дружил с ее людьми — писателями, поэтами, художниками. В его архиве остались многочисленные воспоминания о многих представителях грузинской творческой интеллигенции, таких, как Галактион Табидзе, Иосиф Гришашвили, и многих других. Десятки стихотворений о Грузии вошли в книгу «Избранного», выпущенную в 1985 году издательством «Художественная литература», в Москве. Его повесть об установлении Советской власти в Грузии под названием «У подножия Мтацминды» дважды издавалась в московском издательстве «Советский писатель». Но осталось еще много неизданного.

Материалов из архива Р. Ивнева, связанных с Грузией, наберется на толстую книгу.

Эти неопубликованные странички — воспоминания об основателе Музея Рублева в Москве — Давиде Арсенишвили содержат малоизвестные штрихи к портрету этой незаурядной личности.

Н. ЛЕОНТЬЕВ,

секретарь комиссии по литературному
наследию Р. Ивнева при СП СССР.

Рюрик ИВНЕВ

Можно было подумать, что это не обыкновенный тифлисский дом, опоясанный балконами, а средневековая крепость, из которой бежит преступник способом, известным всему миру, особенно в далекие времена. Шестнадцатилетний мальчик Давид Арсенишвили спускался с третьего этажа на связанных друг с другом простынях. Но никто этому не удивлялся, так как в пять часов утра улица была безлюдной.

От кого же он бежал? Как сам впоследствии мне рассказывал, ему надоела семейная опека. Его слишком любили и окружали такими заботами, которые для него казались крепкими веревками. Но самое главное не в этом, а в том, что он мечтал о Москве, той голодной Москве 18-го года, из которой многие убегали в поисках хлеба, и как раз на юг, в Тифлис, из которого он вырвался. Единственный путь, более или менее безопасный, лежал через Баку. Его влекла мечта — поступить в театральное училище, и не в Тифлисе, а именно в Москве. Забавнее всего то, что в пылу своих мечтаний он забыл о существовании паспортов, командировочных удостоверений и разных документов. И поэтому, благополучно доехав до Баку, попал в объятия милиции. Еще забавнее было то, что его приняли за шпиона и долго добивались, чей он шпион. Наконец его дело попало в руки высшего начальства, которое оказалось весьма сообразительным и доброжелательным. Ему дали разрешение на выезд в Москву.

В Москве заинтересовались оригинальным юношей из Грузии, и его приютила студия Немировича-Данченко.

...Прошло много лет. Однажды, спустя три-четыре года после окончания Великой Отечественной войны, встречаю его на Большой Андроновской улице. Спрашиваю:

— Где ты остановился?

— Только что в справочном бюро я запросил твой адрес и вот прохаживаюсь. Ответ обещали дать через 15 минут, а ты тут как тут.

— А ты-то где остановился?

— Да вот по соседству, в Андроновском монастыре.

Я спрашиваю:

— Настоятелем?

Он отвечает:

— Директором музея! Хотя собственно музея никакого нету. Есть только подвалы в подворье монастыря, наполненные иконами, еще не разобранными...

...Прошло еще несколько месяцев. Захожу к нему в монастырь. В передней он стоит у телефона.

— Я тебе не помешаю?

Он улыбается:

— Наоборот!

Продолжая разговор по телефону, говорит:

— Это секретарь начальника архива Военного трибунала? О чем будет разговор, я ему сам расскажу. Я вам повторяю, соедините меня с генералом.

— Товарищ генерал, известно ли вам, что меня назначил директором музея Рублева товарищ Сталин? Так вот, если в течение трех дней не освободите всех наших подвалов, то мне придется сообщить об этом товарищу Сталину.

— Что вы говорите? Через месяц? Никак невозможно!

— Товарищ генерал, я директор, а не купец, торговаться больше не буду. Что? Ручаетесь окончательно через неделю? Хорошо, неделю я подожду.

Повесив трубку, он предложил мне осмотреть музей.

Мы входим в храм. Ничего рублевского в храме нет. Вся экспозиция находится пока внизу, в подвалах Андроновского монастыря. Дадико мне говорит:

— Сокровища рублевской иконописи будут размещены на этих стенах.

И продолжает:

— С трибуналом, как убедился ты, покончено. У генерала голос задрожал, когда я упомянул имя Сталина. Ну, вот предстоит мне еще возня с Московским жилищным управлением. Попробуй-ка сейчас дать квартиры всем тем, которые были вселены много лет тому назад в дома на территории монастыря. Здесь уж действительно может помочь один Сталин, но я к нему не вхож, и генерал зря пугается. Ведь я должен был сказать ему по-другому, то есть, что назначение на пост директора музея было не подписано, а согласовано с товарищем Сталиным.

Организация Рублевского музея была далеко нелегким делом, и образование его могло бы длиться долгие годы, если бы не кипучая энергия Давида Ильича Арсенишвили. Помех было много. Например, ответственным работникам казалось, что это не пропаганда рублевского искусства, а пропаганда религии. Само слово «икона» пугала многих. Еще неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы один из грузинских товарищей, которому Сталин очень доверял, не рекомендовал Давида Арсенишвили на этот пост.

Надо отдать должное и администрации нынешнего возрожденного и преобразенного музея Рублева, которая чтит память о Давиде Арсенишвили, и, как солдат, погибших смертью храбрых, называют в солдатском строю, так и работники музея, проводя экскурсии, с гордостью говорят посетителям, что первым директором музея был Давид Ильич Арсенишвили. Ведь всем известно, что ранняя смерть Давида Ильича была результатом титанических усилий создать музей Рублева в Москве.

041935940
3032010030

ВЕЛИКОМУ СЫНУ ГРУЗИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В МОСКВЕ в Государственном академическом Большом театре Союза ССР состоялся торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения великого грузинского писателя и общественно-го деятеля Ильи Чавчавадзе.

На юбилейное торжество собрались представители партийных, советских и общественных организаций, деятели культуры и науки, посланцы братских республик.

В президиуме — товарищи Лигачев Е. К., Шеварднадзе Э. А., Яковлев А. Н., заведующий отделом культуры ЦК КПСС Ю. П. Воронов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментеша-швили, первые секретари ЦК Компартий: Грузии — Д. И. Патиашвили, Армении — К. С. Демирчян, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко, секретарь ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе...

Юбилейный вечер вступительным словом открыл первый секретарь правления Союза писателей СССР В. В. Карпов.

«Слово о Чавчавадзе» произнес секретарь ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе. Он особо

отметил, что всем своим творчеством И. Чавчавадзе боролся за то, чтобы грузинский народ, грузинская литература вышли на широкое поприще прогрессивной мировой культуры, заняли бы достойное место в общем потоке мировой цивилизации. Нынешняя встреча в Москве, одном из крупнейших центров мировой цивилизации и культуры, — еще одно яркое свидетельство того, что эта благородная цель Ильи Чавчавадзе достигнута.

О непреходящем значении творчества великого сына Грузии, его громадном вкладе в сокровищницу отечественной культуры на вечере говорили секретарь правления Союза писателей СССР А. Вознесенский, секретарь правления Союза писателей Украины И. Драч, Герой Социалистического Труда писатель Гр. Абашидзе, председатель правления Союза писателей Армении В. Петросян, главный редактор журнала «Литература и искусство» на азербайджанском языке Н. Гасанзаде, председатель правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили.

Юбилейное торжество завершилось концертом мастеров искусств Грузии.

Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1987 год

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. С днем рождения! IX, 3.
РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Программа революционных преобразований. VIII, 3.

С позиций перестройки

Илья Чавчавадзе — 150

Верный, как Автандил... X, 3.
ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ: IV, 3. Слово, произнесенное при перенесении праха Николоза Бараташвили. VI, 3. О журнале «Сакартвелос моамбе». Внутреннее обозрение. Девятнадцатый век. Статьи. X, 31.
ЖВАНИЯ В. «Ныне временно прибыл в С.-Петербург», IX, 5.
ИМЕДАШВИЛИ И. Радетель отчизны. V, 3.
КАЛАНДАДЗЕ А. Илья. Фрагменты из романа. X, 116.
КОРИНТЭЛИ К. Новые переводы. X, 54.
МАГАРОТТО Л. Поэтика «взгляда» в поэме Ильи Чавчавадзе «Отшельник». X, 110.
МАМУЛИА Г. О политическом идеале Ильи Чавчавадзе. X, 55.
ОРЛОВСКАЯ Н. Книги — о своем владельце. X, 101.
СААКАДЗЕ Ш. Русские революционные демократы и Илья Чавчавадзе. X, 88.
СТУРУА З. «Дружески приветствую Вас из древней Колхети». V, 12.
ХИНТИБИДЗЕ А. Поэтическое параллели. VIII, 10.
ЦИЦИШВИЛИ Г. Художник, мы-

слитель, общественный деятель. X, 18.
ЧАВЧАВАДЗЕ И. Элегия. VIII, 6; Матери-Грузии, X, 6.
ЧОЛОКАВА Н. Стремление к высокому идеалу. VII, 3.

Поэзия

АЛХАЗИШВИЛИ Г. VII, 93.
АСАТИАНИ Л. VIII, 72.
БАРАТАШВИЛИ М. III, 3.
ВОЗНЕСЕНСКАЯ М. VII, 126.
ГОГИЧАШВИЛИ Н. III, 6.
ДАДИАНИ И. III, 5.
ДЖАНЕЛИДЗЕ Д. VIII, 120.
ДЖАПАРАШВИЛИ Л. III, 5.
ДЖОНУА А. II, 75.
ДЗНЕЛАДЗЕ Г. I, 3.
ЕЛИГУЛАШВИЛИ М. VIII, 155.
КАЛАНДАДЗЕ А. II, 3.
КВИТАИШВИЛИ Э. IX, 63.
КВЛИВИДЗЕ М. II, 67.
КОБЕРИДЗЕ М. III, 8.
КОРОТИЧ В. IV, 145.
КУТАТЕЛАДЗЕ Н. III, 4; IX, 66.
ЛОМЯ К. XII, 45.
МАРГИАНИ Р. I, 4.
МАЧАВАРИАНИ М. XI, 70.
НАДИРАДЗЕ К. IV, 79.
ОКРОПИРИДЗЕ С. IX, 150.
ОНАНЫ Г. XII, 73.
ОТАРАШВИЛИ В. XII, 71.
СЕРЕБРЯКОВ С. VI, 78.
СОКОЛОВСКАЯ Н. IX, 92.
СОПРОМАДЗЕ Н. III, 7.
СТЕПЧЕНКО К. III, 9.
СУЛАБЕРИДЗЕ Л. IX, 11.
ТЕР-ГРИГОРЯН А. VII, 120.
ТРОЕПОЛЬСКИЙ Г. V, 117.
ФОРЕНКО Л. XI, 93.
ХАНАУЛИ Б. II, 71.
ХАРЧИЛАВА В. XI, 91.
ХАРХЕЛАУРИ Г. XII, 46.
ХЕТАГУРИ М. III, 3.

ХУЦИШВИЛИ М. III, 7.
ЧАРКВИАНИ Д. 1, 10.
ЧХИКВАДЗЕ В. XII, 3.

ленький робот и Ворона.
VI, 9.

041935940
1910930

**Из классического
наследия**

Проза

АБАШИДЗЕ Г. Соболезнова-
ние. II, 6; III, 10; IV, 26.
БРЕГВАДЗЕ Л. Возвращение.
IX, 69.
ГИГАШВИЛИ В. Охота на Чон-
Таше. VI, 82; VII, 52.
ДОНЖАШВИЛИ Т. Гонджаура.
IV, 86; V, 32.
ИНАНИШВИЛИ Р. Лара. X, 153.
КАНДЕЛАКИ Н. И тогда шел
дождь. I, 13; II, 77.
КАРЧХАДЗЕ Д. День один. I,
51.
КЕТЕЛАУРИ С. Мужичок. VII,
99.
КИАЧЕЛИ Л. Хаки Адзба. XI,
21.
КОБИДЗЕ Р. Листья папорот-
ника. VI, 34; VII, 18; VIII,
77; IX, 15.
КОКРАШВИЛИ Б. Два этюда.
I, 135.
МАМУЛАЙШВИЛИ Д. Багровые
пятна на нежно-голубом ше-
лке. VIII, 125.
МЕСХИ Л. Встреча. III, 71.
МИШВЕЛАДЗЕ Р. Новеллы. V,
128.
МХЕИДЗЕ А. Выбираю я... XII,
10.
НАПЕТВАРИДЗЕ Г. Рассказы.
VI, 132.
РАЕВ В. Неотправленное пись-
мо. XII, 48.
ТАБАТАДЗЕ К. Прогулка к
морю. X, 159.
ХАИНДРАВА Л. Очарованная
даль. IX, 95.
ЧИЛАДЗЕ Т. Птичий базар.
VIII, 16.
ЧХИКВИШВИЛИ А. Паводок.
XI, 72.

**К Международному дню
защиты детей**

БАКРАДЗЕ Э. Стихи. VI, 6.
ТАБАТАДЗЕ К. Фиалка, Ма-

ОРЕБЕЛИАНИ Г. Мое путеше-
ствие из Тифлиса в Петербург.
XI, 195, XII, 76.
РАТИШВИЛИ Г. Малая повесть
о России. III, 86.

Из литературного наследия

ГАПРИНДАШВИЛИ В. Дачник.
VII, 50.
ТАБИДЗЕ Т. Стихотворения в
прозе. VI, 13.

К 70-летию Великого Октября

АКОБАШВИЛИ В. Коба Чохе-
ли. VI, 188.
КАДЖАЯ В. Большевик, сын
большевика. VII, 140.
КНИГИ К ЮБИЛЕЮ. Беседа с
председателем Госкомизда-
та Грузинской ССР Р. М.
Глонти. IV, 203.
ШАРОЕВА Т. Взаимообогаще-
ние социалистических куль-
тур. III, 151; На великом ру-
беже. XI, 11.
С ПОЗИЦИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ
Беседа с директором Инсти-
тута партии при ЦК КП Гру-
зии Дэви Стуруа. XI, 11.

О тех, кто ковал Победу

ГЕЛАДЗЕ Г. Последний бой
«Сибирякова». IX, 177.
ЕСВАНДЖИЯ В. «Волшебники»
Габисония в далеких Альпах.
VIII, 195.
НЕМИРОВА М. На реке Тим.
Глава из книги «Крутые сту-
пени жизни». V, 186.

Критика и литературоведение

АХВЕРДЯН Р. На поприще ро-
дной культуры. XII, 157.
БАТИАШВИЛИ Г. Время и кор-
ни. VI, 150.

БЕНАШВИЛИ Г. О современной поэзии. VIII, 157.
БОГОМОЛОВ И. Новый аспект освоения инациональной тематики. II, 152.
БОГОМОЛОВ И., СЕРЕБРЯКОВ С. О чем нельзя писать в год публицистики. XI, 174.
БУАЧИДЗЕ Д. Песнь о дружбе. IX, 166.
ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Собственная точка зрения. III, 164.
ГВИНДЖИЛИЯ Д. Пространство стихотворения. II, 141.
ГОГИЯ З. Сквозь призму национального. VIII, 168.
ДЖУЛУХИДЗЕ Г., ИОСЕЛИАНИ О. «У творящих суд праведный даже посох расцветает...». XI, 125.
ИМЕДАШВИЛИ К. О чем повествуют и о чем умалчивают рассказы. II, 123.
КАНКАВА Г. На новой волне гуманизма. VI, 139.
КАХНИАШВИЛИ В. Грузинская тема в творчестве немецкоязычных писателей. XII, 148.
КОВДА Д. В кружении вечном. V, 175.
КОНДАХСАЗОВА Д. Для детей и о детях. I, 170.
ЛОХВИЦКИЙ М. «Демон» — древнее адыгское сказание? Прообраз «Мцыри»? (Две гипотезы). VI, 162.
МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. «Грузия, Революция, Шекспир...» XI, 141; XII, 126.
МЕРКВИЛАДЗЕ Г. Современность как художественное время. IV, 178.
МОНИАВА М. Акакий Церетели — публицист. VII, 134.
ПЕРЕЛЬМАН Э. «Сверстник мчаться времен». VIII, 177.
РУСИТАШВИЛИ М. Искать человека. VIII, 186.
ТУХАРЕЛИ Д. В дополнение к известному. (В. Маяковский в Тифлисе в 1924 г.). I, 159.
ЧЕРЕДНИЧЕНКО В. Об одной

известной параллели. IX, 172.
ЧИТИШВИЛИ М. «Я избрал единственный путь вам...». II, 162.
ШАВГУЛИДЗЕ Н. Доброта. V, 170.

Публицистика

АМОНАШВИЛИ Ш. Источник вдохновения. III, 132.
БЕКАУРИ В. Строгое аллегорическое города. VI, 175.
МАЧАИДЗЕ Л. Бесценный дар — в добрые руки. XII, 169.
МИМИНОШВИЛИ Р. Против течения. XI, 96.
ПАНДЖИКИДЗЕ Г. «Время не теряет времени...». X, 195.
ХАРИТОНОВ В. Нравственная сфера современного искусства. VII, 150.
КОРАЛЛОВ М. Круглый многогольник. IV, 6.

Очерк

БЕРАДЗЕ Т. И на веслах, и на парусах. XII, 183.
КАВЕЛАШВИЛИ Н. Дорогой памяти иду к тебе. IV, 166.
СТУРУА М. Музы и маски (Погасшие люстры «Метрополитен-опера»). II, 171; Музы и маски (Новые необыкновенные приключения Тарзана). IV, 184.
ХЕРГИАНИ М. Скорьбь Жамуши. V, 16.

Рецензии

БОГОМОЛОВ И. Важная теоретическая база. IX, 214.
БУЯНОВ М. Дорога мужества. V, 210.
ВАХТАНГАДЗЕ В. «На синем пороге». VII, 163.
ЗЛАТКИН А. «Когда Орфей вступил на берега Колхиды...» II, 211.
КОНОНЕНКО П. Грузинский

- ученый об Иване Франко. VI, 203.
ЛЕЖАВА И. Поэт и переводчики. IV, 209.
ОНАНЫН Г. «Сперва был сад». II, 209.
ПАПУАШВИЛИ Т. Истина прежде всего. XI, 182.
ПРОСТОСЕРДОВ В. Семицветие радуги. IV, 212.
ФАЛИЛЕЕВА А. Биография чувств. VII, 160.

Писатель и жизнь

- ИМЕДАШВИЛИ К. Научимся любить. VII, 127.

Трибуна писателя

- МИМИНОШВИЛИ Р. Торжество труда. II, 116.

Раздумья писателя

- БАКРАДЗЕ А. Вера. IX, 152.

Дневник писателя

- ЧАРКВИАНИ Д. Гармония, рожденная совершенством... IV, 147.

Искусство

- БЕГИЗОВА И. По пути роста и совершенствования. III, 194.
БЕЗЪЯЗЫЧНАЯ Ю., СИМАКОВСКАЯ И. Энергия добра. VIII, 212.
ГОРЧАКОВА Е., ГОРЧАКОВ В. В контексте советского и мирового искусства. VIII, 218.
КОВАЛЕНКО Г. Древо жизни. IX, 216.
МАГИДСОН С. Звучит книга. III, 214.
МЕДЗМАРИАШВИЛИ М. «Я хочу правды...». VI, 219.
МЕГРЕЛИДЗЕ Г. Посредники нравственного союза. XII, 204.

- СЕХНИАШВИЛИ Е. Призвание быть композитором. VI, 209.
И мастерство, и вдохновение. XII, 198.
ТВАЛЧРЕЛИДЗЕ Т. Глас совети. VII, 201.
ТОРАДЗЕ Г. Шостакович и грузинская музыкальная культура. II, 214.
ФАЛИЛЕЕВА А. На сцене — Илья. X, 214.

Культурные взаимосвязи

- БАКАНИДЗЕ Д. Выполняя высокую миссию искусства. VII, 196.
ВОЛКОВ Г. Цветок любви и благодарности. XII, 210.

Контакты

- БЕРУЧАШВИЛИ Н. Шедевры пяти веков. I, 210.
ГОУА Г. В гостях у Янниса Рицоса. VI, 206.
ДОЛИДЗЕ Л. «Грузия подарила мне долголетие и неиссякаемую фантазию». X, 218.
КАКО ХИРОКО. Японские друзья Грузии. VIII, 208.

Документы. Письма. Воспоминания.

- ДУМБАДЗЕ Н. «Реальный герой 80-х? Приглядишься и увидишь!» (Предисловие и запись беседы Н. Мартынюк). II, 194.
ИВНЕВ Р. Бегство из собственного дома. XII, 215.
КЕРЕСЕЛИДЗЕ Г. К истории создания «Воскресения». VII, 193.
РОССОХА Л. Свидетельствуют архивные данные. VII, 166.

Наши публикации

- ДЖОРБЕНАДЗЕ С. Почитатель гения Л. Толстого. II, 204.

МАНДЕЛЬШТАМ О. Очерки.
IX, 204.

НЕРЛЕР П. «Из Крыма пустился в Грузию...». IX, 197.

Наши юбиляры

КАЛАДЗЕ К. Стихи. V, 28.

КРАСОТА И ДУХОВНОСТЬ. (К юбилею Беллы Ахмадулиной). V, 215.

«Годы над нами не властны...» К 90-летию со дня рождения Н. С. Тихонова. I, 170.

ШИНКУБА Б. Всадник. VII, 16.

Поле зрения

Литературная весна. VII, 218.

Лейтмотив: любовь к Родине. IV, 215.

Человек, день вчерашний, день сегодняшний. XI, 217.

Хроника

I, 158, 224; II, 76, 161, 203; III, 131, 163, 224; IV, 25, 202, 208; V, 31, 116, 224; VI, 149, 161, 174, 218; VII, 119, 133, 213, 214, 217; VIII, 15, 71, 167, 185, 194, 224; IX, 65; X, 87, 100, 152, 194; XI, 10, 90, 124, 194; XII, 125, 182, 224.

«ИНФОРМАТИКА В ЖИЗНИ США» —

под таким названием прошла выставка в Тбилиси.

Три технических новшества сделали возможным появление компьютера, отличающегося от ранней вычислительной техники: это электронный переключатель, цифровое кодирование информации и создание устройств искусственной памяти. На выставке были представлены последнее техническое достижение в этой области — «чип», миниатюрный компьютер, содержащий наибольшую дозу информации, а также компьютерный комплекс.

Один из больших разделов выставки — средства связи: «умная сеть». Американская сеть связи — самая сложная и разветвленная в мире. Крупное новшество в этой области — кодово-импульсная модуляция (КИМ), благодаря которой получает широкое распространение цифровое кодирование.

Раздел «Технический прогресс и образование» соседствовал с разделом «Линии жизни» (коммуникации в медицине).

Живейший интерес посети-

телей вызвали такие экспонаты-новинки, как звуковая машина (прослушивает и распознает 10 000 английских слов, одновременно их отпечатывая), чудо-видеодиск (Национальная художественная галерея в Вашингтоне записала на одном видеодиске изображения 1645 картин и скульптур), компьютер — помощник редактора, бесшнуровой телефон (около 740 000 американцев уже пользуются таким телефоном, позволяющим принимать звонки вне дома).

Недавно международный консорциум спутниковой связи ИНТЕЛСАТ сообщил о создании самого крупного и мощного в мире спутника связи «ИНТЕЛСАТ-1». Он будет выведен на геостационарную орбиту и сможет одновременно передавать 120 000 телефонных вызовов и принимать три миллиарда бит информации в секунду. Все большее распространение получают новые электронные библиотеки.

Выставка, прекрасно оформленная и вызвавшая большой интерес тбилисцев, несомненно, способствовала росту международного взаимопонимания и стимулированию человеческого творчества.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В № 11 на стр. 181 (1 строка сверху) вместо «о М. Кузьмине» следует читать «о М. Кузмине».

Сдано в набор 09.11.87 г. Подписано к печати 24.12.87 г. Формат 84×108^{1/32}. УЭ 10844. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5 200. Заказ 2638. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

856
31. XII 1987
300-000000
300-000000

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь).
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

26036320

65 კ.

26-87

87-856
ИНДЕКС 78117
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

